ISSN 1812-2566

MOLDOSCOPIE

Publicaţie periodică ştiinţifico-practică

Tipul B

Anul 24 (2020), nr. 2 (89)

DOMENII DE CERCETARE:

- ***Ştiinţe politice***
- ***Sociologie***
- ***Mass-media și științe ale comunicării***

CHIȘINĂU - 2020

Agenția Națională de Asigurare
a Calității în Educație și Cercetare

CERTIFICAT

de recunoaștere a revistei
în calitate de publicație științifică de profil

Seria RȘP Nr. 015

Moldoscopie

ISSN 1812-2566

Fondatori: Universitatea de Studii Politice și Economice Europene „Constantin Stere”
Universitatea de Stat din Moscova „M.V. Lomonosov”
Universitatea de Stat din Moldova
Universitatea Americană din Moldova

Tipul B

Profiluri: Științe politice; Sociologie; Media și comunicare

În baza Deciziei Consiliului de Conducere al Agenției Naționale de Asigurare a Calității în Educație și Cercetare nr. 14 din 28 februarie 2020, pentru o perioadă de 4 ani.

Președinte Andrei CHICIUC

Eliberat la 15 iunie 2020

Chișinău

ISSN 1812-2566

MOLDOSCOPIE

Publicaţie periodică ştiinţifico-practică

Anul 24 (2020), nr. 2 (89)

Inregistrată de Universitatea de Stat din Moldova (fondată la 1 octombrie 1946) în 1997 şi reînregistrată în 2009
Certificatul de înregistrare: nr. 1002600043325 din 28.07.1997
Acreditată de Consiliul Suprem pentru Ştiinţă şi Dezvoltare Tehnologică al Academiei de Ştiinţe a Moldovei prin Hotărârea nr. 146 din 27.06.2013, reacreditată prin Hotărârea nr. 245 din 11.11.2015
Acreditată de Agenția Națională de Asigurare a Calității în Educației și Cercetare prin Decizia nr. 14 din 28.02.2020

Tipul B

FONDATORI:

- ✓ *Universitatea de Studii Politice şi Economice Europene ,,Constantin Stere", Moldova*
- ✓ *Universitatea de Stat din Moscova „M. Lomonosov", Rusia*
- ✓ *Universitatea de Stat din Moldova*
- ✓ *Universitatea Americană din Moldova*

ADRESA REDACȚIEI: MD 2009, Chișinău, bd. Ștefan cel Mare și Sfînt, nr. 200, et. 2, bir. 202. Tel./fax. (022) 241207
Versiunea electronică: *http://uspee.md/moldoscopie/; http://americanuniversity.md/moldoscopie/; moldoscopie.revistestiintifice.md.* Pagina *web: www.moldoscopie.revistestiintifice.md*

Toate articolele sunt recenzate în sistem „double-blind peer review"

Responsabilitatea pentru conținutul textelor aparține, în exclusivitate, autorilor

ISSN 1812-2566

MOLDOSCOPIE
Periodical scientific-practical publication

Year 24 (2020), No. 2 (89)

Registered by the State University of Moldova in 1997 (founded on 1 October, 1946) and re-registered in 2009 under the Registration Certificate No. 1002600043325 of 07.28.1997
Accredited by the Supreme Council for Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova by Decision No. 146 of 27.06.2013 and re-accredited by Decision No. 245 of 11.11.2015
Accredited by the National Agency for Quality Assurance in Education and Research by Decision No. 14 of 28.02.2020

Type B

FOUNDERS:
- ✓ *University of European Political and Economic Studies „Constantin Stere", Moldova*
- ✓ *Moscow State University „M.Lomonosov", Russia*
- ✓ *State University of Moldova*
- ✓ *American Universityof Moldova*

PUBLISHING HOUSE ADDRESS: MD 2009, Chişinău, blvd. Ștefan cel Mare și Sfînt, nr. 200, et. 2, bir. 202. Tel./fax. (022) 241207
Electronic version: *http://uspee.md/moldoscopie/; http://americanuniversity.md/moldoscopie/; moldoscopie.revistestiintifice.md.* Pagina *web: www.moldoscopie.revistestiintifice.md*
All articles are double-blind peer reviewed

ISSN 1812-2566

MOLDOSCOPIE

Publication périodique scientifique et pratique

Année 24 (2020), Nº 2 (89)

Enregistré par l'Université d'État de Moldavie en 1997 (créée le 1er octobre 1946) et ré-enregistré en 2009,
Certificat d'enregistrement: Nº 1002600043325 du 28.07.1997
Accréditée par le Conseil supérieur pour la science et le développement technologique de l'Académie des Sciences de Moldova
par la Décision Nº 146 du 27.06.2013, ré-accrédité par la Décision Nº 245 du 11.11.2015
Accréditée par l'Agence nationale pour l'assurance de la qualité dans l'enseignement et la recherche par la Décision Nº 14 du 28.02.2020

Type B

FONDATEURS:

- ✓ *Université d'Études Politiques et Économiques Européennes „Constantin Stere", Moldova*
- ✓ *Université d'État „M.Lomonossov" de Moscou, Russie*
- ✓ *Université d'Etat de Moldovie*
- ✓ *Université Américaine de Moldovie*

ADRESSE DE LA MAISON D'ÉDITION: MD 2009, Chișinău, blvd. Ștefan cel Mare și Sfînt, nr. 200, et. 2, bir. 202. Tel./fax. (022) 241207

Version électronique: *http://uspee.md/moldoscopie/; http://americanuniversity.md/moldoscopie/; moldoscopie.revistestiintifice.md.* Pagina *web: www.moldoscopie.revistestiintifice.md*

Tous les articles sont évalués en système „double-blind peer review"

La responsabilité du contenu des textes incombe uniquement aux auteurs

MOLDOSCOPIE

ISSN 1812-2566

Научно-практическое периодическое издание

Год 24 (2020), № 2 (89)

Зарегистрировано Молдавским Государственным Университетом в 1997 и перерегистрировано в 2009,
Регистрационное свидетельство: № 1002600043325 от 28.07.1997
Аккредитовано Высшим Советом по Науке и Технологическому Развитию Академии наук Молдовы решением № 146 от 27.06.2013 и решением № 245 от 11.11.2015
Аккредитовано Национальным агентством по обеспечению качества в образовании и исследованиях по решению № 14 от 28.02.2020

Тип Б

УЧРЕДИТЕЛИ:

- ✓ *Университет Европейских Политических и Экономических Знаний имени Константина Стере, Молдова*
- ✓ *Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Россия*
- ✓ *Молдавский Государственный Университет*
- ✓ *Американский Университет в Молдове*

АДРЕС РЕДАКЦИИ: MD 2009, Кишинев, бул. Штефан чел Маре 200, 2-й этаж, офис 202. Тел / факс. (022) 241207.
Электронная версия: *http://uspee.md/moldoscopie/; http://americanuniversity.md/moldoscopie/; moldoscopie.revistestiintifice.md.* Сайт: *www.moldoscopie.revistestiintifice.md*

Все статьи рецензируются по системе „double-blind peer review"

Ответственность за содержание текстов несут исключительно авторы

CUPRINS / SUMMARY

TABLE DE MATIÈRES

ОГЛАВЛЕНИЕ

COMPARTIMENTUL

ȘTIINȚE POLITICE

CZU 551.583:327
DOI 10.5281/zenodo.3980403

THE EUROPEAN UNION AS A LEADER IN INTERNATIONAL CLIMATE CHANGE POLITICS

Victoria BEVZIUC
Doctor în științe politice, lector universitar
Universitatea de stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Republica Moldova
e-mail: *victoriabevziuc@yahoo.ro*
https://orcid.org/0000-0001-9189-641X

The phenomenon of climate change is very complex one. Climate change and problems of its causes and effects are being reserched and analyzed by many researchers, scholars, authors and by representatives of other sciences. A number of books and articles have been written on the climate change process. This is determined by the specificity of the researched problem, which is requiring to analyze it through an interdisciplinary approach, more specific through geopolitical perspective. Since the late 1990s, the European Union (EU) has racked up a series of apparently impressive climate policy achievements which lend substance to the oft-heard claim that it is a global leader in the field. In this context, novel ways to share the efforts required to reduce emissions between its Member States and across different economic sectors have been developed.
Keywords: *climate change, programs, emissions, climate policies, global leader, global warming.*

UNIUNEA EUROPEANĂ ÎN CALITATE DE LIDER A POLITICII INTERNAȚIONALE A SCHIMBĂRILOR CLIMATICE

Fenomenul schimbărilor climatice este unul foarte complex. Schimbările climatice și problemele cauzelor și efectelor sale sunt analizate de mulți cercetători, savanți, autori și de reprezentanți ai altor științe. O serie de cărți și articole au fost scrise despre procesul schimbărilor climatice. Acest lucru este determinat de specificul problemei cercetate, care necesită analizarea acesteia printr-o abordare interdisciplinară, mai specifică din perspectiva geopolitică. Începând cu sfârșitul anilor '90, Uniunea Europeană (UE) a acumulat o serie de realizări aparent impresionante ale politicii climatice care acordă substanță pretențiilor auzite că ea este un lider global în domeniu. În acest context, au fost dezvoltate noi modalități de a distribui, între statele sale membre și între diferite sectoare economice, eforturile necesare pentru reducerea emisiilor.
Cuvinte-cheie: *schimbări climatice, programe, emisii, politici climatice, lider global, încălzire globală.*

L'UNION EUROPÉENNE EN TANT QUE LEADER DE LA POLITIQUE INTERNATIONALE EN MATIÈRE DE CHANGEMENT CLIMATIQUE

Le phénomène du changement climatique est très complexe. Le changement climatique et les problèmes de ses causes et de ses effets sont étudiés et analysés par de nombreux chercheurs, chercheurs, auteurs et représentants d'autres sciences. Un certain nombre de livres et d'articles ont été écrits sur le processus des changements climatiques. Ceci est déterminé par la spécificité du problème étudié, qui nécessite de l'analyser par une approche interdisciplinaire, plus spécifique à travers une perspective géopolitique. Depuis la fin des années 1990, l' Union Européenne (UE) a accumulé une série de réalisations apparemment impressionnantes en matière de politique climatique, qui confortent l'affirmation souvent entendue qu'elle est un leader mondial dans ce domaine. Dans ce contexte, on a développé de nouvelles façons de partager, entre ses États membres et entre les différents secteurs économiques, les efforts nécessaires pour réduire les émissions.
***Mots-clés**: changement climatique, programmes, émissions, politiques climatiques, leader mondial, réchauffement climatique.*

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ЛИДЕР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Феномен изменения климата очень сложен. Изменение климата и проблемы его причин и следствий анализируются многими исследователями, учеными, авторами и представителями других наук. О процессе изменения климата был написан ряд книг и статей. Это определяется спецификой исследуемой проблемы, которая требует ее анализа с помощью междисциплинарного подхода, более специфичного с геополитической точки зрения. Начиная с конца 1990-х годов, Европейский союз (ЕС) накопил ряд, казалось бы, впечатляющих достижений в области климатической политики, благодаря которым он якобы претендует на роль мирового лидера в данной области. В этом контексте были разработаны новые способы распределения усилий между государствами-членами ЕС и между различными секторами экономики, необходимых для сокращения выбросов.
***Ключевые слова**: изменение климата, программы, выбросы, климатическая политика, глобальное лидерство, глобальное потепление.*

Climate change is an increasing risk factor for ecosystems, human health and geopolitical trends in the world and it affects all regions in the world. When the water heats up, it increases its volume. Global warming is also at the origin of melting ice sheets and glaciers. Taken together, these changes lead to increased levels of seas and oceans and, thus, flooding and erosion of coastal and lowland areas. The abundant flooding can lead to the disappearance of some Islands and regions that are strategic important and present a big source of natural resources and influence geopolitical tendencies through the changing of strategic policies regarding the affected territories, home policy on the spread of natural resources.

The climate change science has a relatively long history. The word climate is derived from the Greek word Klima, which meant "inclination, the supposed slope of the earth toward the pole". The concept of science and technology began in the Greek era. Technology, which came through the legacy of the term "techne," was a major product of Greek era [1, pp.120-355].

The term "climate change" is often used to refer specifically to anthropogenic climate change (also known as global warming). Anthropogenic climate change is caused by human activity, as opposed to changes in climate that may have resulted as part of Earth's natural processe. In this sense, especially in the context of environmental policy, the term climate change has become synonymous with anthropogenic global warming. Within scientific journals, global warming refers to surface temperature increases while climate change includes global warming and everything else that increasing greenhouse gas levels affect [2, art.1].

A related term, climatic change, was proposed by the World Meteorological Organization (WMO) in 1966 to encompass all forms of climatic variability on time-scales longer than 10 years. During the 1970s, the term climate change replaced climatic change to focus on anthropogenic causes, as it became clear that human activities had a potential to drastically alter the climate. Climate change was incorporated in the title of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) [3] and the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). Climate change is now used as both a technical description of the process, as well as a noun used to describe the problem.

Mike Hulme, Professor of Human Geography in the Department of Geography at the University of Cambridge, in his publication „Climate Change, concept of" claimed that Climate change became a phenomenon caused by complex chains of human actions. As this "new" idea of climate change traveled around the world, it became inscribed with multiple and complex political and cultural meanings. In this sense, the idea of climate change has never fully escaped older cultural readings of climate and its changes which have been retained in many non-Western cultures [4, p.1].

Goosse H., P.Y.Barriat, W.Lefebvre, M.F.Loutre and V.Zunz, English researchers at Cambrige University, in the book Introduction to climate dynamics and climate modelling, highlighted the idea that scince the beginning of the Earth's existence, our planet is covered with a huge amount of icebergs and tones of glaciers. They added that there are some factors that can control the temperature on Earth:

1. volcanic eruptions;
2. ice sheets;
3. vegetal dynamics (forests, jungles);
4. solar irradiance;
5. global carbon cycle [5, p.110].

Great scientific interest for understanding the essence of climate change is shown in the article of Medani P Bhandari „Climate change science: a historical outline". This paper provides a brief overview of the scientific developments regarding climate change, showing how the science evolved slowly, however by the end of the 20th century, it began to predict problems. The purpose of the paper is to provide a knowledge base on climate change science. From her point of view, the impact on global climate became most visible in this era. The innovation of high-tech production of toxic chemicals, emissions into the atmosphere and mass consumption of goods and services were the major characteristics of this era.

However, in the 21st century, the eco-technic era shows some new scenarios on this trend, where people began to realize the serious consequences of climate change caused by human activities (air pollution, water pollution, deforestation, gas emissions, etc.). At the lowest level, people have been exploring energy sources that will have the least impact on global climate. Investment in renewable energy such as the use of sunlight, wind and water for energy generation are a few examples of this kind [6, p.6].

The scientific work „Climate change and Human Health. Risks and Responses" by A.J.McMichel, professor of the Australian National University, should also be noted. In this study, the researcher, besides the essence and context of the climate change process, analyzed also its actual or likely impacts on health, and how human societies should respond, via both adaptation strategies to lessen impacts and collective action to reduce greenhouse gas emissions [7,p.1]

Rocha M., Krapp M., Guesschow J., Jeffery L., Hore B., Schaefter M. in the report Historical responsibility for climate change- from countries emissions to contribution to temperature increase, clamed that the responsibility of countries measured in terms of their share of historical global emissions remains one of the essential parameters in equity proposals, which attempt to distribute efforts among countries in an equitable manner. This report focuses on the

historical contribution of countries, but takes it one step further: its general objective lies on estimating countries' contribution directly to the increase of global-mean surface-air temperature, and measuring responsibility not based on cumulative emissions but in terms on their actual estimated contribution to temperature increase. Moreover, this report argues that the relationship between countries' emissions and their contribution to temperature increase is estimated using a revised version of the so-called Policy-maker Model, therefore, Policy-maker model provides an approximation for the relationship between emissions and temperature increase [8, p.5].

In Romanian document "Terra Mileniului III - Noțiuni generale despre schimbarii climatice", is shown climate change as a serious problem, as both the natural and socio-economic systems are sensitive to climate change, and the magnitude and speed predicted for them will have a significant impact, which will threaten the sustainability of these systems. As well as, has been thoroughly inventigated the change in the global temperature of Earth [9, p.2].

Atmospheric changes are not a new topic on the global agenda – the UN agencies have been addressing them since the 1960s. Growing scientific knowledge on the anthropogenic causes of global warming led to the first World Climate Conference in 1979. In their final declaration the participating scientists asked the governments of the world to foresee and prevent potential man-made changes in the climate that might be adverse to the well-being of humanity (Zillman 2009). The conference was followed by several UN negotiation rounds, leading to establishment of the United Nations Panel on Climate Change (IPCC) in 1988. The IPCC, originally erected under the auspices of the World Meteorological Organization and United Nations Environmental Program, is an intergovernmental panel, whose findings must be approved by the governments before they are released to the public.

It is worth to be mentioned, in the international scientifical and legal literature there is no a single definition of climate change and geopolitics that would suit all participants in international relations, even though attempts have been made constantly. An important factor that hinders the achievement of a unified approach to the definition climate change and geopolitics and, as a consequence, the development of the agreed joint international measeures to combat climate change, is the ectreme politicization of the assessments.

The debate over climate change, both from natural causes and human activity, is not new. Although C.-L. de Montesquieu is undoubtedly the best known Enlightenment thinker on the topic of climatic determinism, others, notably the Abbe Du Bos, David Hume, and Thomas Jefferson, observed that climatic changes exerted a direct influence on individuals and society and that human agency was directly involved in changing the climate. Climate - from the Greek term klima, meaning slope or inclination - was originally thought to depend only on the height of the Sun above the horizon, a function of the latitude. A second tradition, traceable to Aristotle, linked the quality of the air (and thus the climate) to the vapors and exhalations of a country.

The WMO's technical report on climatic change published in 1966 systematically compared the statistical properties of different meteorological time series data. Climatic change was definedas "all forms of climatic inconstancy, regardless of their statistical nature (or physical causes)," although inconstancies over less than a decade in length were to be regarded as climatic variations. Thus climatic change encompassed climate periodicities (regular and irregular), fluctuations, oscillations, vacillations, discontinuities, and trends.

The preconditions for a new understanding of global climate change began to emerge in the 1960s, as evidenced in a joint UNESCO / WMO symposium on changes in climate held in Paris in 1963. First, a

few scholars such as Hubert Lamb in the United Kingdom and Emmanuel Le Roy Ladurie in France began publishing accounts of historical climate change based on long climatic reconstructions derived from documentary and environmental evidence. Second, new developments in scientific monitoring of theplanet, boosted by theInternational GeophysicalYearin1957/1958andbynewsatellite technologies, prompted a new conception of climate as an interconnected system of atmosphere, ocean, biosphere, and cryosphere.

Third, this idea of a human-induced change in global climate found sympathy in the broader currents of intellectual thought of the 1960s and 1970s. The emergence of a new environmentalism focused attention on the planetary scale effects of human activities on the physical world. And the first governmental and international assessments of the prospects of climate change were conducted during this period. In the United States for example, the President's Scientific Advisory Committee in 1965 published a report on "Restoring the Quality of our Environment," which included a specific section on "the climatic effects of pollution" [10, p.1].

The growing political resonance of climate change was partly explained by the dissolution of the Soviet Union between 1989 and 1991. The evolving scientific definition of climate change can be discerned through successive assessment reports of the IPCC. In its First Assessment Report in 1990, no very precise definition of climate change was offered, although it was stated that the "climate change we are addressing in this report is that which may occur over the next century as a result of human activities" [11, p.20]. A few years later, the Second Assessment Report was more explicit. Climate change meant "climate fluctuations of a global nature and which includes the effects due to human actions and those due to natural causes" [12, p.23]. By 2001 the IPCC had settled on a definition which also prevailed for its Fourth and Fifth Assessment Reports: "Climate change refers to statistically significant variation in either the mean state of climate or its variability, persisting for an extended period (typically decades or longer). Climate change may be due to natural internal processes or external forcings, or to persistent anthropogenic changes in the composition of the atmosphere or in land use" [13].

While the IPCC understood climate change to embrace both natural and human causes, for the UNFCCC – signed in 1992 – climate change was to mean "a change of climate which is attributed directly or indirectly to human activity that alters the composition of the atmosphere and which is in addition to natural climate variability observed over comparable time periods" [14, p.3]. The contrasting definitions between these scientific and political usages have resulted in considerable strategic ambiguity in the public meaning of climate change.

Sivakumaran Sivaramanan, an Asian researcher in her article "Global Warming and Climate change causes, impacts and mitigation" explains that global warming and climate change refer to the increase in average global temperatures due to the increase in greenhouse effect by the increase in the greenhouse gases. Natural events such as forest fires, volcanic eruptions, methane release from thawing of permafrost on the ocean floor and release of methane gas from cattle, wet lands and anthropogenic sources of exhausts from all kinds of combustion, industrial production of greenhouse gases, agricultural water lodging activities such as paddy cultivation artificial wet lands and deforestation. Warming of the earth causes rapid changes in pre-existing weather pattern. According to National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA) there are several indicators those changes with the warming world.

Sivakumaran Sivaramanan undelines factors increases with global warming:1) Temperature of land; 2) Sea surface temperature; 3) Troposphere temperature; 4) Temperature over oceans; 5) Ocean heat content; 6) Sea level; 7) Humidity; and factors

decreases with global warming: 1) Glaciers; 2) Snow cover; 3) Sea ice [15].

Another famous work that elucidates the meaning of climate change is ”Historical perspective of climate change” by James Rodger Fleming, thar presents a huge explanation of the sudy of climate change. Here he analyses great works and personalities that had developed and explaned the concept of climate change, such as Abbe Du Bos, Charles Louis de Secondat Baron de Montesquieu, David Hume. Collectively, they generated a powerful vision of the climates of Europe and America shaping the course of empire and the arts; the concerted efforts of innumerable individuals in turn shaping the climate itself. By the end of the eighteenth century, Enlightenment thinkers had come to the following conclusions regarding climate change, culture, and cultivation:

1. Cultures are determined or at least strongly shaped by climate.
2. The climate of Europe had moderated since ancient times.
3. The change was caused by the gradual clearing of the forests and by cultivation.
4. The American climate was undergoing rapid and dramatic changes caused by settlement.
5. The amelioration of the American climate would make it more fit for European-type civilization and less suitable for the primitive native cultures [16].

Contrasting accounts of climate change offer different interpretations of cause, significance, and responsibility, even while anchoring the idea of climate change in the changing weather attributes of the climate system.

The climate crisis could make or break the European Union (EU). The continent urgently needs a comprehensive, transnational policy for a fair transition to a sustainable, low-carbon economy. Such a policy could become a significant driver of deeper European integration. In 2019, the EU has taken a major step forward with the European Green Deal, a comprehensive policy that covers all sectors of the economy. Even during the European Parliament elections back in May, climate was a unifying issue. The Greens gained support, but more significantly, all the other mainstream parties began to make their political platforms more ecofriendly. The wave of support from youth activists gave new momentum to climate action, and the incoming European Commission and European Parliament put the issue at the top of the EU’s agenda [17]

However, the political obstacles to effective climate action are formidable and will get bigger as the EU introduces concrete measures. Things could go badly wrong if dysfunctional decisionmaking blocks action and if polarized governments provoke a backlash. What is more, over the next five years, climate politics could go from being relatively benign to downright nasty. Well-funded business interests will mobilize opposition. Populist parties are denying the reality of human-caused climate change, while others are co-opting the ecological crisis to support calls for protectionism and against migration. Resistance to the radical policy measures that are needed could rapidly lead to political paralysis and a political blame game. Meanwhile, frustrated citizens could easily become fearful about who will bear the adjustment costs, especially if the European economy falls into another recession in the next few years.

The EU has to reform its institutions and policies rapidly to handle the toxic politics that will emerge during the climate transition. It is vital to start building public support for climate policies early on in 2020 and 2021. More than 90 percent of Europeans view climate change as a “serious problem” and believe emissions should be curbed to make the EU carbon neutral; many of them are prepared to adjust their lifestyles to achieve that goal [18]. But they do not want an unfair transition that puts most of the costs on households and consumers. Meanwhile, the costs of

inaction are rising, with the most vulnerable citizens bearing much of the burden of energy inefficiency and extreme weather conditions.

The prospects for effective climate action by the EU are shaped by two contradictory dynamics in European politics. Exposed to the same economic and technological forces, Europeans are ever more connected, with more similar lifestyles and aspirations, but politics is becoming ever more fragmented, volatile, and polarized. The old mainstream parties based on collective class and religious identities are losing ground not only to challengers on the far right and the left but also to new entrepreneurs in the political center. EU politics was long immune to these trends, but now it looks more and more like national politics. In the past, national politics was marked by ideological divisions and party power plays, while EU politics was governed by a permanent grand coalition that represented a broad centrist consensus and favored technocratic decisionmaking.

The problem is that the EU's traditional methods of making decisions are ill-suited to a polarized, unpredictable political environment. The old methods rely on the willingness of politicians to compromise and seek consensus; on lengthy, painstaking negotiations; and on a penchant for turning hot political topics into technocratic issues. The EU's political decisionmaking system is being shaken up just when it needs to take decisive action. In addition to the climate challenge, Europeans are facing other unprecedented challenges that require transnational responses from the digital transformation to aging populations. The EU's capacity to forge common responses and implement coherent policies is crucial for meeting these challenges [19]. But to do so successfully over the next few decades, the union will have to upgrade its ability to manage volatile and polarized politics.

Climate action is a game changer because the whole economic system has to change - and change fast. The EU was able to create the single market and the Schengen area of passport-free travel over many years. But the political pressure to take decisive action to prevent catastrophic loss of habitat and other effects of climate change is already long overdue. Scientists on the Intergovernmental Panel on Climate Change already have warned that humanity has only eleven years to avert catastrophe [20]. The EU cannot take another decade to decide how to sequence measures and how to pay for them.

Climate change obviously requires EU-level measures, but action is hard to agree when exposure to climate-related problems varies across the continent. Its effects will be felt by farmers facing drought, people living in flooded coastal regions, coal miners whose livelihood is disappearing, and many other interest groups across the continent. Reconciling all of these interests will be a huge challenge. Europeans need to see climate measures as part of a common agenda that is coherent and strategic, so that they can trust that today's sacrifices will bring a better future for all, including their children.

Climate change is the ultimate global challenge. The EU has to do its share but also needs to persuade others to take effective action. Brussels has a good track record as an international leader on climate policy, but it will have to do a great deal more. This will require that Europe demonstrate heightened ambition, clearer priority setting, and greater readiness to use its leverage. Foreign policy can no longer be the neglected stepchild of EU integration.

For all these reasons, the many levels of European politics - especially on the national and EU stages - need stronger connections that can engender a shared sense of responsibility and reinforce various officials' determination to act. At the same time, the EU must deepen democratic engagement with citizens to mobilize for large-scale, coherent, and binding measures to address climate change.

EU political and policymaking structures need to adapt accordingly. The task before European leaders

is not just about the specific policy measures needed to mitigate climate change but also how to negotiate them through an EU political system designed for a different political age.

The EU already has a long track record on climate change policy. It has been an influential player in international negotiations on the issue, consistently advocating for ambitious targets and timetables for action. Brussels has set a range of targets for emissions reductions for 2020 and 2030, as well as aspirational targets for 2050. These include a collective EU-wide commitment under the Paris Agreement to reduce annual emissions of greenhouse gases by 40 percent below 1990 levels by 2030. This target will be reviewed in 2020, with the goal of lowering emissions even more, with leaders like European Commission President Ursula von der Leyen aiming for a total reduction of 50 or 55 percent by 2030 [21].

These targets have informed several policies and regulations designed to reduce emissions, increase the uptake of renewable energy, and improve energy efficiency. The EU has established the world's largest carbon market, the EU Emissions Trading System (ETS), which covers 45 percent of the EU's greenhouse gas emissions and 11,000 industrial plants [22]. Other major economies are even replicating this system. Europe considers itself, with justification, to be a global leader on environmental standards ranging from energy efficiency standards for household products (for example, based on the EU's prevailing Ecodesign Directive provisions) to emissions standards for passenger cars. In early 2019, the European Council and the European Parliament agreed on a set of eight legislative acts known as "Clean Energy for All Europeans." This marks a major step in overhauling the EU's existing energy policy with a legislative package covering energy efficiency, targets for renewable energy, and a new governance system for the energy union, among other areas [23].

Several factors have contributed to the limitations of Europe's climate policy. The EU's limited enforcement capacity has opened holes in implementation owing to knowledge gaps and design flaws, such as those detailed above with the ETS. Polices have often not been accompanied by appropriate delivery and monitoring mechanisms. Debates over climate policy have been dominated by concerns over the supposed burden of regulation on businesses, a tendency deepened by industry associations that highlight the risks of climate action to international competitiveness and jobs. Climate policy has been delegated to a handful of directorates general within the European Commission without any central coordination until the recent creation of an executive vice president for climate action.

Ultimately, one of the most intractable difficulties has been contending with the national interests represented in the European Council. Member states continue to have a high degree of autonomy on energy, taxation, and land-use policies, three key areas for climate action. National sensitivities over energy security and fears about competitive advantage have diluted policy ambitions.

Contentious political dynamics will likely be a further drag on the EU's capacity to deliver the transition required. Some national governments have recently shown more assertive opposition to climate action. At the June 2019 European Council meeting, the Czech Republic, Estonia, Hungary, and Poland refused to sign on to a long-term target of achieving climate neutrality by 2050, then Poland still held out alone in December 2019, demanding more detailed guarantees of financial aid from the EU [24]. These countries are seeking compensation for regions and industries immediately affected by the ongoing transition, such as coal mining. If the EU gives in to blocking behavior, such payments to the immediate losers from the transition could rapidly deplete the public funds available for the whole enterprise. The EU will need a grand bargain

that creates a social safety net for citizens who lose out in the short term, but it must concentrate public investment and compensation primarily on creating economic incentives for decarbonizing production and moving the climate agenda forward.

The EU's Paris Agreement commitments to reduce emissions are not enough to avert catastrophe in time. The EU has to act more urgently and effectively. The technocratic methods of the past will not suffice anymore. Addressing climate change requires accommodating diverse interests in a democratically inclusive way. To gain the necessary political support, Brussels must not depoliticize climate action and make it more technocratic. Given the high stakes and the profound impact on Europe's whole population, any such attempt would result in certain deadlock. There is no alternative to building public support for climate action and to strengthening democratic engagement. Politicians must show that the transition will be fair, or it will not be sustainable politically.

The strong interplay between EU and national politics makes governing even more complex, especially on an issue as technical and contentious as climate action. To deal with this, the EU needs to build deeper connections between various levels of government and facilitate more effective engagement with citizens.

Setting priorities is vital for climate action to work politically, because the sequencing of measures is what enables people to see how they will be affected. But sequencing is made harder with so many actors, parties, and institutions that hold veto power at various points. An example from France is instructive on this point. The country experienced a backlash from badly sequenced measures when the government hiked fuel taxes without compensating by reducing other taxes for rural dwellers and the poor. The result was the gilet jaunes (yellow jackets) movement, whose demonstrators protested about the costs falling on them rather than those who could better afford them. A similar situation could easily arise if the EU ignores the social implications of its reform measures.

To build the strongest possible consensus among voters, other stakeholders, and institutions on a clear set of guiding principles for climate action, the EU needs to adopt binding action plans, including firm timelines for implementing these goals. Specifically, the EU must ensure that the policies it enacts are fair, durable, trusted by the public, positively reinforcing, innovative, and visionary. To that end, Brussels' climate action should:

Promote fairness by making sure that the climate transition is just and serves the broad public interest.

If the climate transition is not clearly fair and if climate measures look set to reinforce existing inequalities, it will not gain public support. The transition must also meet economic and social justice objectives so that the burden does not fall disproportionately on the poor and most vulnerable. Emphasizing fairness is the way to keep the EU countries - poorer and richer regions - together and prevent populists from driving a wedge between citizens. Already new dividing lines are appearing, with some EU member states from Eastern Europe claiming that climate change is a Western European concern. Moreover, disinformation campaigns are already spreading climate denial in the region to try to maintain European dependence on Russian natural gas. But hotter summers and changing rain patterns are already affecting farming in Central Europe, so a key argument is that inaction on climate change will not serve the interests of the people of the region. Explaining the enormous cost of not doing anything is instrumental to winning public support.

A new social contract between European states and their citizens will be needed to ensure that the overall transition is fair, a challenging prospect at a moment when trust in government is low. The EU could help by creating plans that hold governments accountable.

To maintain accountability and public consent to unpopular climate change measures, further mechanisms will need to be developed to monitor the progress of the EU as a whole toward carbon neutrality, as well as that of specific countries and regions [25]. Developing such mechanisms is vital because that would let people see that climate measures are having a real impact and that governments are committed to action, not only rhetoric.

The EU already has legal and financial instruments that are much more binding than the UN and relevant international agreements on climate change. It can apply positive and negative conditionality through the EU budget, EU law (and infringement proceedings when governments fail to apply it properly), and naming-and-shaming tools such as the European Semester reports on economic governance. All these instruments will be needed for the climate transition, preferably under an independent monitoring body that is nonpolitical and trusted by the public. The EU needs to close the implementation gap by using these tools and relying less on soft and market-based measures in future.

The European Commission has already proposed the creation of a Just Transition Mechanism (JTM) of some 100 billion euros, in addition to the EU budget [26]. This fund is necessary, but it needs to be guided by two key principles to avoid misallocating resources. First, it must reward contributions to the transition to a greener European economy, not blocking behavior. The quickest way to do that would be for the EU to create a condition that countries that do not sign on to the 2050 goal or other main climate policy objectives will not be eligible for major parts of the funds. As an EU diplomat warned at the December 2019 European Council meeting, "The JTM is not an ATM" [27].

Second, funding should not be spent first on compensating short-term losers from the first climate change measures that are enacted. Otherwise, rent-seeking entrepreneurs could, for example, buy up end-of-life coal-fired power plants expecting to be paid from public funds to close down those plants, including under the Energy Charter Treaty.

If the EU rewarded such behavior, it would create a constituency of lobbyists clambering to gobble up public money as compensation for each and every stage of the economic transition. Doing so would also divert funds from more productive investments designed to create new economic opportunities, and it would destroy social trust by leaving few resources to compensate those affected by later stages in the transition. More fundamentally, a compensation-focused approach would increase public resistance to any policy changes for which citizens are not immediately compensated. Both governments and citizens need to replace the mentality that someone must compensate them for their losses with the idea that they are contributing to the creation of a better-functioning economy that serves everyone.

A focus on short-term transactionalism and incrementalism is dangerous because the European Green Deal needs to be an overarching, visionary social contract and a comprehensive plan for the decades ahead. Incrementalism is also dangerous in the European Council, where EU members' heads of state and government meet several times a year. If the EU keeps lurching from one European Council summit to the next with short-term deals that kick the can down the road, as it has for the last decade on the euro, then it will waste time and erode public trust in the European Green Deal. It would also create completely the wrong political culture to achieve a fair transition.

Effective climate action depends on transferring all resources as rapidly as possible from the unsustainable brown economy into the circular green economy to produce new jobs and economic opportunities. The goal is not just to forcibly shut down so-called dirty industries for the sake of shutting them down but to create a set of incentives for market players to shift

resources into more sustainable industries of their own accord and thus create new, more sustainable forms of economic value.

To bring things back to the point of fairness, the costs of the economic transition cannot place too heavy a burden on citizens who have limited lobbying power and whose losses may come down the road and be hard to calculate, while others whose losses are short-term and visible pay little. There does need to be a social safety net for those who fall into poverty as a result of the transition. But publicly funded compensation should directly spur on the transition to sustainability and create new economic opportunities for those who have lost out, not just give them money. For example, offering reskilling programs and new climate-neutral jobs in regions where carbon-intensive jobs are lost would be better than merely paying people off.

Inspire and model policy innovation by encouraging policymakers to be inventive and design policies that can be adopted in other parts of the world.

The EU has a great opportunity to promote policy innovation and experimentation regionally and locally across Europe. There is a need for authorities that can monitor progress effectively and report on policy successes and failures. The task of decentralizing the generation of energy from renewable sources is a notable example. If successful, the EU and its member states can then share their experiences with other parts of the world and exchange best practice on the climate transition. The success of the European Green Deal will be marked not only by reducing carbon emissions in the EU but by helping other countries incorporate cleaner production cycles and sustainable development.

The EU needs to focus on fostering a global climate transition now. EU markets and investment have great potential to foster the global transition to a greener economy. EU trade policy and regulations could start pricing the environmental costs of all parts of production cycles, a step that could kickstart a worldwide change in economic incentives in favor of sustainability. Such a push needs to go beyond just a border carbon adjustment on imports by factoring in all the environmental and human costs in production cycles.

Frans Timmermans' job as the EU's international envoy involves building partnerships with countries that are ready and willing to lead global efforts to transition to carbon neutrality. He will need to work with others - most notably Josep Borrell, the new EU High Representative for Foreign and Security Policy - to help tackle the geopolitical effects of climate change. This is a hard job because the EU's usual ally on matters of international governance - the United States - currently has an administration that denies human-caused climate change. The EU cannot wait until after the next U.S. presidential election in November 2020 to plan how to ratchet up climate action with other willing countries at the next major UN-sponsored climate change conference, which will take place that same month.

There are at least three major advantages of deliberative citizen participation for long-term issues like climate change. First, many more people can be involved in deliberative policy discussions than through traditional methods of public consultation. Second, those discussions are better informed and go deeper into the details than election campaigns tend to. Third, such deliberations help legitimize action on tricky ethical and social issues on which no political party wants to take a position. Deliberative forums allow citizens to discuss and even decide on trade-offs between competing interests and objectives.

The EU should develop a way to use these consultations on all important legislative initiatives. They are especially vital for climate action and sustainability because of the scale, complexity, and lengthy time horizons of these policies. A great start would be for the EU to use public consultations on the European

Green Deal as a pilot project for enhanced citizen participation. For example, the outcomes of citizens' assemblies on specific climate measures could be the basis of corresponding European Parliament draft resolutions.

Second, the EU should involve national parliaments, regional authorities, and local leaders more systematically in EU policymaking to ensure coherent action on climate change. One idea would be to let national parliaments put forward ideas for legislative initiatives. New European Commission President Ursula von der Leyen has committed to give the European Parliament an indirect right of initiative: if a majority votes for an initiative, she has pledged that the commission will submit a legislative proposal along those lines. A similar mechanism could be developed to allow a quorum of national parliaments to put forward ideas for new legislation on climate action [28].

Another idea would be for members of European Parliament to be given the right to participate in national parliaments' debates on EU matters and commissioners to be tasked with conveying and explaining EU policies in relevant institutions in the member states where they speak the language. For example, they could use their visits to all the member states next year to talk with citizens of the many regions and municipalities throughout the EU. The point is to connect EU-level politics more effectively with the local and regional levels. Local and regional leaders are closer and more familiar to citizens, who trust them more than national and EU institutions.

Mayors in particular have an important role to play on climate action because so many measures need to be implemented in cities - from recycling to the sustainable use of energy and water - and municipalities have vastly different implementation powers. Building on existing initiatives like the EU Covenant of Mayors, further efforts need to be made to engage municipalities on climate action [29]. The climate transition will cause some energy production to be decentralized to the local level because renewable sources of energy (such as solar and wind power) tend to be more local than fossil fuel generation. Even more opportunities for local engagement will come in transport and housing, two major policy areas that need rapid decarbonizing.

Third, the European Parliament's capacity to support climate action should be strengthened. The body plays an important role as the primary forum for holding governments to account for their commitments to the whole EU's transition to a zero-carbon economy. To serve this function, the parliament needs new instruments to monitor progress based on the best available scientific advice.

Given the scale of the challenge, the EU needs a new type of leadership that is more political, more visionary, and more appealing across national borders. Gone are the days when technocrats could do backroom deals out of public view. The leaders of the EU institutions - especially the commission - need to be able to engage with all Europeans, across languages, and beyond national representatives. For such leadership to take hold, the Spitzenkandidat system needs to be reformed. Moreover, the candidates for the top jobs should head the transnational candidate lists for European Parliament, so that they run on a common campaign platform that is thoroughly debated in all the member states.

Conclusions

If handled badly, the politics of climate change could massively deepen the divisions between EU and national politicians, governments and civil society, rural and urban regions, and various generations and social classes. That could lead to toxic political fights, multiple impasses, and a politically irrelevant EU. Such a corrosive, divisive political environment could deepen existing power inequalities and curtail economic and social justice. Populist politicians are

already falsely painting climate change as an elite concern rather than a scientifically proven phenomenon that will affect every human being.

The answer is for the EU to commit deeply to its comprehensive plan for climate justice—effective ways to reduce the EU's emissions and an economic transition that is clearly fair. A comment from one of the gilets jaunes protesters in France that went viral earlier this year is noteworthy. It summed up the fears of many Europeans: "[The elites] worry about the end of the world, while we worry about the end of the month" [30]. The EU has to show that it has solutions for both concerns, that the low-carbon, sustainable economy will be more just, and that the costs of adjustment will be spread fairly.

If the EU gets it right, a fair climate transition could advance social and economic justice in ways that market economics has failed to deliver. Climate action could even become a great integrating force for the continent in the coming decades. Europe urgently needs to develop better ways of handling the politics of climate change, both for its own transition and for the sake of becoming an effective leader of global action. The stakes could not be higher for the EU or for the human race.

Bibliography

1. Chester RL. Origin of the Word Climate. Science in the Science, 27 August 1954, p.120-355.
2. United Nations Framework Convention on Climate Change. - New York, 1992, Article 1.
3. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). 1990. Climate Change: The IPCC Scientific Assessment. - Cambridge: Cambridge University Press.
4. MIKE, H. Climate Change, concept of. In The International Encyclopedia of Geography, 2016, p.1.
5. GOOSSE, H., BARRIAT, P.Y., LEFEBVRE, W., LOUTRE, M.F. and ZUNZ, V. Introduction to climate dynamics and climate modelling. - Cambrige University, 2010, p. 110.
6. BHANDARI, M.P. Climate change science: a historical outline in Advances in Agriculture and Environmental Science: Open Access. February 2018, p. 6.
7. MCMICHEL, A.J. Climate change and Human Health. Risks and Responses. World Health Organization. - Geneva 2003, p. 1.
8. ROCHA, M., KRAPP, M., GUESSCHOW, J., JEFFERY, L., HORE B., SCHAEFTER, M. Historical responsibility for climate change- from countries emissions to contribution to temperature increase. Climate Analytics and Potsdam Institute for the Climate Impact Research. November 2015, p.5.
9. Terra Mileniul III. Fenomenul Schimbărilor climatice. p.2.
10. Report of The Environmental Pollution Panel President's Science Advisory Committee. The White House, November 1965, p.1.
11. The IPCC Scientific Assessment, 1990, p.20.
12. IPCC Second Assessment Climate Change, 1995, p.23.
13. IPCC Fourth anf Fifth Assesment Report, 2001.
14. United Nations Framework Concept on Climate Change, 1992, p.3.
15. Sivakumaran Sivaramanan. Global Warming and Climate change causes, impacts and mitigation. Central Environmental Authority. September 2015.
16. FLEMING, J.R. Historical perspective of climate change. - Oxford University Press, 1998.
17. LEYEN, von der, U. "Press Remarks by President von der Leyen on the Occasion of the Adoption of the European Green Deal Communication," European Commission, press release, December 10, 2019, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_19_6749. (Accesat 24.03.2020).
18. European Commission, "Citizen Support for Climate Action: 2019 Survey," 2019, https://ec.europa.eu/clima/citizens/support_en.(Accesat 24.03.2020).
19. GRABBE, H., VALÁЉEK, T. (Eds.) Refocus the European Union: Planet, Lifetime, Technology (Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2019), https://carnegieeurope.eu/2019/04/30/refocus-european-union-planet-lifetime-technology-pub-79008. (Accesat 25.03.2020).

20. MASSON-DELMOTTE, V., ZHAI, P. M., PÖRTNER, H.-O., ROBERTS, D.C., SKEA, J. et al., Global Warming of 1.5 ºC (Geneva, Switzerland: Intergovernmental Panel on Climate Change, 2018), https://www.ipcc.ch/sr15/. (Accesat 25.03.2020).

21. SCHAART, E. "Von der Leyen Pledges Higher Climate Targets Ahead of Key Vote," Politico Europe, July 16, 2019, https://www.politico.eu/article/von-der-leyen-pledges-higher-climate-targets-ahead-of-key-vote/. (Accesat 31.03.2020).

22. "The EU Emissions Trading System (EU ETS)," European Network of Regional GhG Emissions and Energy Watch, https://energee-watch.eu/international-carbon-market/.(Accesat 31.03.2020).

23. European Commission, "Clean Energy for All Europeans Package Completed: Good for Consumers, Good to Growth and Jobs, and Good for the Planet," May 22, 2019, https://ec.europa.eu/info/news/clean-energy-all-europeans-package-completed-good-consumers-good-growth-and-jobs-and-good-planet-2019-may-22_en. (Accesat 25.03.2020).

24. "From 30 Eurocents to 25 Euros: The Price of a Tonne of CO2," Fair Climate Fund, May 16, 2019, https://www.fairclimatefund.nl/en/news/from-30-eurocents-to-25-euros-the-price-of-a-tonne-of-co

25. KHAN, M. "Poland Resists EU Carbon-Neutral Ambition," Financial Times, December 12, 2019, https://www.ft.com/content/560feece-1d06-11ea-97dfcc63de1d73f4?emailId=5df2367cda2e3c000470a6f2&segmentId=488e9a50-190e-700c-cc1c-6a339da99cab. (Accesat 24.03.2020).

26. European Commission, "Emissions Monitoring and Reporting," https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/progress/monitoring_en. (Accesat 31.03.2020).

27. European Commission, "The European Green Deal Sets Out How to Make Europe the First Climate-Neutral Continent by 2050, Boosting the Economy, Improving People's Health and Quality of Life, Caring for Nature, and Leaving No One Behind," press release, December 10, 2019, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_19_6691; and "EU Leaders Haggle Over Climate Neutrality Pledge," BBC, December 12, 2019, https://www.bbc.com/news/world-europe-50744784. (Accesat 24.03.2020).

28. KHAN, M. "Climate Contortions at EU Leaders' Summit," Financial Times Brussels Briefing (email newsletter), December 13, 2019, https://www.ft.com/content/0b4683ba-1d71-11ea-9186-7348c2f183af. (Accesat 06.04.2020).

29. Energy Cities, "Covenant of Mayors for Climate and Energy," https://energycities.eu/project/covenant-of-mayors-for-climate-energy/

30. MCNICOLL, T. "'End of the World' Vs. 'End of the Month,': Macron Walks Tightrope Amid Fuel Tax Protests," France 24, November 27, 2018, https://www.france24.com/en/20181127-france-climate-yellow-vests-macron-fuel-tax-protests-nuclear-melenchon-pen-faure; and Pauline Bock, "France's Violent 'Yellow Vest' Protests Are About Much More Than a Fuel Tax. But Is President Macron Listening?" NBC News, December 8, 2018,https://www.nbcnews.com/think/opinion/france-s-violent-yellow-vest-protests-are-about-much-more-ncna945481. (Accesat 06.04.2020).

CZU 061.2:324(478)
DOI 10.5281/zenodo.3980407

ROLUL ONG-urilor ÎN MONITORIZAREA ALEGERILOR PARLAMENTARE DIN REPUBLICA MOLDOVA

Constantin BUSUIOC
Doctorand
Facultatea de Istorie şi Filozofie, Departamentul Istoria Românilor, Universală şi Arheologie, Universitatea de Stat din Moldova, Republica Moldova
e-mail: *stefanbusuioc2004@gmail.com*
https://orcid.org /0000-0003-0006-3741

Articolul analizează rolul ONG-urilor în monitorizarea alegerilor parlamentare din Republica Moldova. În special, este investigat procesul de monitorizare care a fost realizat de organizațiile neguvernamentale în legătură cu alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014, ce au avut loc pe baza sistemului electoral proporțional, precum și a alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019, desfășurate pe baza sistemului electoral mixt,

În articol este analizată activitatea mai multor ONG-uri care au creat o serie de inițiative și coaliții civice precum: Coaliția civică „Pentru alegeri libere și corecte", Inițiativa civică „Pentru un Parlament curat", etc. De asemenea, este investigată monitorizarea de către ONG-uri a activității concurenților electorali în perioada campaniilor electorale.

Cuvinte-cheie: *Republica Moldova, ONG, alegeri parlamentare, monitorizarea alegerilor, sistem electoral proporţional, sistem electoral mixt, campanie electorală.*

ROLE OF NGOs IN MONITORING THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

The article analyzes the role of NGOs in monitoring the parliamentary elections in the Republic of Moldova. In particular, it is investigated the monitoring process that has been conducted by non-governmental organizations in relation to the parliamentary elections of November 30, 2014, that took place on the basis of the proportional electoral system as well as the parliamentary elections of February 24, 2019, conducted on the basis of the mixed electoral system,

It is analyzed the activity of several NGOs that have created a series of initiatives and civic coalitions such as: Civic Coalition "For Free and Fair Elections", Civic Initiative "For a Clean Parliament", etc. It is also investigated the monitoring by NGOs of electoral contestants activity during election campaigns period.

Keywords*: Republic of Moldova, NGO, parliamentary elections, elections' monitoring, proportional electoral system, mixed electoral system, electoral campaign.*

RÔLE DES ONG DANS LE SUIVI DES ÉLECTIONS LÉGISLATIVES EN REPUBLIQUE DE MOLDOVA

L'article analyse le rôle des ONG dans le suivi des élections législatives en République de Moldova. En particulier, il est étudié le processus de suivi qui a été mené par des organisations non gouvernementales en relation avec les élections législatives du 30 novembre 2014, qui ont eu lieu sur la base du système électoral proportionnel, ainsi que les élections législatives du 24 février 2019, menées sur la base du système électoral mixte. Il est analysé l'activité de plusieurs ONG

qui ont créé une série d'initiatives et des coalitions civiques telles que: Coalition civique "pour des élections libres et équitables", Initiative civique "Pour un Parlement propre", etc. Il a également enquêté sur le suivi par les ONG des activités des candidats pendant la période des campagnes électorales.

***Mots-clés**: République de Moldova, ONG, élections parlementaires, suivi des élections, système électoral proportionnel, système électoral mixte, campagne électorale.*

РОЛЬ НПО В МОНИТОРИНГЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

В статье анализируется роль НПО в мониторинге парламентских выборов в Республике Молдова. В частности, исследуется процесс мониторинга, который был проведен неправительственными организациями в связи с парламентскими выборами 30 ноября 2014 года, которые проводились на основе пропорциональной избирательной системы, а также парламентских выборов 24 февраля 2019 года, проведенных на основе смешанной избирательной системы. Проанализирована деятельность некоторых НПО, которые создали ряд инициатив и гражданских коалиций, таких как: Гражданская коалиция «За свободные и справедливые выборы», Гражданская инициатива «За чистый парламент» и др. Также анализируется мониторинг неправительственными организациями деятельности конкурентов на выборах в период избирательных кампаний.

***Ключевые слова:** Республика Молдова, НПО, парламентские выборы, мониторинг выборов, пропорциональная избирательная система, смешанная избирательная система, избирательная кампания.*

După proclamarea independenţei, Republica Moldova a pornit pe calea democraţiei, susţinând pluralismul în toate domeniile vieţii sociale. Una dintre cele mai convingătoare forme de manifestare a democraţiei o constituie alegerile organelor puterii. De altfel, este recunoscut faptul că alegerile sunt o condiţie inalienabilă a democraţiei.

Alegerile parlamentare reprezintă modul de selecţie a persoanelor pentru Parlament de către cei care sunt calificaţi, prin regulile unui sistem politic, să-şi exprime opţiunea privind candidaţii.

Constituit din reprezentanţi ai diferitelor partide aleşi prin votul cetăţenilor, Parlamentul trebuie considerat drept instituţie ce exprimă cerinţa umană de participare la elaborarea legilor, participare care este de fapt prima dintre legile democraţiei. În activitatea acestei instituţii politice îşi găseşte expresia o anumită corelaţie dintre reprezentanţii poporului şi cei guvernaţi de ei, dintre forţele aflate la guvernare şi cele de opoziţie, configurarea lor rezultând din alegeri periodice.

În Republica Moldova au avut loc deja zece scrutine parlamentare (1990, 1994, 1998, 2001, 2005, aprilie 2009, iulie 2009, 2010, 2014, 2019).

Şi cu toate că în această perioadă a crescut activitatea socială şi politică a oamenilor, a sporit semnificativ interesul lor faţă de problemele politice şi de stat, atitudinea negativă a alegătorilor faţă de parlamentari continuă să mai persiste.

În prezentul articol ne limităm doar la analiza monitorizării de către ONG-uri a alegerilor parlamentare din 30 noiembrie 2014, care au avut loc în baza sistemului electoral proporţional şi a alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019 desfăşurate în baza sistemului electoral mixt.

De regulă, perioada de pregătire a campaniei electorale se caracterizează prin diversitate şi formele de participare civică, care nu se reglementează din afară prin reguli „coborâte de sus" sau de legislaţia selectivă, ci se bazează strict pe iniţiative civice ale structurilor societăţii civile, în primul rând, în persoana ONG-urilor ce activează în baza Legii cu privire la asociaţiile obşteşti (adoptată la 17 mai 1996, cu modificările ulterioare [1]. De exemplu, a devenit deja tradiţie ca în ajunul alegerilor în Parlamentul ţării, un grup format din zeci de ONG-uri, reunite într-o coaliţie, să se adreseze alegătorilor cu chema-

rea de a demonstra conştiinţa civică şi de a cântări minuţios posibilităţile acelor forţe politice pe care le vor prefera în ziua alegerilor, reieşind din interesele fundamentale ale statului moldovenesc şi cetăţenilor acestuia. Drept exemplu poate servi Coaliţia Civică „Pentru Alegeri Libere şi Corecte”[1] creată în ajunul alegerilor parlamentare din 30 noiembrie 2014.

Rolul mobilizator al acestor adresări serveşte, de regulă, un „camerton” pentru toţi participanţii la procesul electoral. Valoarea acestor adresări creşte şi datorită apelului de a se respecta Codul Etic, adică acordul încheiat între concurenţii electorali şi reprezentanţii mijloacelor de informare în masă privind modul de desfăşurare şi reflectare a campaniei electorale apropiate, care va exclude lezarea demnităţii umane şi aducerea de prejudicii imaginii concurentului electoral.

Observatorii internaţionali subliniază permanent că în perioada campaniilor electorale societatea civilă în Republica Moldova se activizează. În campaniile de alegeri în ultimii ani au participat activ multe ONG-uri, dar cel mai activ s-au prezentat formaţiunile obşteşti, care s-au poziţionat ca organizaţii independente, în afara partidului şi de non-profit.

Rolul organizaţiilor neguvernamentale în monitorizarea alegerilor în Republica Moldova este unul major şi extrem de important. În acest proces de monitorizare sunt implicate mai multe organizaţii non-guvernamentale ca: Iniţiativa Civică „Pentru un Parlament Curat”, „Asociaţia Promo-LEX”, Asociaţia pentru Democraţie Participativă „ADEPT”, Institutul de Dezvoltare şi Iniţiative Sociale (IDIS „Viitorul”), Institutul pentru Politici Publice (IPP), Asociaţia Presei Independente (API), Centru de Investigaţii Jurnalistice (CIJM), Centru pentru Jurnalism Independent (CJI), Coaliţia Civică „Pentru Alegeri Libere şi Corecte” şi altele.

Scopul principal al acestor organizaţii non-guvernamentale în cadrul desfăşurării alegerilor de diferite nivele este monitorizarea echidistantă, analiza profundă a proceselor electorale şi anunţarea publică a rezultatelor acestora, cu comentariile şi sugestiile de rigoare. Totodată, menirea acestor organizaţii este de a preveni anumite încălcări, de a minimaliza efectul negativ al abaterilor constatate şi de a depune efortul necesar pentru schimbarea prevederilor legale ce împiedică desfăşurarea corectă a alegerilor. Prin această activitate ele dau un plus de credibilitate întregului proces electoral. Activităţile de monitorizare reprezintă una din formele de participare a organizaţiilor sociale şi cetăţenilor în procesul electoral, contribuind totodată şi la educaţia civică a populaţiei.

Fiecare din ONG-uri îşi găseşte, de regulă, nişa proprie în procesul complex de alegeri. Spre exemplu, „Asociaţia pentru Democraţie Participativă „ADEPT” chiar de la începutul etapei de pregătire pentru alegerile parlamentare din noiembrie 2014 a monitorizat zi de zi procesul campaniei electorale - 2014. Pe *site*-ul electronic „ADEPT” în această perioadă se reflectau operativ cele mai importante acţiuni, inclusiv activitatea organizaţională a Comisiei Electorale centrale (CEC), a partidelor politice şi candidaţilor independenţi, observatorilor internaţionali şi a celor locali, desfăşurarea monitorizării şi anchetarea sociologică etc.

La rândul său, Institutul pentru Politici Publice (IPP) se specializează în desfăşurarea chestionării periodice a opiniei publice în ţară pe diferite probleme ale vieţii politice, economice şi culturale. Un rol deosebit îl are monitorizarea opiniei publice în ajunul alegerilor în Parlament, precum şi în organele administraţiei publice locale. Pe lângă aceasta Institutul pentru Politici Publice este editorul publicaţiei periodice „Barometrul de Opinie Publică”, care con-

[1] *Coaliţia Civică „Pentru Alegeri Libere şi Corecte” este o uniune benevolă de organizaţii neguvernamentale din Republica Moldova care au drept scop să contribuie la asigurarea unor alegeri libere, corecte, transparente şi democratice din republică şi continuă activităţile de promovare a unor alegeri libere şi corecte demarate de Coaliţia 2005, 2009, 2010 şi 2014.*

tribuie la dezvoltarea în Republica Moldova a unei societăţi deschise, participative, pluraliste, bazate pe valorile democratice.

De menţionat că pentru monitorizarea alegerilor parlamentare din 30 noiembrie 2014, consiliile electorale de circumscripţie au acreditat 7935 de observatori din partea concurenţilor electorali şi 25 de observatori din partea asociaţiilor obşteşti.

Comisia Electorală Centrală a acreditat 3105 observatori din partea a 13 instituţii, inclusiv 229 persoane din partea a 6 concurenţi electorali, pentru monitorizarea procesului electoral în secţiile de votare constituite în afara ţării. Organizaţia care a solicitat acreditarea celor mai mulţi observatori a fost Asociaţia „Promo-LEX" (2676 de observatori). CEC a acreditat 810 persoane din partea a 58 instituţii, inclusiv 38 experţi electorali din partea a 15 organe electorale din alte state, precum şi 148 observatori internaţionali din partea a 13 ONG-uri din 9 ţări.

În cadrul Coaliţiei Civice „Pentru Alegeri Libere şi Corecte", Asociaţia „Promo-LEX" a desfăşurat monitorizarea de lungă durată a perioadei electorale în contextul alegerilor parlamentare din 30 noiembrie 2014.

Efortul de monitorizare „Promo-LEX" a constatat că o parte din concurenţii electorali au desfăşurat o campanie activă şi cu diverse activităţi de agitaţie. Astfel, concurenţii electorali au utilizat tradiţionalele întâlniri cu alegătorii, concertele electorale, distribuirea publicităţii promoţionale, publicitatea stradală şi în mass-media drept instrumente de agitaţie electorală.

Drept rezultat „Promo-LEX" a lansat la 29 ianuarie 2015 Raportul final de monitorizare a alegerilor parlamentare din 30 noiembrie 2014, în care au fost făcute mai multe recomandări, şi anume: revizuirea mecanismului de stabilire a plafonului mijloacelor financiare pentru finanţarea campaniei electorale; implementarea unui soft care să permită verificarea datelor din procesele verbale potrivit formulelor de verificare stabilite de CEC, în vederea excluderii acuzaţiilor de denaturare a rezultatelor votării; adoptarea în lectura a II-a (finală) a proiectului de lege privind finanţarea partidelor politice şi a campaniilor electorale etc. [2].

Astfel, în rezultatul monitorizării Coaliţia Civică „Pentru Alegeri Libere şi Corecte" a considerat că scrutinul pentru alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014 a fost liber şi parţial corect. Totodată, Coaliţia regretă tentativele de intimidare sau de împiedicare a participanţilor la scrutin de a-şi prezenta platformele electorale, precum şi reflectarea partizană a campaniei electorale de către mai multe instituţii mass-media [3].

Într-o declaraţie de presă transmisă după încheierea scrutinului, Jan Petersen, şeful misiunii OSCE de monitorizarea alegerilor din Republica Moldova a declarat că: „într-un context politic divizat alegerile au fost administrate în mod profesional" şi a subliniat existenţa unor probleme în ceea ce priveşte transparenţa surselor de finanţare a partidelor politice şi modul în care televiziunile private au prezentat informaţii cu privire la candidaţi şi procesul electoral [4].

Majoritatea ONG-urilor au evidenţiat faptul că monitorizarea campaniei electorale a demonstrat că mass-media naţională, inclusiv televiziunea şi radioul publice, s-au conformat cu obligaţiunea de a oferi timp gratuit de emisie şi de a organiza dezbateri. Cu toate acestea, doar mass-media publice şi *ProTV Chişinău* au reflectat campania într-un mod echilibrat, în timp ce mediatizarea campaniei electorale de către majoritatea celorlalte posturi a fost partinică. Organul naţional de supraveghere a mijloacelor de informare în masă nu a aplicat sancţiuni eficiente posturilor care au realizat mediatizarea neechilibrată.

La alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014 rata de participare a alegătorilor a fost de 57,28%, ceea ce constituie mai mult de 1/3 din numărul de persoane înscrise în listele electorale şi este suficient pentru a considera alegerile parlamentare valabile [5, p.668].

Rezultatele scrutinului au arătat că cinci partide au reuşit să treacă pragul electoral: PSRM (20,5% - 25 mandate), PLDM (20,16% - 23 mandate), PCRM (17,48% - 21 mandate), PDM (15,8% - 19 mandate), PL (9,67% - 13 mandate) [6].

La 24 februarie 2019 au avut loc alegerile în Parlamentul Republicii Moldova de legislatura a X-a. Potrivit graficului de organizare a alegerilor, în intervalul 26 decembrie 2018 – 24 ianuarie 2019 a avut loc înregistrarea de Comisia Electorală Centrală a candidaţilor în perimetrul circumscripţiei naţionale, iar Consiliile electorale de circumscripţie au realizat înregistrarea candidaţilor în cele 51 de circumscripţii uninominale. Campania electorală s-a desfăşurat pe parcursul a 30 de zile, începând cu 25 ianuarie 2019.

În intervalul 6–20 februarie 2019, Comisia Electorală Centrală a adoptat 109 hotărâri pentru realizarea acţiunilor de organizare şi desfăşurare a alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019. Scrutinul electoral a fost dublat şi de referendumul consultativ. Este vorba de un plebiscit la care cetăţenii urmau să se pronunţe dacă sunt de acord cu reducerea numărului deputaţilor de la 101 la 61. Totodată, alegătorii au trebuit să decidă dacă susţin ideea că poporul poate revendica din funcţie deputaţii care nu-şi îndeplinesc obligaţiunile.

O particularitate a acestor alegeri parlamentare ţine de faptul că scrutinul s-a realizat în baza sistemului electoral mixt. Potrivit Raportului Misiunii de Observare a Alegerilor în Moldova „amendamentele legislative nu au avut un larg consens politic şi au fost puternic criticate de părţile interesate interne şi internaţionale, precum şi că au fost adoptate cu toate că recomandările Comisiei de la Veneţia, OSCE / ODIHR nu au fost luate în consideraţie [7].

Drept urmare, cetăţenii cu drept de vot au trebuit să aleagă 50 de deputaţi pe liste de partid şi 51 de deputaţi în circumscripţii uninominale. Dacă în circumscripţia naţională s-au înregistrat 15 concurenţi electorali (partide şi blocuri), atunci în circumscripţii uninominale – 325 de candidaţi.

În scopul organizării alegerilor parlamentare au fost deschise 2 141 de secţii de votare, dintre acestea 2 018 – în Republica Moldova, inclusiv 47 în raioanele din stânga Nistrului, iar 123 peste hotare. Rata de participare la votare a alegătorilor a constituit 49,13%, fiind cea mai joasă de la declararea independenţei de stat a Republicii Moldova.

Potrivit experţilor, pe parcursul anilor *sistemul electoral moldovenesc* a fost afectat de o serie de tipuri de tehnologii obscure: utilizarea resurselor administrative, mituirea alegătorilor, provocările electorale, discreditarea şi compromiterea oponenţilor, utilizarea candidaţilor „gemeni", falsificarea rezultatelor alegerilor, invalidarea alegerilor etc. La fel şi în scrutinul electoral din 24 februarie 2019 au fost sesizate mai multe încălcări din cele enunţate mai sus. Mai mult ca atât, unii observatori vorbesc despre faptul că „am avut cea mai murdară campanie electorală după independenţă încoace" [8].

Scrutinul a fost marcat de o mobilizare intensă a electoratului din raioanele din stânga Nistrului. Numărul alegătorilor din regiunea secesionistă se estimează la 38 000 de persoane. S-a suspectat că unele partide ar fi contribuit la transportarea organizată a acestora fiind folosite resurse administrative. S-a constatat o participare a 42.000 de votanţi a diasporei din Occident, dar şi un absenteism al cetăţenilor Republicii Moldova la Bucureşti.

Cele mai multe decizii ale Comisiei Electorale Centrale (62 de hotărâri) s-au referit la acreditarea observatorilor naţionali şi internaţionali. Scrutinul a fost monitorizat de 4 165 de observatori, inclusiv 3 389 naţionali şi 776 internaţionali.

ONG-urile s-au inclus activ în procesul de monitorizare a campaniei electorale din 24 februarie 2019. În acest sens, s-a solicitat ca diaspora să poată vota în baza actelor de identitate expirate, acţiune respinsă însă de Curtea Constituţională [9].

Un grup de organizaţii non-guvernamentale cu denumirea generică Iniţiativă Civică „Pentru un Parlament Curat 2019" (IPC) a monitorizat atât listele candidaţilor prezentate de partidele politice cu şanse de accedere în viitorul Parlament, cât şi ale candidaţilor independenţi în circumscripţia naţională şi în circumscripţiile uninominale [10]. Organizaţiile fondatoare ale Iniţiativei Civice „Pentru un Parlament Curat" au realizat monitorizări similare ale candidaţilor la alegerile parlamentare din 2009, 2010 şi 2014. Iniţiativa Civică „Pentru un Parlament Curat 2019" a făcut parte din proiectul implementat de organizaţiile-partenere: Asociaţia pentru Democraţie Participativă „ADEPT", Asociaţia Presei Independente (API), Centrul de Analiză şi Prevenire a Corupţiei (CAPC) şi Centrul de Investigaţii Jurnalistice (CISM), cu sprijinul financiar al Fundaţiei Soros-Moldova/ Departamentul Buna Guvernare. La 21 ianuarie 2019 organizaţiile constituente ale Iniţiativei Civice „Pentru un Parlament Curat 2019"au publicat primele 45 de profiluri ale candidaţilor la alegerile parlamentare din 24 februarie 2019. Profilurile au fost realizate de jurnaliştii de investigaţie după monitorizarea candidaţilor în baza unor criterii de integritate. După documentare, profilurile au fost verificate de o echipă de jurişti, apoi publicate pe portalurile *www.moldovacurata.md* şi *www.anticoruptie.md* , în vederea responsabilizării clasei politice din Republica Moldova, Iniţiativa Civică „Pentru un Parlament Curat 2019" a propus partidelor politice să completeze de sine stătător un chestionar pentru fiecare candidat inclus în listă, atât în circumscripţia naţională cât şi în circumscripţiile uninominale [11].

La 6 decembrie 2018, Asociaţia Presei Independente a emis o declaraţie referitoare la reflectarea alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019. Potrivit documentului, Asociaţia se angaja să „reflecte nepărtinitor şi echidistant desfăşurarea campaniei electorale în conformitate cu prevederile statutare ale API şi cu normele deontologice ale jurnalisticii". S-a făcut apel către toţi proprietarii/editorii instituţiilor mass-media din Republica Moldova să nu se lase influenţaţi de concurenţii electorali şi să se abţină de la orice formă de manipulare a opiniei publice şi de la promovarea discursului de ură, respectând pluralismul de opinii şi principiile eticii profesionale [12].

Centrul pentru Jurnalism Independent şi Asociaţia Presei Independente au elaborat Raportul de monitorizare a mass-media, document implementat cu sprijinul financiar al National Endowment for Democracy (SUA), al Guvernului Suediei şi al Agenţiei SUA pentru Dezvoltare Internaţională. Obiectivul proiectului 1-a constituit monitorizarea şi informarea publicului cu privire la comportamentul editorial al instituţiilor mass-media în perioada preelectorală şi în campania electorală pentru alegerile parlamentare 2019 din Republica Moldova. Instituţiile mass-media supuse monitorizării au fost selectate în baza următoarelor criterii: a) *forma de proprietate;* b) *geografie;*c) *limba de difuzare;*d) *notorietate/audienţă*. Astfel, au fost monitorizate instituţii mass-media publice şi private, cu acoperire naţională, cvasi-naţională şi regională, în limba română şi în limba rusă. Potrivit autorilor Raportului subiectele abordate de majoritatea canalelor monitorizate au vizat de cele mai multe ori domeniul politic. În multe cazuri a fost vorba despre evenimente de campanie desfăşurate de unele partide, conferinţe de presă la care s-au făcut totalurile campaniei, fiind lansate şi diverse acuzaţii la adresa contracandidaţilor. A doua temă ca frecvenţă a fost procesul electoral, inclusiv subiecte despre activitatea Comisiei Electorale Centrale şi procedura de vot în ziua scrutinului, urmate la mare distanţă de subiecte privind corupţia, probleme sociale, domeniul economic, domeniul sănătăţii şi relaţii externe. De regulă, acestea au avut caracter electoral indirect, fiind vorba despre activităţi ale preşedintelui şi Preşedinţiei, ale diferitelor ministere si structuri guvernamentale etc. Cea mai mare diversitate din punct de vedere tematic a fost atestată la NTV Moldova si Accent TV (politic,

relaţii externe, probleme sociale, proces electoral, administraţia publică locală, educaţie, minorităţi), PRO TV (proces electoral, politic, corupţie, probleme sociale, integritate, diaspora), TV Centrală (politic, proces electoral, integritate, economic, administraţia publică locală, societate civilă) [13].

La 11 ianuarie 2019, Asociaţia pentru Democraţie Participativă ADEPT a lansat o versiune nouă a portalului *www.alegeri.md*, unde a prezentat informaţii despre alegerile parlamentare din 24 februarie 2019, precum şi despre scrutinele electorale anterioare. Portalul a oferit în prim plan detalii despre noul sistem electoral, despre concurenţii electorali în circumscripţia naţională şi în circumscripţiile uninominale despre oferta electorală a concurenţilor etc. De asemenea, portalul a prezentat informaţii despre partidele politice din Republica Moldova şi performanţa acestora.

Directorul executiv al ADEPT, Igor Boţan, a specificat că lansarea respectivei platforme este legată de schimbarea sistemului electoral şi se vrea ca finalitate crearea unei enciclopedii a proceselor electorale din Republica Moldova [14].

În cadrul unei conferinţe de presă susţinută la 23 ianuarie 2019 a fost lansat primul raport de monitorizare din perspectiva incluziunii persoanelor cu dizabilităţi, de etnie romă, tineri şi dimensiunea egalităţii de gen. Documentul a fost realizat în cadrul proiectului „Pledoaria societăţii civile pentru alegeri incluzive şi corecte în Republica Moldova, conform recomandărilor UE şi OSCE/ODIHR precum şi angajamentelor în domeniul drepturilor omului", implementat de Fundaţia Est-Europeană, în parteneriat cu Centrul Parteneriat pentru Dezvoltare, Piligrim Demo şi Târna Rom, finanţat de Uniunea Europeană şi co-finanţat de Suedia [15].

Raportul intermediar nr. 1 de monitorizare a alegerilor din perspectiva incluziunii persoanelor cu dizabilităţi a fost elaborat de Natalia Cojocaru. Potrivit observatoarei la alegerile parlamentare din 2019 au putut vota toţi cetăţenii care au atins vârsta majoratului, inclusiv persoanele cu dizabilităţi care au fost cândva declarate incapabile de instanţele de judecată, fapt datorat modificărilor în legislaţia naţională care elimină restricţiile privind exercitarea dreptului la vot al acestui grup de persoane. S-a constatat faptul că până la 15 ianuarie nu toţi concurenţii electorali şi-au făcut publice programele electorale. Doar unul din programele electorale analizate includea persoanele cu dizabilităţi ca grup ţintă vizat şi conţinea prevederi formulate specific pentru această categorie de cetăţeni. Paginile web ale concurenţilor electorali nu corespund standardelor internaţionale în materie de accesibilitate WCAG [16].

Totodată*,* s-au monitorizat *şi* alegerile parlamentare prin prisma dimensiunii egalităţii de gen. S-a ajuns la concluzia că partidele politice au respectat cota minimă de gen; în primele zece locuri de pe toate listele concurenţilor electorali se află doar 18% de femei; deşi sunt mai multe femei candidate, acestea sunt plasate în marea majoritate pe locuri neeligibile; nivelul de prezenţă a femeilor pe listele de candidaţi rămâne a fi foarte diferit de la partid la partid; ponderea femeilor candidate pentru circumscripţiile uninominale este de două ori mai mică comparativ cu circumscripţia naţională; nici un partid politic nu a respectat cota de gen de 40% pentru circumscripţiile uninominale; ponderea totală a femeilor candidate nu a crescut semnificativ comparativ cu alegerile precedente [17].

La 21 februarie 2019, Coaliţia Civică „Pentru Alegeri Libere şi Corecte" a lansat o declaraţie referitoare la principalele constatări ale organizaţiilor membre cu privire la perioada electorală şi pre-electorală. S-a atenţionat asupra faptului că se încalcă standardele „pentru un proces electoral liber şi corect" în aceste circumstanţe, Coaliţia a făcut apel către instituţiile statului, organele electorale şi concurenţii electorali să depună eforturi pentru ca votarea şi anunţarea rezultatelor să aibă loc într-o manieră corectă, fără încălcări, astfel încât alegerea cetăţeanului să fie reflectată corect în noul Legislativ [18].

La 25 februarie, imediat după alegeri, Coaliţia Civica „Pentru Alegeri Libere şi Corecte” într-o declaraţie a apreciat drept incorecte şi parţial libere alegerile parlamentare din 24 februarie 2019. Aprecierea a fost făcută prin prisma gradului de respectare a principiilor pentru alegeri libere şi corecte de către toţi actorii electorali şi în baza următoarelor constatări privind desfăşurarea perioadei pre-electorale, electorale şi a zilei alegerilor: modificarea regulilor de joc în ajunul alegerilor; utilizarea resurselor administrative în perioada electorală; coruperea alegătorilor; limitarea dreptului la vot şi de a depune contestaţii a cetăţenilor moldoveni aflaţi peste hotare; soluţionarea neuniformă a litigiilor şi a conflictelor electorale; deficienţe şi erori în Registrul de Stat al Alegătorilor (RSA) şi listele electorale; menţinerea plafoanelor înalte pentru donaţii făcute partidelor; mass-media controlată politic; femeile, tinerii, persoanele cu dizabilităţi şi persoanele de etnie romă continuă să fie sub-reprezentate; intimidarea observatorilor naţionali şi tentative de compromitere a campaniilor de educaţie civică; intimidarea concurenţilor electorali şi alegătorilor [19].

În cadrul programului „Democraţie, Transparenţă şi Responsabilitate”, susţinut financiar de către Agenţia Statelor Unite pentru Dezvoltare (USAID), desfăşurat de Asociaţia „Promo-LEX” a fost organizată Misiunea de observare a alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019 [20]. A fost singura organizaţie din Moldova care a realizat o monitorizare la nivel naţional. Observatorii „Promo-LEX” au monitorizat 2 094 de secţii de votare. Printre încălcările semnalate au fost 59 de cazuri de oferire a recompenselor materiale sau băneşti alegătorilor; 64 de cazuri ce pot fi calificate drept acte de agitaţie electorală sau PR negru la intrarea sau în incinta secţiei de votare pentru a determina simpatia alegătorilor; 50 de cazuri când în incinta secţiilor de votare s-au aflat anumite categorii de persoane neautorizate pe o perioadă de timp mai mare decât limita admisibilă conform prevederilor legale; peste 123 de cazuri, unde au avut loc situaţii ce pot fi interpretate drept transportare organizată a alegătorilor; 39 cazuri ce pot fi calificate drept acte de violenţă sau intimidare a alegătorilor ş.a. [21]

Ca urmare a cererii Comisiei Electorale Centrale, depuse la 4 martie 2019, la 9 martie Curtea Constituţională a confirmat legalitatea alegerilor parlamentare [22]. Au fost validate mandatele deputaţilor aleşi în circumscripţia naţională şi în circumscripţiile uninominale, au fost confirmate listele candidaţilor supleanţi din partea Partidului Politic „Partidul Socialiştilor din Republica Moldova” (35 de mandate), Blocului electoral „ACUM Platforma DA şi PAS” (26 de mandate), Partidului Democrat Moldova (30 de mandate), Partidului Politic „Şor” (7 mandate) şi trei candidaţi independenţi. Astfel, constatăm o reconfigurare a structurii politice în legislativul de la Chişinău. In Parlamentul Republicii Moldova au fost incluse două formaţiuni politice noi: „ACUM Platforma DA şi PAS” şi Partidul Politic „Şor”.

Monitorizarea de către ONG-uri a constatat că o parte din concurenţii electorali au desfăşurat o campanie activă şi cu diverse activităţi de agitaţie electorală. Astfel, concurenţii electorali au utilizat tradiţionalele întâlniri cu alegătorii, concertele electorale, distribuirea publicităţii electorale, publicitatea stradală şi în mass-media drept instrumente de agitaţie electorală, precum şi organizarea activităţilor sportive, amplasarea corturilor de agitaţie electorală. Totodată, a fost constatată utilizarea resurselor administrative de către unii concurenţi electorali.

Conform totalizărilor monitorizării realizate de organizaţiile neguvernamentale scrutinul, în mare parte, nu a întrunit exigenţele unui proces competitiv, care s-ar compara cu practica electorală din ţările cu tradiţii democratice durabile, datorită atmosferei tensionate, condiţiilor inechitabile şi a unor încălcări sau interpretări ale procedurilor de către organe electorale, funcţionari electorali şi din partea concurenţilor.

Reieşind din analiza problemei de studiu, putem susţine faptul că organizaţiile non-guvernamentale joacă un rol-cheie în monitorizarea procesului electoral din Republica Moldova.

Bibliografie

1. Legea cu privire la asociaţiile obşteşti. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.141-145 din 07.09.2007.

2. Raportul final de monitorizare a alegerilor parlamentare din 29 ianuarie 2015. // http://alegeri.md/w/alegeri_parlamentare_din_2014%C3%AEn_Republica_Moldova (accesat 10.02.2020).

3. Scrutinul pentru alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014 a fost liber şi parţial corect. // www.alegeliber.md (accesat 10.02.2020.

4. Elections in Moldova were generally well administered, in a campaign influenced by geopolitical aspirations say international observers. // www.osce.org/odihr/elections/128526 (accesat 14.02.2020).

5. Electorala 2014: 30 noiembrie 2014. Documente şi cifre cu privire la alegerile parlamentare de legislatura a XX-a. Partea 1. Chişinău, 2015.

6. Alegerile parlamentare în Moldova din 30 noiembrie 2014. // www.alegeri.md (accesat 15.02.2020).

7. Misiunea de Observare a Alegerilor în Moldova. Alegeri Parlamentare, 24 Februarie 2019. Publicat de: ENEMO - Reţeaua Europeană a Organizaţiilor de Monitorizare a Alegerilor. // http://alegeri.md/images/a/a3/Raport-intermediar-enemo-alegeri-parlamentare-2019.pdf (accesat 12.03.2020).

8. ERIZANU, Gh. Parlamentarele 2019. Republica Moldova // http://erizanu.cartier.md/parlamentarele_2019_republica_moldova_11663.html (accesat: 12.03.2020).

9. ONG-urile solicită ca diaspora să poată vota în baza actelor de identitate expirate. Ce spune CEC și OSCE // https://www.publika.md/alegeri-parlamentare-2019-ong-urile-solicita-ca-diaspora-sa-poata-vota-in-baza-actelor-de-identitate-expirate-ce-spune-cec-ti-osce_3033581.html (accesat 15.03.2020).

10. Un grup de ONG-uri a publicat profilurile candidaţilor la alegerile parlamentare 2019 // https://www.zdg.md/stiri/stiri-sociale/video-un-grup-de-ong-uri-a-publicat-profilurile-candidatilor-la-alegerile-parlamentare-2019. (accesat 20.03.2020).

11. Iniţiativa Civică "Pentru un Parlament Curat 2019". Comunicat de presă. 21.01.2019 // http://www.e-democracy.md/filespr/2019-01-21-icpc-candidati-alegeri-parlamentare.pdf (accesat 20.03.2020).

12. Declaraţia membrilor API privind reflectarea alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019. // http://unghiul.com/declaratia-membrilor-api-privind-reflectarea-alegerilor-parlamentare-din-24-februarie-2019/ (accesat 24.03.2020).

13. Monitorizarea mass-media în campania electorală pentru alegerile parlamentare 2019. Raport nr. 5 17-24 februarie 2019 // http://www.api.md/upload/PDF/Raport%20monitorizare%20mass-media%205.pdf (accesat 20.03.2020).

14. Lansarea noului site dedicat alegerilor şi partidelor din Republica Moldova -alegeri.md. // http://www.e-democracy.md/adept/activities/alegeri-md-versiune-noua/ (accesat 12.03.2020).

15. „Cât de Incluzive sunt Alegerile din 2019?!" - primul Raport de Monitorizare. // http://eef.md/index.php?pag=news&id=931&rid=1374&l=ro (accesat 12.03.2020).

16. COJOCARU, N. Raport intermediar nr. 1 de monitorizare a alegerilor din perspectiva incluziunii persoanelor cu dizabihtaţi în cadrul alegerilor parlamentare 2019, p. 14 // http://eef.md/media/files/files/ranort-l-incluziunea-persoane-dizabilitati-parlamentare-2019 6501343 .pdf (accesat 10.04.2020).

17. IVAŞCU, R., ANDRONACHE, A., BUZU, A. Locul femeilor în alegeri. Analiza preliminară a candidaţilor pentru alegerile parlamentare din 2019 prin prisma dimensiunii egalităţii de gen, Chişinău, ianuarie 2019, pp.4-6. http://eef.md/media/files/files/cpd_analiza_listelor_de_candida_ai_final 3665409.pdf (accesat 20.04.2020).

18. Declarația Coaliției Civice Pentru Alegeri Libere și Corecte înainte de ziua alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019 // http://eef.md/index.php?pag=news&id=931&rid=1384&l=ro (accesat 20.04.2020).

19. Declaraţie. Poziţia Coaliţiei Civice „Pentru Alegeri Libere şi Corecte" faţă de alegerile parlamentare din 24 februarie 2019. 25 februarie 2019, // http://alegeliber.md/wp-content/uploads/2019/02/Declaratia-CALC-

dupa-alegerile-parlamentare-februarie-2019.pdf (accesat 28.04.2020).

20. Asociaţia „Promo-LEX” selectează Observatori pe termen lung pentru monitorizarea alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019. // https://promolex.md/13339-asociatia-promo-lex-selecteaza-observatori-pe-termen-lung-pentru-monitorizarea-alegerilor-parlamentare-din-24-februarie-2019/?print=print&lang=ru (accesat 24.04.2020).

21. Raportul nr. 6. Misiunea de observare a alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019. Ziua alegerilor. Publicat la 1 martie 2019, p.9, 11-14, // https://promolex.md/wp-content/uploads/2019/03/Raport_Prorno-LEX_nr.6_EDay.pdf (accesat 20.04.2020).

22. Şedinţa Curţii Constituţionale privind confirmarea rezultatelor alegerilor parlamentare din 24 februarie 2019 şi validarea mandatelor deputaţilor aleşi // http://www.constcourt.md/libview.php?l=ro&idc=7&id=1415&t=/Media/Noutati/9-martie-2019-sedinta-Curtii-Constitutionale-privind-confirmarea-rezultatelor-alegerilor-parlamentare-din-24-februarie-2019-si-validarea-mandatelor-deputatilor-alesi (accesat 15.03.2020).

CZU 327:578.834
DOI 10.5281/zenodo.3980474

IMPACTUL PANDEMIEI COVID -19 ASUPRA NOII ORDINI MONDIALE

Svetlana CEBOTARI
Doctor habilitat în științe politice, conferenţiar universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Departamentul Relații Internaționale, Republica Moldova
e-mail: *svetlana.cebotari@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0001-9073-104X

Actualmente, asistăm la o realitate condiționată de prezența virusului COVID-19, care are repercursiuni atât de moment, dar și de durată asupra întreg sistemului de relații internaționale în general, cât și a comportamentului statelor în particular. Tocmai din acest motiv și deoarece noul virus cunoaște o evoluție dinamică în timp și spațiu, este necesară o cercetare a impactului său nu doar din perspectiva biogenetică, dar și din perspectiva altor domenii, inclusiv cel al relațiilor internaționale.

Evenimentele la care asistăm în prezent sunt provocări serioase, pentru a ține pasul cu mutațiile care au loc pe arena internațională, in special cu cele din sfera virusologiei. Așa cum pe parcursul și altor epidemii, virușii care le provoacă se vor schimba și vor apărea, un lucru rămâne constant: mereu aceștea vor influiența nu doar relațiile interumane, dar vor determina noi realități în sistemul relațiilor internaționale.

Prezentul articol are drept scop de a scoate în evidență principalele repercusiuni ale noului virus COVID-19 asupra sistemului de relații internaționale, inclusiv asupra Noii Ordini Mondiale.

Cuvinte-cheie: *pandemie, impact, stat, politică, coronavirus, relații internaționale, Noua Ordine Mondială.*

THE IMPACT OF THE COVID -19 PANDEMIC ON THE NEW WORLD ORDER

Currently, we are witnessing a conditional reality imposed by the COVID-19 pandemic presence, with both immediate and long-lasting repercussions on the international system as a whole and on the behavior of each state. For this reason and because the new virus has a dynamic evolution in time and space, a research of its impact is needed not only from a biogenetic perspective, but also in the context of other fields, including the international relations realm.

The events we are witnessing at present are serious challenges to keep up with transformations taking place on the international arena, especially those in the field of virology. As epidemics over time, viruses that cause them change and occur, constant remains only the fact that they will always influence not only interpersonal relations, but will impose conditions for new realities in the system of international relations.

This article aims to highlight the main repercussions of the new COVID-19 outbreak on the system of international relations, including on the New World Order.

Keywords*: pandemic, impact, state, politics, coronavirus, international relations, New World Order.*

IMPACT DE LA PANDÉMIE DE COVID-19 SUR LE NOUVEL ORDRE MONDIAL

Actuellement, nous assistons à une réalité conditionnée par la présence du virus COVID-19 qui a des répercussions à la fois momentanées et durables sur la formation du Nouvel Ordre Mondial, sur l'ensemble du système des relations

internationales en général, et le comportement des États en particulier. C'est précisément pour cette raison et parce que le nouveau virus a une évolution dynamique dans le temps et dans l'espace, il est nécessaire de rechercher son impact non seulement dans une perspective biogénétique, mais aussi dans la perspective d'autres domaines, y compris le domaine des relations internationales.

Les événements auxquels nous assistons actuellement sont des défis sérieux, pour suivre les changements qui se produisent sur la scène internationale, en particulier dans le domaine de la virologie. Comme les épidémies au fil du temps, les virus qui les provoquent vont changer et apparaître, mais une chose reste constante: elles influenceront toujours non seulement les relations interpersonnelles, mais conditionneront de nouvelles réalités dans le système des relations internationales.

Cet article vise à mettre en évidence les principales répercussions du nouveau virus COVID-19 sur le système des relations internationales, y compris le Nouvel Ordre Mondial.

Mots-clés: *pandémie, impact, virus, état, politique, COVID-19, Nouvel Ordre Mondial.*

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

В настоящее время мы живем в реальности, обусловленной присутствием вируса COVID-19, который будет иметь как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для всей системы международных отношений в целом, а также для поведения отдельных государств, в частности. Именно по этой причине, а еще и потому, что новый вирус имеет динамичную эволюцию во времени и пространстве, необходимо исследовать его воздействие не только с биогенетической точки зрения, но и с точки зрения других областей, включая область международных отношений.

События, которые мы наблюдаем в настоящее время, становятся вызовами в соответствии с изменениями, происходящими на международной арене, особенно в области вирусологии. По мере развития эпидемий, с течением времени вызывающие их вирусы будут меняться и появляться, но одно остается неизменным: они всегда будут влиять не только на межличностные отношения, но также будут обусловливать новые реалии в системе международных отношений.

Данная статья призвана осветить основные отзвуки нового вируса COVID-19 для системы международных отношений, включая Новый Мировой Порядок.

Ключевые слова*: пандемия, воздействие, государство, политика, COVID-19, международные отношения, Новый Мировой Порядок.*

Introducere

La începutul sec. al XXI-lea, ordinea mondială s-a conturat în jurul unor poli de putere. Noua Ordine Mondială (N O M) (în engl. New World Order - N W O) este un concept introdus în uzul politic de către președintele american George Bush senior în anul 1991 și face referință la o nouă etapă în dezvoltarea relațiilor internaționale [7, p.4], axată pe schimbarea și afirmarea tiparelor de interacțiune dintre entitățile politice pe arena mondială. Pe parcursul istoriei, indivizii și statele au manifestat o preocupare constantă pentru dezvoltarea unui model care ar oferi stabilitatea și predictibilitatea în raporturile cu ceilalți. Dacă e să examinăm ordinea mondială prin prisma dimensiunii orizontale, adică cea a interacțiunii interstatale, atunci relațiile internaționale pot ceda în fața privilegiilor marilor puteri, care se luptă, impun și modifică tipare de interacțiune și norme de conduită ale sistemului internațional [15, p. 313]. Pe parcursul decadelor, după sfârșitul celui de-al Doilea Război Mondial, SUA a devenit liderul internațional care își axează politica pe valorile democratice. Ordinea impusă de Occident suferă modificări. Astfel, aceste modificări sunt condiționate, în primul rând, de:

1. Natura statului este supusă unor transformări. Europa a decis că statutul de stat cu drepturi suverane

încearcă să ducă o „politică loială”. Până în prezent, Europa nu deține toate atributele statale, creând un vacuum în interiorul Uniunii și destabilizând puterea de-a lungul frontierelor sale. În același timp, în unele state din Orientul Apropiat se observă o descentralizare cauzată de conflictele religioase și etnice, ceea ce duce la nesupunerea controlului pe întreg teritoriul statului. În Asia sunt prezente fenomene contradictorii celor existente în spațiul european - se creează și este prezent principiul balanței de putere. Indiferent de legitimitatea acțiunilor, aceste fenomene pot cauza contradicții care ar duce la confruntări deschise.

2. Contradicțiile dintre economia mondială și instituțiile politice, care le și realizează, pierd din influență - fenomen caracteristic pentru ordinea mondială. De asemenea, se observă contradicții între tendința de globalizare a economiei și sistemul politic care se axează pe statul național. În esență, globalizarea economiei a ignorat frontierele de stat. Politica externă le confirmă, cu toate că încearcă să rezolve unele probleme, să unifice scopurile statelor cu scopurile ordinii mondiale, care deseori sunt contradictorii. Această dinamică, pe parcursul a mai multor decade, a asigurat creșterea economică, în pofida crizelor financiare periodice - criza din America Latină din 1980, criza financiară asiatică din 1997, cea din Rusia din 1998, SUA - 2001 și 2007, Europa - 2010, Rusia - 2014.

3. Cea de a treia slăbiciune a Noii Ordini Mondiale rezidă în lipsa unui mecanism de corelare, consultare privind posibila cooperare între marile puteri în domeniile în care sunt prezente stringente probleme mondiale, iar declanșarea pandemiei COVID -19 este un exemplu elocvent. Deseori, caracterul întrunirilor liderilor politici și periodicitatea, frecvența acestora nu contribuie la elaborarea unei strategii pe termen lung. Astfel, procesul respectiv nu permite realizarea unor obiective concrete, doar se axează pe unele întruniri, al căror caracter se transformă în unul formal, axat pe discuțiile tactice [28].

4. Declanșarea pandemiei COVID- 19 a scos în relevanță nu doar lacunele statelor slab dezvoltate, dar și a centrelor de putere mondială - SUA, UE, Federația Rusă.

Transformările profunde din ultimele decade de pe arena internațională au contribuit la modificarea NOM. Printre consecințele schimbării NOM se află apariția și expansiunea pandemiei COVID-19 pe întreg mapamondul.

Noile centre de putere care dispun de interese proprii, capabile să le realizeze atât de sine stătător, ca de exemplu SUA, cât și prin cooperare - BRICS, prin crearea alianțelor - NATO, sau prin uniuni - UE, au demonstrat nepregătire în combaterea noului virus. Astfel, urmărind cu atenţie transformările în curs de desfăşurare pe plan global, observăm că s-a modificat într-un ritm rapid conţinutul geopoliticii centrate pe capacitatea statelor de a compartimenta spaţiul geografic prin intermediul forţei sau influenţei condiționate de interesele manifestate în anumite zone.

Pe parcursul ultimelor luni ale anului 2020, gradul înalt de complexitate a formei, structurii și comportamentului noului virus COVID-19, cât și a relaţiilor sociale a dat naştere unor dezbateri teoretice active vis-a-vis de esenţa și impactul acestui virus asupra Noii Ordini Mondiale. Deși se conturează tot mai mult în relațiile internaționale, în mare parte se vorbește despre această realitate: în cercetările din domeniul virusologiei. Încă nu i-au fost în mod explicit analizate toate efectele asupra sănătății individului, cât și nu au fost găsite metodele optime de învingere a acestuia. Spre deosebire de cercetările din domeniul medicinei, în cercetările politologice fenomenului cu referire la pandemia COVID-19, în special a impactului acesteia asupra sistemului de relații internaționale abea i se fac primele încercări de a scoate în relevanță principalele efecte, dar și consecințe pe care le condiționează noul virus.

Tocmai din acest motiv și pentru că acest fenomen cunoaște o dinamică și o evoluție rapidă în timp și

spațiu, apare necesitatea de a face o analiză a impactului pandemiei COVID-19 dincolo de efectele biologice asupra indivizilor și în afara frontierelor medicinei.

Condițiile apariției COVID-19

Una dintre controversele condiționate de virusul COVID-19 se referă la apariția acestuia. În publicațiile de specialitate, dar și în declarațiile unor specialiști în materie virusologică apar teze contradictorii. Noul virus descoperit în China și raportat de autoritățile chineze în cadrul mai multor mecanisme de alertă comună internațională – printre care Inițiativa Globală pentru Diseminarea Informațiilor despre Influenza (Gripă) – face parte din familia coronavirușilor. Această familie, conform specialiştilor în materie virusologică, cuprinde viruși care se găsesc în mod normal la diferite specii de animale precum cămile, vite, pisici sau lilieci. În situații rare, un coronavirus poate trece de la o specie la alta, de la un animal infectat la om, cum a fost cazul îmbolnăvirilor cu SARS sau MERS. Informațiile inițiale din China arătau că un număr considerabil de cazuri de oameni infectați aveau legătură cu o piață de animale vii, unde se comercializau și fructe de mare din orașul Wuhan, în China la sfârșitul anului 2019. Ulterior, răspândirea virusului în mai multe țări și analiza epidemiologică a acestor noi cazuri au arătat că transmiterea are loc și între oameni [2].

La această concluzie au ajuns cercetătorii Academiei de științe a Chinei. De asemenea, cercetătorii au mai aflat că răspândirea maladiei s-a produs pe cel puțin trei căi. Ei au stabilit că un oarecare „pacient zero" ar fi infectat pe cineva în piața cu pricina, plină de pește și fructe de mare păstrate nu în cele mai bune condiții sanitare, care a reprezentat un mediu favorabil pentru răspândirea printre oameni a virusului ucigaș [13].

Infecția a apărut în decembrie 2019. În unele cazuri erau implicați oameni care lucrau la piața angro de fructe de mare din Wuhan, un oraș din provincia Hubei. Piața a fost închisă pentru dezinfectare. Pe 21 ianuarie, virusul s-a răspândit și-n orașele mari - Beijing, Shanghai și Shenzhen. Au fost confirmate cazuri și-n provinciile Yunnan, Sichuan, Guangxi și Shandong [21].

Conform poziției oficialilor chinezi, toate indiciile arată ca pandemia de coronavirus are origini americane. Deși a erupt în Wuhan, in decembrie 2019, se pare că acest nou virus ar fi ajuns acolo cu ocazia Jocurilor Militare Mondiale, care s-au desfăşurat în perioada 18-27 octombrie 2019 în orașul chinez Wuhan. În timpul jocurilor, la care au participat 9.603 de sportivi militari din 104 țări, mai mulți americani au fost spitalizați pentru „pneumonie rară". Actualmente, se vehiculează „opinii diverse despre originea bolii" [1].

Poziția oficială a Organizației Mondiale a Sănătății arată că noul coronavirus este de origine animală și nu a fost manipulat sau produs într-un laborator [17]. Pandemia COVID-19, care afectează lumea, a lăsat numeroase teorii despre originea acestui virus. Una dintre cele mai ascultate este că acest nou coronavirus a fost creat într-un laborator [5].

Cercetătorii au reușit să stabilească faptul că SARS-CoV-2 (numele virusului care provoacă COVID-19) nu este o invenție umană, ci mai degrabă un produs al naturii, după cum a indicat echipa de cercetare, condusă de infecționistul californian Kristian Andersen. După mai multe analize ale cercetătorilor, echipa a ajuns la „concluzia fermă" că noul virus, potrivit rezultatelor studiilor, are o origine complet naturală [4].

Luis Enjuanes, virolog la Centrul Național pentru Biotehnologie (CSIC) și profesor în cadrul Institutului Pasteur din Paris, a demontat teoria unei presupuse fabricări artificiale de COVID-19 într-o oglindă publică dintr-un laborator. „Am mulți ani și există întotdeauna teorii exotice despre viruși noi, cum ar fi faptul că au venit din spațiu într-un meteorit la 2.000

de grade", a subliniat el și a adăugat cu ironie „sunt viruși foarte rezistenți". Există trei motive pentru care acest coronavirus nu poate fi artificial:

1. „Cei care lucrează în inginerie genetică atunci când creează viruși trebuie să facă modificări pentru a tăia și a lipi moleculele, lucru care nu este văzut în noul virus.

2. „Mai mult, asemănarea secvențelor virusurilor cu care s-a lucrat la Wuhan este doar 96% din ceea ce a apărut la om și aceasta este asemănarea genetică pe care omul ar avea-o cu porcul, deci este extrem de improbabilă versiunea că virusul a sărit din laborator la oameni".

3. „Există un al treilea argument care pare a fi destul de convingător. Nici o țară nu lucrează asupra creării armelor biologice, fără să pregătească mai întâi vaccinul, deoarece acest lucru ar presupune o sinucidere directă. Nici chinezii, nici americanii, nici rușii nu au fost impicați în crearea vaccinului" [22].

Atât în presă, cât și în cadrul discuțiilor există poziții diferite cu referire la apariția acestui virus. Astfel, cunoscutul virolog francez Luc Montagnier, care a câștigat premiul Nobel pentru medicină în 2008, pentru că a descoperit, alături de alți experți, virusul imunodeficienței umane (HIV), a alertat despre originea noului coronavirus care afectează întreaga lume. Într-un interviu acordat pe 16 aprilie 2020, Montagnier și-a prezentat teza conform căreea SARS-CoV-2 are o legătură cu virusul HIV, afirmații care au generat controverse în cadrul comunității științifice [18].

Aceeași poziție este susținută și de către profesorul japonez Tasuku Honjo, conform căruia virusul Corona nu este natural. Având o experiență de peste 40 de ani de cercetări pe animale și viruși, Honjo consideră că noul virus nu este unul firesc. Dacă este firesc, conform poziției lui Honjo, noul virus nu va afecta întreaga lume. Deoarece, în funcție de natură, temperatură capacitatea acestuia este diferită în diferite țări. Dacă virusul ar fi firesc, acesta ar afecta doar țările cu aceeași temperatură ca China. În schimb, se răspândește într-o țară precum Elveția, la fel cum se răspândește și în zonele deșertate. În timp ce, dacă ar fi firesc, s-ar fi răspândit în locuri reci, dar ar fi murit în locuri fierbinți. Este fabricat și virusul este complet artificial. Lucrez de 4 ani în laboratorul Wuhan din China. Cunosc bine tot personalul acestui laborator. Am sunat pe toți după accidentul cu Corona, dar toate telefoanele lor sunt moarte de 3 luni. Acum se înțelege că toți acești tehnicieni de laborator sunt morți. Pe baza tuturor cunoștințelor și cercetărilor elaborate, Honjo afirmă cu 100% încredere că Corona nu este un virus natural. Nu are provenența din lilieci, învinuind guvernul chinez de declarații false [19].

Teoria este una dintre posibilitățile multiple, urmărite de cercetători, într-o încercare de a determina originile coronavirusului. Suspiciunile au apărut și pe fondul unei decizii recente a autorităților din China, care au interzis publicarea oricăror studii privind originea virusului care a izbucnit prima dată în Wuhan. Cele care fuseseră publicate anterior, au fost retrase de pe *site*-urile a două universități mari din China. Un alt motiv de suspiciune este și cenzurarea, dispariția chiar a unor medici și oameni de știință chinezi care au atras atenția asupra epidemiei. Conform Reuters, secretarul de stat Mike Pompeo a cerut oficialilor de la Beijing să facă publice toate informațiile deținute și să explice cum s-a răspândit virusul. Generalul Mark Milley, șef al Statului Major al armatei americane, a afirmat, marți, că serviciile de inteligență indică faptul că noul coronavirus cel mai probabil a apărut natural și nu a fost creat într-un laborator din China, dar nu există nicio certitudine în privința niciuneia dintre ipoteze. Președintele Trump și alți oficiali și-au exprimat scepticismul profund privind bilanțul oficial de decese raportat de China de doar circa 3.000 de victime, în timp ce Statele Unite au un bilanț în creștere de peste 20.000. Între 50.000 şi 97.000 de oameni ar fi încetat din viaţă din cauza COVID-19 în China, spun estimările independente citate de cotidianul francez Liberation [20].

Nu există nici o dovadă că virusul ar fi fost „fabricat” într-un laborator şi „scăpat” în spaţiul public. Aceeași poziție este susținută de către medicul american Trevor Bedford conform căruia mutaţiile sesizate la virusul din China reprezintă o evoluţie naturală, nu un indiciu al faptului că acesta ar fi creat în laborator. „Dovezi că virusul a suferit unele mutaţii există, dar sunt legate de o evoluţie naturală a virusurilor”, a declarat Bedford la o conferinţă medicală din Seattle, potrivit Financial Times, citat de Mediafax. *Teoriile conspiraţiei apărute în spaţiul public* susţineau că virusul care a apărut în China ar fi fost „construit” într-un laborator secret din Wuhan, oraşul cel mai afectat de coronavirus [16]. Indiferent de natura virusului, impactul acestuia asupra vieții umane, a sistemului de relații internaționale este unul enorm. Astfel, la data de 28. 04. 2020 bilanțul pandemiei a ajuns la un total de 3,065 milioane de persoane infectate în toată lumea [10]. Dintre acestea, peste 213 mii și-au pierdut viața [6], iar aproape 923 de mii au fost recuperate [10].

Impactul COVID-19 asupra Noii Ordini Mondiale

Multitudinea de cercetări din ultimul timp, mai mult sau mai puţin desfăşurate, mai precise sau mai confuze, a dus la conturarea câtorva poziţii cu privire la impactul pandemiei COVID-19 asupra Noii Ordini Mondiale. Astfel, pentru o mai bună comprehensiune a situației prezente la începutul celei de a doua decade a sec. XXI, condiționate de apariția și expansiunea pandemiei COVID-19 pe întreg mapamondul, apare necesitatea de a apela la tezele înaintate de către Tucidide expuse în lucrarea „*Războiul Peloponesian*” scrisă în sec. IV î.e.n. cu referire la impactul epidemiilor asupra sistemului de relații internaționale [23].

Războiul Peloponesian ar fi declanşat crearea noii lumi, care a divizat sistemul internațional în două mari blocuri: „În fruntea unuia se situa Atena o mare putere navală, iar în fruntea celuilalt Lacedemonia, mare putere militară”. Atena democrată şi Sparta aristocrată căutau să rearanjeze alte societăți în termenii propriilor valori politice şi sistemului socio-economic. Atena era o democraţie; poporul său era energic, îndrăzneț şi întreprinzător; puterea sa navală, resursele financiare şi imperiul erau în expansiune. Sparta, hegemonul tradiţional al grecilor, era o oligarhie, politica sa externă era conservatoare, concentrată doar pe interesele restrânse ale prezervării status-quo-ului intern. Având un interes scăzut în ceea ce priveşte activitatea comercială sau imperiile de peste mări, decade treptat, comparativ cu rivala sa [9]. După părerea lui Tucidide, situaţii asemănătoare ca cele ale Atenei şi Spartei vor apărea în viitor, şi acest proces inevitabil se va repeta mereu.

Deşi aceste variaţii şi extensii ale modelului de bază a lui Tucidide ridică multe probleme interesante, ele sunt prea numeroase şi complexe. În schimb, accentul va fi pus pe contribuţia teoriei lui Tucidide, aplicabilitatea sa asupra istoriei moderne, precum şi continua sa relevanţă pentru dinamica relaţiilor internaţionale. Argumentul lui Tucidide şi credinţa sa că a descoperit fundamentul dinamicii relaţiilor internaţionale şi rolul războiului hegemonic în schimbarea ordinii internaţionale, se poate înţelege doar dacă se are în vedere concepţia sa ştiinţifică şi viziunea sa care a condus la această explicaţie.

Astfel, Tucidide utilizează ca model de analiză şi explicaţie metoda lui Hipocrate, marele fizician grec. Şcoala hipocratică afirmă că boala trebuie înțeleasă ca o consecinţă a acţiunii forţelor naturale şi nu ca o manifestare a influențelor supranaturale. Prin observarea atentă a simptomelor şi a cursului unei boli, se poate înţelege natura ei. Astfel, o boală poate fi explicată prin recunoaşterea caracteristicilor şi trasarea dezvoltării sale de la declanşare, trecând prin inevitabilele perioade de criză până la deznodământul final, vindecarea sau moartea. Esenţial în acest mod de explicare este evoluţia simptomelor şi manifestărilor bolii, mai degrabă decât căutarea ca-

uzelor fundamentale, aşa cum procedează medicina modernă. Tucidide a scris istoria sa având drept scop demonstrarea faptului că marile războaie sunt fenomene repetabile cu manifestări caracteristice. Asemeni unei boli, un război mare sau hegemonic, prezintă aceleaşi simptome vizibile şi urmează un curs inevitabil. Faza iniţială este un sistem internaţional relativ stabil caracterizat de o ordonare ierarhică a statelor din sistem. Cu timpul, puterea statelor subordonate începe să crească disproporţionat, motiv pentru care aceste state intră în conflict cu statele dominante sau hegemonice din sistem. Luptele dintre cele două state şi aliaţii lor, conduc la o bipolaritate a sistemului, la o criză inevitabilă şi în cele din urmă la un război hegemonic. Faza finală va consta în deznodământul războiului în favoarea unei singure părţi şi stabilirea unui nou sistem internaţional care va reflecta o nouă distribuție a puterii în sistem [9].

Cu referire la tezele lui Tucidide, am putea menționa că prezența unei boli cu impact mondial, ca de exemplu prezența virusului COVID-19 la început de secol XXI, are caracteristici similare situației descrise în „Războiul Peloponesian". Indiferent de poziția actorului geopolitic (în cazul dat a statelor) pe arena internațională, nivelul de dezvoltare, resursele naturale, populație..., în cazul prezenței unei boli, a pandemiei COVID-19, toți actorii s-au confruntat cu o problemă - nepregătirea pentru o astfel de situație. În războiul Peloponesian - textul fondator al teoriei realiste ne amintește de ciuma care a lovit Atena în 430 î.Hr. C., care a ucis aproape o treime din populația vechiului oraș-stat, situație care este similară zilelor noastre [23, p.29].

Cu toate acestea, atunci când apar probleme precum COVID-19, cetățenii caută în primul rând să fie protejați de către stat. De fapt, nu se observă cetățeni care solicită Națiunilor Unite, Uniunii Europene sau oricărei altei organizații multinaționale să-i salveze de coronavirus. În mod clar, cetățeanul american cere ajutor Washingtonului. Ființele umane caută funcționari publici, au nevoie de informații autoritare și se așteaptă la un răspuns eficient, ceea ce se pare că numai statele le pot da.

Dar eforturile globale? Nu ar fi oare cooperarea internațională mult mai eficientă într-o criză de o asemenea amploare? Dar pentru a răspunde, ar fi necesar să ne întrebăm: China a acționat în mod cooperativ sau, mai degrabă, a urmat premisa realistă a ajutorului de sine stătător? Într-un articol recent, St. M. Walt observă că statele rămân actorii centrali din lumea contemporană și că coronavirusul oferă un memento viu.

Un al doilea răspuns ne obligă să ne oprim la acțiunile actorilor statului care interacționează în lume. În primul rând, trebuie să ne referim la ceea ce a făcut China: politica sa vis-a-vis de coronavirus a fost clar realistă. Regimul autoritar chinez a acționat prin centralizarea politicii sale interne și externe, ghidate de principiul realist al autoajutării sau egoismului (o altă premisă realistă).

În Europa, situația s-a dezvoltat de la cetățean - italieni, spanioli și, acum, francezi - care au cerut acțiuni concrete din partea sistemului lor de sănătate publică. Eșecul țărilor din sudul Europei și-a îndreptat privirea spre Germania, statul care sprijină Uniunea Europeană. Administrația Trump este realistă și, în timp de criză, cetățenii săi se adresează automat comandantului său șef.

Sindromul respirator acut sever (SARS), gripa aviară (H5N1) și gripa porcină (H1N1) - răspunsul din paradigma realistă va fi inevitabil tendința spre deglobalizare. Căutarea istorică a unui inamic - în acest caz, cei care au proclamat o lume plană și fără margini - se vor traduce, sub fundamentul realist, în granițe tot mai înalte" [7].

Ne aflăm în fazele incipiente a ceea ce înseamnă a deveni o serie de crize în lanț, care sunt prezente în lumea întreagă. Nu vom putea reveni la nimic asemănător cu normalitatea decât dacă marile puteri vor găsi o modalitate de a coopera și de a gestiona împreună

problemele. Prima fază a fost criza de sănătate din cele mai mari economii ale lumii. Cea care urmează este faza paraliziei economice. SUA pe parcursul primelor 2 săptămâni de impunere a carantinei a pierdut 10 milioane de locuri de muncă, depășind cele 8,8 milioane care s-au înregistrat pe parcursul a 106 săptămâni ale recesiunii 2008-2010.

Italia a intrat în această criză cu cel mai înalt nivel de datorie publică al țărilor din zona euro și a treia cea mai mare (datorie publică) din lume. Italia este doar una dintre numeroasele țări europene cu risc de colaps fiscal. Și acest lucru vine într-o perioadă în care cele mai dinamice economii ale Europei, care adesea oferă fonduri și garanții pentru salvare și mecanisme de sprijin, se confruntă la fel cu problema prezenței COVID-19. Germania, care nu a avut o recesiune serioasă din ultimii 75 de ani, anticipează că economia sa se va contracta cu 5% în anul 2020.

Unii specialiști consideră că în contextul pandemiei COVID-19, va veni „explozia" țărilor în curs de dezvoltare. Până acum, numărul de persoane infectate a fost scăzut în țări precum India, Brazilia, Nigeria sau Indonezia. Acest lucru se datorează probabil faptului că sunt țări mai puțin interconectate de comerț și turism decât lumea dezvoltată. Mai mult, aceste țări au testat relativ puține persoane, menținându-și numărul artificial scăzut. Cu toate acestea, dacă se dovedește că căldura nu împiedică virusul, aceste țări vor fi lovite foarte mult.

Astfel, în condițiile create, vor veni țările petroliere. Chiar dacă lupta dintre Arabia Saudită și Rusia este rezolvată, în acest moment cererea de petrol s-a prăbușit, ajungând pentru prima dată în istorie să scadă până la 10 dolari pe baril. Pentru țări precum Libia, Nigeria, Iran, Irak sau Venezuela, unde veniturile din petrol reprezintă marea majoritate a veniturilor bugetare (cel mai adesea din întreaga economie), scăderea prețului la petrol poate avea un impact catastrofal. Vor fi tulburări politice, refugiați, poate chiar revoluții, la un nivel fără precedent în ultimele decenii, similare poate cu colapsul URSS. Criză apare în condițiile prăbușirii cooperării globale, iar liderul și organizatorul tradițional al acestor eforturi, Statele Unite, au abandonat complet acest rol [25].

Analizând impactul noului virus asupra sistemului de relații internaționale, unii cercetători scot în relievanță particularități ale noii realități.

1. China, și nu SUA, este gigantul asiatic căruia în primul rând, i se acordă ajutor. Pornind de la raționamentele conform căruia China este primul focar unde a apărut virusul, prin urmare este și primul stat care a suportat consecințe. Depășind eficient criza, China a demonstrat abilitatea de a de a învinge în această luptă. Procentul de afectați și decedați comparativ cu populația sa de 1, 7 miliarde locuitori este mai mult decât minim, spre deosebire de ceea ce s-a întâmplat în alte zone ale lumii.

2. Neoliberalismul, ca raționalitate, nu mai funcționează. Teza „salvați-vă cine poate" la fel și-a demonstrat ineficiența; în condițiile în care se cer eforturi colective, supremația individului este o mare piedică; cooperarea prevalează asupra concurenței. Piețele nu au capacitatea de a se gestiona singure; nu există o mână invizibilă care să le regleze; nu mai funcționează nici mitul conform căruia agenții privați își obțin beneficiile asumându-și mai multe riscuri.

3. Europa nu mai este o oglindă de imitat. Odată în plus s-a demonstrat că mulți actori geopolitici pierd oportunitatea de a arăta lumii că dispun de capacitatea de a soluționa probleme importante, ca de exemplu pandemia COVID-19. Italia și Spania unde epidemia a ajuns târziu, au fost cele mai afectate de criză. În plus, în faza incipientă, Uniunea Europeană și-a aratat incapacitatea de a coordona acțiuni împotriva stopării pandemiei. Astfel, reieșind din situația creată, conform poziției unor cercetători, spațiul UE s-a arătat că de fapt este o piață economică și monetară unică, dar este departe de a fi un proiect social comun. Reieșind din situația creată, în scopul menținerii controlului asupra pandemiei,

statele europene trebuie să-și axeze politicile asupra calității vieții umane [14].

În ultimele sute de ani, epidemiile au afectat destul de des omenirea. Dacă e să luăm în considerare apariția și letalitatea masivă a bolilor infecțioase pe parcursul secolelor, una dintre „regularitățile" secolului XX împreună cu războaiele sunt pandemiile: de la gripă spaniolă din 1919 la epidemia de Ebola în 1994-1996. Pierderea vieții umane cauzată de viruși depășește 60 de milioane, fără a lua în considerare „decesele fixate" în timp din cauza unor boli virale, cum ar fi SIDA. În raport cu secolul XX, în cele două decenii ale secolului XXI, frecvența epidemiilor a crescut considerabil. Nu există aproape niciun decalaj de la „mini-epidemia" poliomielitică din Asia Centrală și epidemia SARS din primele decade ale sec. XXI [11].

Întârzierile la testare și carantină au fost costisitoare pentru Europa, în special pentru Italia, Spania, Franța și Marea Britanie. Unele state din Asia de Est, au răspuns cu mult mai bine situației. Coreea de Sud, Singapore și Hong Kong au controlat mai eficient răspândirea bolii, datorită unei combinații de măsuri - testare, monitorizare a lanțurilor de infecție și carantină strictă. Pe de altă parte, guvernele au reacționat cu mult mai eficient și mai rapid unde se bucură de încredere din partea societății - iarăși aceiași actori Coreea de Sud, Singapore și Hong Kong și Taiwan.

Reacția Chinei s-a dovedit a fi tipic chineză: ascunderea informațiilor despre răspândirea virusului, un nivel ridicat de control social și mobilizarea masivă a resurselor atunci când amenințarea a devenit evidentă. Turkmenistanul a interzis cuvântul coronavirus, precum și utilizarea măștilor medicale în locuri publice. Viktor Orban din Ungaria a profitat de criză pentru a-și consolida puterea: a dizolvat parlamentul, după ce și-a acordat puteri extraordinare pentru o perioadă nelimitată [17].

Potrivit lui H. Kissinger, în timpul URSS „sarcina de a slăbi confruntarea" a fost un imperativ al timpului, iar acum este „sarcina creării unei noi ordini mondiale", și „ toate statele ar trebui să participe la procesul de creație, cu convingerea că toate vor avea loc în această ordine mondială". Revenind la teoria cu referire la „crearea noii ordini mondiale", H. Kissinger, consideră că „pandemia coronavirusului va schimba pentru totdeauna ordinea mondială". Această teză este și titlul articolului publicat la data de 5 aprilie 2020. Când pandemia COVID-19 se va termina, instituțiile din multe țări vor fi percepute ca fiind eşuate", prevede Kissinger, „realitatea este că lumea nu va fi niciodată aceeași după coronavirus". Astfel, trebuie menționat că epidemia coronavirusului COVID-19 a devenit declanşatorul implementării scenariului despre care fostul secretar de stat american H. Kissinger a vorbit ca fiind inevitabil cu un an în urmă - „slăbirea confruntării" dintre țări pe fundalul unei amenințări comune și „crearea unei lumi noi".

După cum vedem, „toate statele participă la procesul creării sale". Care va fi noua ordine mondială după o astfel de „epidemie" globală provocată sau provocată artificial? Aici este necesar să reamintim tezele strategului american – Zb. Brzezinski. Acesta a fost nevoit să admită eșecul conceptului său original că noua ordine mondială va fi construită „împotriva Rusiei, în detrimentul Rusiei și pe epava Rusiei", teză expusă în „Marea tablă de șah", scrisă în 1997. La sfârșitul anului 2017, Brzezinski afirma: "Un răspuns geopolitic ideal la criza puterii globale va fi tripla conexiune între Statele Unite, China și Federația Rusă". De fapt, strategul american a prezis apariția unui triunghi „echilateral (dar nu egal)) între Beijing, Washington și Moscova pe scena politică mondială. Instituțiile mai multor țări nu se încadrează în scenariul înaintat de către Zb. Brzezinski. O serie de țări vor experimenta o adevărată catastrofă atunci când resursele și capacitățile organizaționale nu vor fi suficiente pentru a salva sistemul de stat, populația, moneda națională și integritatea teritorială. Nu sunt

excluse focarele de conflicte armate locale. În astfel de circumstanțe, guvernele vor căuta ajutorul centrelor de putere ale noii ordini mondiale [26].

Consilierul economic al Casei Albe Kevin Hassett a avertizat că şomajul ar putea atinge niveluri care nu au mai fost de la Marea Depresiune, deoarece economia se contractă dramatic, în timp ce companiile din majoritatea regiunilor Statelor Unite rămân închise din cauza pandemiei coronavirusului, relatează CNBC. Conform declarațiilor înaintate de către Hassett, rata şomajului ar putea atinge 16% şi că ”următoarele două luni vor fi groaznice” pentru indicii economici. ”Vedem o rată a șomajului care se apropie de ratele pe care le-am văzut în Marea Depresiune”, a declarat Hassett la emisiunea “This Week.” de la ABC. ”În timpul Marii Recesiuni, am pierdut 8,7 milioane de locuri de muncă în total. Acum înregistrăm această pierdere la fiecare 10 zile”, iar măsurile de izolare adoptate pentru combaterea extinderii coronavirusului ca fiind ”cel mai mare şoc negativ pe care economia SUA l-a cunoscut vreodată”. Conform datelor Biroului pentru buget al Congresului, care prevăd că PIB-ul va scădea cu 5,6% în acest an, iar şomajul până la finele anului 2020 va fi de aproape 12%. [3].

S-ar părea că principala bătălie în acest moment are loc pe piața petrolului. Cu toate acestea, trebuie să înțelegem că aceasta este doar partea vizibilă a aisbergului. Președintele SUA, Donald Trump, nu ar fi dezvoltat o activitate atât de agitată doar din cauza crizei companiilor miniere americane [26].

Profesorul Yuval Noah Harari, autorul volumelor ,,Sapiens: Scurtă istorie a omenirii”, ,,Homo Deus: Scurtă istorie a viitorului şi 21 de lecții pentru secolul XXI ” consideră că supravegherea oamenilor motivată de pandemie „poate crea un sistem totalitar cum nu a mai existat vreodată” [24] .

De asemenea, teze cu referire la situația post COVID-19 sunt înaintate de unii globaliști. Astfel, conform poziției acestora, după ieșirea din pandemia de COVID-19, ne vom ciocni cu o lume schimbată. Actualmente, există o multitudine de predicții expuse de către analiștii de pretutindeni, citați de gazetele politice Foreign Policy și Politico. Astfel, conform poziției multor experți o primă schimbare care ar putea surveni în situația post COVID-19 se referă la *câștigarea de către Naționalism a teritoriului în favoarea internaționalismului*. În rest, centrul de putere al lumii, așa cum era el perceput înainte, se va schimba – nu va mai fi Vestul, ci Estul. Asta (și) fiindcă, relativ la dimensiunea focarelor, statele estice, mai cu seamă Coreea de Sud şi Singapoore, au răspuns bine tragediei. Într-o altă notă, pandemia de COVID-19 a fost – și este – mai bine gestionată de statele cu o cultură colectivistă, obișnuite cu situația de a fi „împreună”. Culturile individualiste (SUA, Franța, Germania, Italia, Elveția, Austria, Olanda etc) au clacat. Culturile vestice sunt mai obișnuite să se revolte, să contracareze legile, regulile venite „de sus” (izolarea, de exemplu), fac un mai mare caz din îngrădirea drepturilor și libertăților individuale – chiar și atunci când timpurile o cer. Culturile estice, dimpotrivă.

Cea de-a doua schimbare presupune *sfârșitul globalizării*. Drept argument în favoarea acestei teze ar putea să ne servească manifestarea intenției Statelor Unite de a decupla China de la tehnologia avansată și „intelighenția” (de sorginte americană) pe care le-a oferit.

Nu mai puțină atenție va atrage *apariția noului centrism reprezentat de China*. Parafrazându-l în acest context pe S. Handincton, o nouă formă de globalizare, de va veni, va veni dinspre China, în contextul în care Occidentul, în frunte cu SUA, își vor pierde încrederea în comerțul internațional, dar și în maldărul de protocoale de întrajutorare „la vremuri de restriște”, care, în contextul unei urgențe reale, globale, s-au dovedit a fi nimic mai mult decât niște hârtii cu autografe sonore.

Conform poziției lui Ikenberry, profesor la Universitatea Princeton, după orice criză economică, la

ieșirea din pandemia de COVID-19 ne vom trezi în mijlocul unor societăți și mai fragmentate decât astăzi [12]. Vom asista la *formarea unui peisaj ideologic divers, asemănător celui din anii '30-'40 ai secolului trecut.* După un punct de fierbere extrem-naționalist, poate chiar xenofob, de tipul „noi cu noi pentru noi" va avea loc redresarea statelor lumii. De asemenea, situația post COVID-19 va condiționa regândirea funcționării organismelor politice multinaționale precum NATO, ONU sau UE. Pe termen lung, conform poziției lui Ikenberry, țările democratice vor avea de câștigat.

Situația post Covid-19 va avea *repercursiuni asupra sectorului economic*. După coronavirus, corporațiile vor scurta din lanțul de pași și țări în care erau obișnuite să-și gândească și desfășoare afacerile. Vom vedea, se pare, o nouă față a capitalismului caracterizată prin obținerea profiturilor mai mici, dar care vor oferi o stabilitate financiară mai mare.

Conform poziției profesorului Shannon K. O'Neil, expert în relații internaționale, vom fi prezenți la *mai multe intervenții ale statului în sectorul economic*. Prețul forței de muncă din China a crescut oricum, timp în care războiul comercial dintre Beijing și Washington s-a întețit. Plus, în economiile mature, zeci de mii de oameni și-au pierdut locurile de muncă din cauza automatizării și robotizării, iar „banii circulă mai puțin". Situația de COVID-19 a complicat și mai mult lucrurile: fabricile de producție s-au închis, drept pentru care lanțurile medicale, farmaceutice, alimentare ș.a.m.d. sunt în picaj. În perioada imediat următoare, companiile mici și mijlocii vor ceda o parte din acțiuni statului. Se va crea un altfel de dialog între stat și „privați" [12].

Vor fi create economii mai aproape de casă. Cu o piață financiară care se îngustează pe zi ce trece, experții prognozează un ușor viraj către ceea ce în socialism se numește „economie planificată". Se preconizează resuscitarea industriilor autohtone, a producției interne. Altfel, foarte probabil e ca în joc să fie implicați noi investitori, iar cei „vechi" să se retragă. COVID-19 ne-a arătat că patogenii îmbolnăvesc nu doar oameni, dar și economiile", a formulat Laurie Garrett, jurnalistă, câștigătoare a Premiului Pulitzer. De asemenea, conform poziției lui Garrett „Materia primă se lua dintr-o parte și se transporta în altă parte. Așa funcționa lumea, la secundă, foarte bine orchestrat. În situația post coronavirusului, acest scenariu nu va mai fi valabil.

Un alt aspect care va caracteriza situația post COVID-19 va fi *creșterea neîncrederii în „giganții" politici*. Dacă dribling-ul de învinuiri va continua, China și Statele Unite, două mari super-puteri ale lumii (și cele mai afectate de pandemie, exceptând Italia), își vor pierde, încet-încet, credibilitatea [12]. Taxată de presa occidentală drept „incapabilă să ia măsuri în timp real pentru cei 500 de milioane de locuitori ai săi", nici Uniunea Europeană, spun specialiștii, nu va păși „neîntinată" în lumea post-COVID-19. Vor apărea noi raporturi de forțe între state, va avea loc adâncirea conflictelor dinainte existente iar „istoria va fi scrisă ca de fiecare dată de către învingători", consideră J. Allen, fost comandant NATO. Actualmente suntem prezenți la „un nou punct zero" care poate rescrie o nouă direcție de dezvoltare a Ordinii Mondiale. Practic, acele state care primele înving criza umanitară, indiferent de statutul lor ante-pandemie, pot da tonul unui nou joc geopolitic.

Nu mai puțin afectat va fi și *sectorul social.* Ne vom îndrepta către universuri personale, comunități, mai mici, mai intime, dar și mai sărace (la propriu). Foarte probabil, industria evenimentelor va trebui reconsiderată: la finele coronavirusului, opțiunea woodstockiană de a-ți petrece timpul liber „la grămadă" cu mii de inși (concerte, festivaluri, etc.) nu va mai fi în vogă. La modă vor fi, în schimb, parcurile, grădinile, pauzele de respirație în spații bucolice**.** Ferme, saturi, păduri, plaje, zone muntoase – de pe raftul „căzutelor în derizoriu" vor trece, ca înainte vreme, pe cel al favoritelor [12]. Dictatura monotoniei se va

estompa. În fine, potrivit criticului cultural V. Heffernan, din ce în ce mai mulți angajați se vor dezice de lucrul peste program și alte „rețete de succes” din cărțile motivaționale. Omul post-COVID-19 va fi și mai liber, se va îngriji mai mult de sănătate, somn și alimentație [12].

În contextul analizei situației post COVID-19, P. Freedman, profesor de istorie la Yale, adaugă câte ceva și despre *schimbarea obiceiurilor de consum alimentar*: „În Europa și America, restaurantele somptuoase vor pierde teren în fața bistrourilor. Reîncepe epoca gătitului acasă.” Apoi, se așteaptă un război virtual-real „cu cărțile pe față”: între oameni care vor pretinde întoarcerea cvasi-totală la viața fizică, așa cum arăta ea la începutul anilor 2000, când mijloacele digitale nu colonizaseră timpul liber, și grupuri care, dimpotrivă, vor milita pentru continuarea vieții profesionale în online.

În perioada post-coronavirus *va crește gradul de responsabilitate* al indivizilor, dar și a societății, per ansamblu, față de „bunurile comune”. Inteligența artificială, radiațiile, creșterea oceanului planetar, poluarea, dispariția speciilor de plante și animale, virușii de computer și virusurile vor remodela conștiința și responsabilitatea umană față de mediul ambiant. Deja suntem martori ai impactului problemelor globale și consecințele acestora asupra mediului, inclusiv și a vieții umane, probleme pe care va trebui să le înfruntăm împreună. Doar că în situația creată se naște un paradox. Conform tezelor înaintate de către Joseph S. Nye Jr „fiecare țară își va vedea de interesul național, ceea ce va amplifica problemele globale, care vor rămâne ale nimănui [12].

Un impact serios va avea perioada post COVID-19 asupra *sectorului științific*. Coronavirusul va reda omului de știință (doctor, cercetător, inventator, profesor, etc.) podiumul demult pierdut. Adevărul, prin emisarul lui cel mai de vază, știința, va fi din nou la loc de cinste, efectuând lungul exil la marginea unei societății globale intoxicate de știri false, teorii ale conspirației, anacronism și literaturizarea faptelor. Analiștii anticipează declinul relativismului, „părerismului”, subiectivității – „eu așa cred!” – cu pretenții de argument valid.

Concluzii

Asistăm la o realitate condiționată de prezența virusului COVID-19 care are repercusiuni atât de moment, cât și de durată asupra formării Noii Ordini Mondiale, asupra întreg sistemului de relații internaționale în general, cât și a comportamentului statelor în particular. Tocmai din acest motiv și pentru că noul virus cunoaște o evoluție dinamică în timp și spațiu, este necesară o cercetare a impactului acestuia nu doar din perspectiva biogenetică, dar și din perspectiva altor domenii, inclusiv cel al relațiilor internaționale.

Faptul că opiniile cercetătorilor sunt diferite, este de natură să contribuie la crearea unui tablou integru cu referire la comportamentul COVID-19 și repercusiunile coronavirusului asupra sistemului de relații internaționale. Evenimentele la care asistăm în prezent sunt provocări pentru a ține pasul cu mutațiile care au loc pe arena internațională. Așa cum pe parcursul timpului epidemiile, virușii care le provoacă se vor schimba și vor apărea, un lucru rămâne constant: mereu acestea vor influența nu doar relațiile interumane, dar vor condiționa noi realități în sistemul relațiilor internaționale.

Bibliografie

1. China dă vina pe SUA pentru pandemia de coronavirus! Totul din cauza Jocurilor Militare Mondiale. Acuzații grave! https://www.digisport.ro/special/chinezii-dau-vina-pe-americani-pentru-pandemia-de-coronavirus-totul-din-cauza-jocurilor-militare-mondiale-811893

2. COLINTINEANU, L. Tot ce știm din surse științifice despre noul virus din China. https://romania.europalibera.org/a/tot-ce-%C8%99tim-din-surse-

%C8%99tiin%C8%9Bifice-despre-2019-ncov-noul-virus-din-china/30400414.html

3. Consilier al Casei Albe: Şomajul din SUA se va apropia de nivelul atins în timpul Marii Depresiuni. https://deschide.md/ro/stiri/externe/65185/Consilier-al-Casei-Albe-%C5%9Eomajul-din-SUA-se-va-apropia-de-nivelul-atins-%C3%AEn-timpul-Marii-Depresiuni.htm?fbclid=IwAR0zlaRDIkB9U5vLLNT5L27ZHzTUIyx4DN2HzQdFHUCWlyg7tbAYeH3V4Fk#.XqaHVvASODg.facebook

4. Coronavirus | "No es una creación de laboratorio": cómo un grupo de científicos logró demostrar el origen natural del virus que causa covid-19. https://www.bbc.com/mundo/noticias-52140543

5. Coronavirus: 2 razones por las que su origen no está en un laboratorio. https://www.redaccionmedica.com/secciones/sanidad-hoy/coronavirus-razones-origen-no-esta-laboratorio-2356

6. COVID-19. Situational Report 28 April 2020. The Global Fund. https://www.theglobalfund.org/media/9596/covid19_2020-04-28-situation_report_en.pdf?u=637236865750000000

7. Def Online. Una mirada realista en tiempos de pandemia. https://defonline.com.ar/una-mirada-realista-en-tiempos-de-зandemia/?fbclid=IwAR0hz7E_JLM-Psc97B2wpZF74kbSsuUGRWW97gYWi1jcH8JyDn-jQRcvSgW7I

8. El nuevo orden mundial. Principales conflictos a fines del XX y principios del XXI. În: https://prezi.com/.../unidad-15-el-nuevo-orden-

9. GILPIN, R. Teoria războiului hegemonic. file:///C:/Users/User/Downloads/kupdf.net_tucidide-razboiul-hegemonic.pdf

10. (GRAFIC) Bilanțul pandemiei de coronavirus vine cu vești tot mai bune: Cele mai puține cazuri de infectare de la sfârșitul lunii martie. https://cotidianul.md/2020/04/28/grafic-bilantul-pandemiei-de-coronavirus-vine-cu-vesti-tot-mai-bune-cele-mai-putine-cazuri-de-infectare-de-la-sfarsitul-lunii-martie/?fbclid=IwAR3dE04HnJQ43P2XM-FS0Bn-5-hiYKQd8Eb6Uk1x5pkehD1tbf17Y7jozCis

11. HUTSCHENREUTER, A. ¿Van a cambiar las relaciones internacionales después de la pandemia?https://www.facebook.com/notes/la-pol%C3%ADtica-exterior-rusa-despu%C3%A9s-de-la-guerra-fr%C3%ADa/van-a-cambiar-las-relaciones-internacionales-despu%C3%A9s-de-la-pandemia/2848317171961018/

12. IVASCU, M. Cum va arăta lumea după COVID-19? 12 previziuni ale analiştilor globali.https://a1.ro/premium/cum-va-arata-lumea-dupa-covid19-previziunile-analistilor-globali-id974810.html?utm_source=observator.tv&utm_campaign=Cross+Promo&utm_medium=Recomandare+pe+A1&_ga=2.185316128.821112433.1585478914-580419201.1577985795&fbclid=IwAR3OqCCnBXwkmQGcaYZI3M8-wP041zRRE-O21UpT8Zs1RKLMRU5cAHCYowbI

13. În sfârșit a devenit clar: Cum a ajuns să se răspândescă virusul ucigaş din China. https://sputnik.md/world/20200223/29289896/Cum-ajuns-raspandeasca-virusul-ucigas-China.html

14. MANCILLA, A.S. Siete lecciones geopolíticas en tiempo de coronavirus. https://www.celag.org/siete-lecciones-geopoliticas-en-tiempo-de-coronavirus/?fbclid=IwAR3ECfe8m5m9dS7TpKmv2pZMwhgLpkj176cEVc_Lk9mQaC0TcOhTCmJTrmw

15. MIROIU, A., UNGUREANU, R. Manual de Relații Internaționale. Iaşi: POLIROM, 2006, 350 p.

16. Oamenii de știință au demontat teoria conspirației conform căreia virusul din China ar fi fost „fabricat". https://www.digi24.ro/stiri/externe/mapamond/oamenii-de-stiinta-au-demontat-teoria-conspiratiei-conform-careia-virusul-din-china-ar-fi-fost-fabricat-1260769

17. OMS: Noul coronavirus nu a fost manipulat sau produs într-un laborator. https://romania.europalibera.org/a/oms-noul-coronavirus-nu-a-fost-manipulat-sau-produs-intr-un-laborator/30568041.html

18. Premio Nobel de Medicina asegura que el coronavirus fue creado en un laboratorio. https://www.semana.com/mundo/articulo/premio-nobel-de-medicina-asegura-que-el-coronavirus-fue-creado-en-un-laboratorio/665407

19. Profesorul japonez dr. Tasuku Honjo: Coronavirusul nu este natural. https://www.amosnews.ro/profesorul-japonez-dr-tasuku-honjo-coronavirusul-nu-este-natural-2020-04-26?fbclid=IwAR255KFGqAXUzSydS6Nhvfb9l1fuByWUwLidi_RvKLryAwsDSJjesRrnGb0

20. Statele Unite investighează posibilitatea ca noul coronavirus să fi pornit dintr-un laborator din China. https://romania.europalibera.org/a/statele-unite-exploreaza-posibilitatea-ca-noul-coronavirus-sa-fi-pornit-dintr-un-laborator-din-china/30558448.html

21. Tot ce știm până acum despre coronavirusul din China. https://www.vice.com/ro/article/3a8ny5/coronavirusul-din-china

22. Tres razones que demuestran que el COVID-19 no es un virus creado en un laboratorio de Chinahttps://www.antena3.com/noticias/sociedad/por-que-el-covid-19-no-es-un-virus-creado-en-un-laboratorio-de-china_202004215e9eb21e3ba5b40001d4ba16.html

23. Thucydides. Războiul Peloponesiac. Editura ştiinţifică. Bucureşti, 1966, 780 p.

24. Yuval Noah Harari: Supravegherea oamenilor motivată de pandemie „poate crea un sistem totalitar cum nu a mai existat vreodată”. https://www.digi24.ro/stiri/externe/mapamond/yuval-noah-harari-supravegherea-oamenilor-motivata-de-pandemie-poate-crea-un-sistem-totalitar-cum-nu-a-mai-existat-vreodata-1296659?fbclid=IwAR0wh6E-B32IoKWsSFcchly8oxQ6Qs4IVuAPIv3OeaW231z18O-YeAxHfiaOs

25. ZAKARIA, F. El coronavirus es solo la primera crisis. Estas son las cuatro que la seguran. https://blogs.elconfidencial.com/mundo/el-gps-global/2020-04-06/coronavirus-eeuu-zakaria-crisis_2533840/?fbclid=IwAR1S_drEkeqy5AbtPD0WuY4_EEjYk1yr3YwkcGGmcSHX-cl8AQxjs4IDYXTk

26. Посткоронавирусный мировой порядок и «новый триумвират» Си — Трамп — Путин. https://eadaily.com/ru/news/2020/04/06/postkoronavirusnyy-mirovoy-poryadok-i-novyy-triumvirat-si-tramp-putin?fbclid=IwAR0cFNpk68d1iXL7JxQjYUILFPFZL6t2aFez2OW0nSTHWiC5n6z72jTHHik

27. РОДРИК, Д, Covid-19 существенно не изменит мир, а усилит и закрепит уже существующие тренды. https://www.ipg-journal.io/regiony/mir/statja/show/novyi-mir-posle-pandemii-1036/

28. ХИЛ, К. Конец нового мирового порядка. În: htpp://www. Globalaffairs.ru/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911

CZU 327:578.834
DOI 10.5281/zenodo.3980484

UNELE CONSIDERAȚII PRIVIND REPERCUSIUNILE PANDEMIEI COVID-19 ASUPRA ZONELOR CONFLICTOGENE

Svetlana CEBOTARI
Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Departamentul Relații Internaționale, Republica Moldova
e-mail: *svetlana.cebotari@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0001-9073-104X

Carolina BUDURINA-GOREACII
Doctor în științe politice, lector universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Departamentul Relații Internaționale, Republica Moldova
e-mail: *carolina.budurina@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0003-2406-4212

Una din problemele prezente nu doar pe arena internațională, dar și pe masa de lucru, în laboratoarele virusologilor, în discursul științific al polemologilor, politologilor, economiștilor și a specialiștilor din alte domenii este problema cu referire la impactul coronavirusului COVID-19 asupra zonelor conflictogene. Deși în primele trei luni ale anului 2020 toată atenția comunității internaționale era axată asupra emergenței pandemiei COVID-19 și a impactului acesteia asupra individului, societății, relațiilor interumane, merită să fie acordată atenție și zonelor conflictogene prezente pe mapamond. Pe fundalul emergenței virusului, atenția comunității internaționale pentru zonele conflictogene pare să fie reorientată spre problema ce vizează COVID-19.

Prezentul articol are drept scop analiza impactului virusului COVID-19 asupra zonelor conflictogene de pe arena internațională cum ar fi cele din Europa, Africa, Orientul Apropiat, America Latină. De asemenea, se face o analiză de comportament a actorilor implicați în conflict în condițiile pandemiei COVID-19.

Cuvinte-cheie*: comunitatea internațională, relații internaționale, COVID-19, zone conflictogene.*

SOME CONSIDERATIONS ON THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON CONFLICT ZONES

One of the problems that are present not only on the international arena, but also on the work table, in the laboratories of virologists, in the scientific discourse of polemologists, political scientists, economists and specialists in other fields refers to the problem regarding the impact of COVID-19 virus on conflict zones. Although in the first three months of 2020 all the attention of the international community is focused on the emergence of COVID-19 virus and its impact on citizens, society, interpersonal relationships, it is also worth paying attention to the conflict zones present in the world. Against the background of the virus emergence, the international community's attention to conflict zones seems to be redirected to the issue of COVID-19.

The purpose of this article is to analyze the impact of COVID-19 virus on conflict zones that are present on the international arena such as those on the Europe, Africa, the Middle East, the Latin America. Also is made a behavioral analysis of the actors involved in the conflict under the conditions of COVID-19 virus.
Keywords: *international community, international relations, COVID-19, conflict zones.*

QUELQUES CONSIDÉRATIONS CONCERNANT LES RÉPERCUSSIONS DE LA PANDÉMIE DE COVID-19 SUR LES ZONES DE CONFLIT

L'un des problèmes présents non seulement sur la scène internationale, mais aussi sur la table de travail, dans les laboratoires des virologues, dans le discours scientifique des polémologues, des politologues, des économistes et des spécialistes d'autres domaines est le problème en référence à l'impact du virus COVID-19 sur les zones de conflit. Bien que dans les trois premiers mois de 2020 toute l'attention de la communauté internationale se concentre sur l'émergence du virus COVID-19 et son impact sur l'individu, la société, les relations humaines et interpersonnelles, il convient de prêter attention aussi aux zones de conflit présentes dans le monde. Dans le contexte de l'émergence du virus, l'attention de la communauté internationale sur les zones de conflit semble se recentrer sur la question du COVID-19.

Cet article vise à analyser l'impact du virus COVID-19 sur les zones de conflit présentes sur la scène internationale telles que l'Europe, l'Afrique, le Proche-Orient, le continent latino-américain. En outre, une analyse du comportement des acteurs impliqués dans les conflit dans les conditions du virus COVID-19 est faite.
Mots-clés*: communauté internationale, relations internationales, COVID-19, zones de conflit.*

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА КОНФЛИКТНЫЕ ЗОНЫ

Одна из проблем, присутствующих не только на международной арене, но и в кабинетах ученых, в лабораториях вирусологов, в научном дискурсе полемологов, политологов, экономистов и специалистов в других областях, связана с воздействием вируса COVID-19 на конфликтные зоны. Хотя в первые три месяца 2020 года все внимание международного сообщества было сосредоточено на появлении вируса COVID-19 и его влиянии на человека, общество, межличностные отношения, также следует обратить внимание на конфликтные зоны, существующие в мире. В связи с появлением вируса внимание международного сообщества, по всей видимости, было переориентировано с конфликтных зон на проблему борьбы с COVID-19.

Целью данной статьи является анализ воздействия вируса COVID-19 на конфликтные зоны, присутствующие на международной арене, на европейском, африканском, латиноамериканском континентах и на Ближнем Востоке. Также проведен поведенческий анализ субъектов, вовлеченных в конфликты в условиях пандемии COVID-19.
Ключевые слова*: международное сообщество, международные отношения, COVID-19, конфликтные зоны.*

Introducere

Una din problemele prezente pe masa de lucru și în laboratoarele virusologilor și geneticienilor, dar și în discursul științific al polemologilor, politologilor, economiștilor și a specialiștilor din alte domenii este problema cu referire la impactul virusului COVID-19 asupra zonelor conflictogene. Deși în primele trei luni ale anului 2020 toată atenția comunității internaționale a fost axată asupra emergenței noului virus COVID-19 și a impactului acestuia asupra individului, societății, relațiilor interumane, merită să fie acordată o atenție sporită zonelor conflictogene prezente pe mapamond. Pe fundalul emergenței virusului, atenția comunității internaționale pentru zonele conflictogene pare să fie abandonată. Toată atenția este reorientată spre problema ce vizează COVID-19. Deși emergența virusului

COVID-19 este principala problemă globală, prezența zonelor conflictogene de pe arena internațională merită o abordare specială. În perioada epidemiilor, în special în cazul coronavirusului, apar cele mai mari dezastre cu impact local, regional, dar și global.

În condițiile emergenței virusului, o deosebită atenție trebuie să fie acordată zonelor conflictogene. Anume populația din țările afectate de conflicte - indiferent de război sau de consecințele acestuia, este mai vulnerabilă la răspândirea virusului. În multe cazuri, războiul sau tulburările de lungă durată, agravate de gestionarea greșită a crizei, de prezența corupției, a sancțiunile internaționale, au slăbit sistemele naționale de sănătate, demonstrând lumii întregi incapacitatea de a face față în lupta cu noul virus COVID-19. Astfel, pentru o mai bună comprehensiune a repercusiunilor condiționate de prezența și impactul acestui virus asupra zonelor conflictogene, apare necesitatea de a scoate în relievanță specificul situației din aceste zone [9]. Pornind de la raționamentele și de la situația anterioară virusului COVID-19, epidemia de Ebola din 2014 în Guineea, Liberia și Sierra Leone, a avut un impact devastator asupra statelor respective. Conform indicilor Grupului Crisis s-a constatat că „la început, virusul s-a răspândit incontrolabil, nu numai datorită monitorizării epidemiologice limitate și a lipsei de experiență și capacitate de reacție a sistemului de sănătate, dar și din motivul că cetățenii au rămas sceptici în ceea ce privește declarațiile guvernului și directivele acestuia".

În cazul conflictelor, medicilor, actorilor umanitari naționali și internaționali le este complicat să obțină ajutor din partea populației din zonele conflictogene. În 2019, Organizația Mondială a Sănătății (OMS) și ONG-urile internaționale s-au luptat cu virusul Ebola în estul Republicii Democratice Congo (RDC). În unele cazuri, combatanții au vizat medicii și instituțiile medicale. Chiar dacă autoritățile congoleze și OMS au reușit aparent să pună capăt epidemiei, aceasta a durat și a provocat multe victime (în total, 2.264 de decese confirmate) [2].

În multe cazuri, impactul COVID-19 asupra refugiaților și a persoanelor strămutate va afecta în continuare femeile, care sunt de cele mai multe ori majoritatea în rândul populațiilor strămutate din regiunile implicate în conflict. Stigmatizate din cauza legăturii (reale sau iluzorii) pe care le-au avut cu grupurile armate, aceste femei întâmpină imense dificultăți în accesarea serviciilor și aprovizionarea familiilor cu produse alimentare. Femeile și copiii deplasați, expuși exploatării sexuale sau violenței și a căror reintegrare în comunități nu este prioritatea guvernelor slabe sau indiferente, vor fi printre primele afectate de crizele economice care vor însoți răspândirea virusului.

Vulnerabilitatea la COVID-19 a refugiaților și a persoanelor strămutate se explică parțial prin faptul că virusul ar putea slăbi serios capacitatea instituțiilor internaționale de a acționa în zonele de conflict. OMS și reprezentanții altor agenții internaționale sunt îngrijorați de faptul că restricțiile legate de virus vor perturba lanțurile umanitare de aprovizionare. Dar organizațiile umanitare nu sunt singurii actori ai sistemului multilateral, de asemenea, pot fi afectate. Efectele potențiale ale COVID-19 asupra punctelor de stres specifice sunt amplificate de faptul că sistemul global a fost deja redirecționat. Astfel, perioada actuală, prin particularitățile sale, se distinge de alte crize internaționale, inclusiv, relativ recente. Atunci când criza financiară a provocat o încetinire a dezvoltării economice la nivel global în 2008, Statele Unite au avut încă un efect suficient pentru a modela răspunsul internațional prin intermediul G20, chiar dacă Washingtonul a avut grijă să implice Beijingul în acest proces. În 2014, Statele Unite și-au asumat răspunderea, deși într-un mod tardiv, față de criza provocată de epidemia Ebola din Africa de Vest, cu ajutorul unor țări precum Regatul Unit al Marii Britanii, Franța, China sau Cuba. Astăzi, Statele Unite a căror influență internațională a slăbit deja considerabil au gestionat simultan răspunsul național la COVID-19,

nu au reușit să unească alte națiuni, condiționând resentimente internaționale.

Astfel, pentru o mai bună comprehensiune a problemei, apare necesitatea de a elabora o analiză privind situația din zonele conflictogene. Conform poziției înaintate de către Catherine Chatignoux, virusul COVID-19 poate elimina, dar poate și intensifica dinamica și energia războaielor. [3]

Zonele conflictogene în contextul pandemiei COVID-19

O primă zonă, caracterizată ca fiind una dintre cele mai conflictogene, este Orientul Mijlociu. Această regiune se confruntă la moment cu o convulsie care va avea implicații transfrontaliere și va destabiliza țările care au reușit să țină conflictele în afara granițelor sale. În țările în care capacitatea statului a devenit fie grav diminuată, fie inexistentă, consecințele COVID-19 ar putea fi transformatoare, extinzând rapoartele jandarmilor, teroriștilor și ale altor actori non-statali înarmați care au încercat să substituie organele guvernamentale, oferind servicii comunității, în unele cazuri combinând acest lucru cu subjugarea brutală a populației. Sute de mii de cetățeni au fost omorâți și milioane au fost strămutați. Actualmente, apare întrebarea: virusul COVID-19 care a afectat întreg mapamondul, va diminua sau va intensifica dinamica și evoluțiile conflictelor din lume? [1]

Zone conflictogene în care s-a ajuns la un compromis din partea actorilor implicați

Izbucnirea COVID-19 în Siria a condiționat încetarea focului între cei doi principali actori - Federația Rusă și SUA. Cele trei milioane de oameni care trăiesc în zona încetării focului, în regiunea de nord-vest a țării - Idlib, nu prea aveau speranțe că acordul între marii actorii geopolitici va fi respectat. Totuși, atât SUA, cât și Federația Rusă, din teama răspândirii coronavirusului pe întreg teritoriul țării devastate, în perioada pandemiei par să fi ajuns la un compromis de încetare a luptelor. Potrivit Observatorului Sirian pentru Drepturile Omului, luna martie a anului 2020 a înregistrat cel mai mic număr de decese civile de la începutul conflictului în 2011 (103 decese). De asemenea, multiplele administrații din Siria - guvernul de la Damasc, administrația autonomă kurdă din nord-estul țării și alianța condusă de jihadiști în Idlib - în scopul gestionării coronavirusului au ajuns la un numitor comun. ,,Această epidemie este o modalitate pentru Damasc de a arăta că statul sirian este eficient și că toate teritoriile ar trebui să fie returnate sub guvernanța sa", a declarat analistul F. Balanche. Cu toate acestea, pandemia și mobilizarea globală necesară, ar putea condiționa plecarea trupelor conduse de SUA din Siria și Irak. La rândul său, acest lucru ar putea crea un vid în care grupul jihadist al Statului Islamic, care încă un an în urmă s-a retras din "califat", ar putea căuta să își intensifice atacurile. Pentru diverși actori din teren – regimul Assad, forțele kurde din nord-estul țării și fracțiunile anti-Damasc din Idlib – gestionarea adecvată a epidemiei le-ar consolida credibilitatea. Dar asta ar contribui la un vid de securitate, care ar încuraja o reînviere a ISI (gruparea Statului Islamic), al cărui „califat" din Siria s-a prăbușit în martie 2019. În nouă ani, conflictul sirian a ucis mai mult de 380.000 de oameni.

O altă consecință gravă a conflictelor este strămutarea a milioane de persoane, vulnerabile la efectele virusului. [5] Datele furnizate de Înaltul Comisar al Națiunilor Unite pentru Refugiați în anul 2019 indică faptul că peste 70 de milioane de oameni din întreaga lume se încadrează în categoria persoanelor strămutate intern, iar această cifră a crescut cu siguranță de atunci, în special, în rezultatul evenimentelor din Siria. Istoria a arătat că efectul de contaminare este adesea agravat în rândul persoanelor aflate nu doar în libertate, dar și în taberele speciale pentru refugiați. Acest risc există pentru pandemia COVID-19, deși în unele regiuni serviciile medicale din aceste tabere sunt uneori mai bune decât cele din regiunea înconjurătoa-

re. Oficialii ONU sunt îngrijorați în special de tabăra Al-Hol din nord-estul Siriei, care găzduiește peste 10.000 de persoane, inclusiv femei și copii impuși să-și părăsească ultima fortăreață (Al-Hol) a Statului Islamic în momentul căderii sale, printre aceștea fiind cetățeni sirieni, irakieni, inclusiv, aproximativ 10.000 de cetățeni din alte state din regiune. [3]. În realitate, numărul celor care sunt nevoiți să trăiască în condiții precare de viață și mizerie, este mult mai mare. Războiul din Siria a condiționat deplasarea a peste 12 milioane de oameni (jumătate din populația sa) atât în interiorul țării, cât și peste hotarele acesteia.

În total 6,5 milioane de persoane au fost strămutate în Irak și Yemen. În Libia, - peste 435.000 de persoane. Statisticile uimitoare continuă: Aproximativ 11 milioane de oameni au nevoie de ajutor umanitar în Siria; în Yemen, - 24 de milioane; în Libia, - 2,4 milioane; iar în Irak - 4,1 milioane [3]. Mulți dintre refugiați dorm pe câmpuri sau sub copaci, iar lipsa apei potabile și a săpunului, adăposturi supraaglomerate, face imposibilă aplicarea igienei de bază și a respectării distanței sociale. Livrarea testelor pentru virusul COVID-19 a fost întârziată cu câteva săptămâni. În condițiile create în Idlib, apariția unui focar de virus va depăși complet capacitatea medicală a provinciei.

Actualmente, teritoriul Siriei este divizat în trei zone: teritorii controlate de regim, teritoriul kurd din nord-estul țării și Idlib. COVID-19 sporește perspectiva unui alt val de refugiați, care limitează capacitatea țărilor vecine precum Turcia și Libanul de a face față necesităților umanitare ale acestor refugiați. De asemenea, acest factor exercită o presiune sporită asupra grupurilor din vest, precum Forțele de Apărare Siriene, dominate de kurzi (SDF), în intențiile sale de a menține operațiuni de luptă împotriva ISIS și să gestioneze celulele închisorii pentru combatanții ISIS reținuți, SDF (Forțtele Democratice din Siria), tabere de refugiați precum Al-Hor, unde au fost repartizați peste 70.000 de refugiați, inclusiv combatanții ISIS și familiile acestora. Situația umanitară din Siria se va agrava dacă aceste enclave nu vor adopta un răspuns colectiv la pandemie. Actorii din teren trebuie să se abțină de la direcționarea liniilor de aprovizionare și să deschidă spațiul pentru asistență externă. Forțele proturce au întrerupt aprovizionarea cu apă în zonele deținute de kurzi din nord-est, ceea ce compromite capacitatea agențiilor umanitare de a proteja comunitățile vulnerabile în timpul pandemiei. Între timp, regimul Assad a refuzat să extindă sprijinul pe care îl primește de la OMS în zonele care nu sunt controlate de autoritățile oficiale. Aceasta implicit devine o modalitate a OMS de a refuză să funcționeze dincolo de Damasc. Activitatea organizațiilor internaționale este restricționată din cauza normelor existente care nu permit o astfel de activitate în jurul contururilor suveranității, chiar dacă, în mod cert, regimul Assad nu ar trebui să se mai bucure de beneficiile conferite de suveranitatea statului, având în vedere comportamentul acesuia în raport cu organismele internaționale. [1].

De asemenea, barierele de securitate în zonele afectate în prezent de conflict pot împiedica măsurile de combatere a COVID-19. Astfel, Siria și Yemen au suferit deja crize de sănătate în timpul războaielor civile. Cazul epidemiei de poliomielită din Siria în 2013-2014 și a epidemiei de holeră din Yemen (2016) au încetinit violența în zonă. Războiul care se desfășoară din 2015 a adus în Yemen un sistem de sănătate deja foarte slăbit. Peste 24 de milioane de oameni necesită ajutor umanitar. Epidemia COVID-19 ar putea anula rapid eforturile de ajutor și poate condiționa unul dintre cele mai grave dezastre umanitare din lume. În Yemen și nu numai, persoanele strămutate intern, solicitanții de azil și refugiații din cauza condițiilor precare de viață și a accesului limitat la asistență medicală, sunt expuși în special la virusul COVID-19.

Coaliția militară condusă de Saudi, care își desfășoară activitatea în Yemen în sprijinul forțelor guvernamentale, a anunțat încetarea focului, afirmând

că decizia unilaterală este de a preveni răspândirea coronavirusului. Rebelii Houthi, susținuți de Iran, nu au răspuns încă. "Pregătim terenul pentru combaterea bolii COVID-19", sunt declarațiile oficialilor saudiți. În ciuda unui apel de încetare a focului, promovat de Organizația Națiunilor Unite în martie 2020, violența a crescut în această țară, cuprinsă de un conflict armat deja de cinci ani. În această perioadă, în Yemen, negocierile au încetat, țara a trecut prin cea mai gravă criză umanitară din lume, potrivit ONU. De asemenea, Yemenul are un sistem de sănătate slab, în timp ce 24 de milioane de persoane, mai mult de două treimi din populație, conform ONU [5], necesită asistență umanitară.

Guvernul yemenit și rebelii șiiților houthi au răspuns inițial la apelul ONU pentru încetarea focului, la fel ca și Arabia Saudită vecină, care conduce o coaliție militară în sprijinul guvernului. Acea rară strălucire de speranță în conflictul de cinci ani a fost de scurtă durată. Apărarea aeriană saudită a interceptat rachete balistice asupra Riyadhului și a unui oraș de la frontieră cedat rebelilor susținuți de Iran. Coaliția condusă de saudiți a ripostat, lovind țintele Huthi, din capitala Sanaa, deținută de rebeli. Discuțiile în repetate rânduri au suferit eșec. Totuși, în condițiile create, reprezentantul ONU M. Griffiths, organizează consultări zilnice în încercarea de încetare a focului la nivel național. Pe măsură ce lumea luptă împotriva pandemiei, conform poziției Griffiths, părțile trebuie să se concentreze asupra confruntării reciproce pentru a se asigura că populația nu se confruntă cu riscuri și mai mari. Mai multe izbucniri violente în Yemen ar putea genera o criză umanitară și ar putea provoca un focar de coronavirus cu proporții catastrofale. Într-o țară, în care infrastructura de sănătate s-a prăbușit, unde apa este o marfă rară și în care 24 de milioane de persoane necesită asistență umanitară, populația are frica de a fi nimicită, dacă în țară nu va înceta focul și cetățenii nu vor primi ajutorul respectiv. „Oamenii vor ajunge să moară pe străzi, cadavrele vor putrezi în aer liber", a declarat Mohammed Omar, un șofer de taxi în orașul-port Hodeida din Marea Roșie. [4]

Spre deosebire de China, Europa și SUA, aceste țări nu sunt afectate de COVID-19. Respectiv, o răspândire a virusului în astfel de state foarte sărace, ar putea provoca consecințe devastatoare. Pandemia poate duce la agravarea conflictelor, a situației umanitare, a fluxului de migranți. Maladia ar putea, de asemenea, să reducă, în opinia experților, energia beligeranților care vor continua să lupte. Potrivit lui Robert Malley, președintele Grupului Internațional de Criză cu sediul la Washington, pandemia va diminua cu siguranță capacitatea și voința statelor și a sistemului internațional de a lupta eficient contra noului virus. Aceste conflicte, brutale și violente așa cum sunt, vor deveni imperceptibile și inaudibile pentru multe state. Totuși, reprezentanții ONU, care se străduie să facă față, asigură monitorizarea evoluției conflictelor și a situației țărilor aflate în criză. [4]

În unele subregiuni din Orientul Mijlociu există conflicte care înregistrează rate mari de violență, instabilitate socială și fragilitate în structurile politice, circumstanțe care contribuie la crearea unor scenarii pesimiste sub controlul intervenției actorilor externi. Așa numitul Stat Islamic se poate reorganiza și profita de situație pentru a relua poziții strategice în Irak și Siria, o oportunitate care este combinată cu retragerea forțelor internaționale, ca urmare a rezoluției parlamentului irakian din ianuarie 2020 sau a tulburării cauzate în Idlib și Homs, în cazul Siriei. Focarul COVID-19 în regiune este o posibilitate de violență în viitor. Terorismul se produce în haosul lumii. Când istoria în sine moștenește războiul, regiunile devin zone de riscuri și amenințări, devin un teren fertil pentru apariția de noi violențe sau pentru consolidarea criminalității existente...

În unele cazuri în care există tensiuni sau conflicte internaționale, efectele secundare devin adesea tem-

porare deoarece actorii trebuie sa revina pentru a participa la complicații interne. Cu toate acestea, atunci când situația se reia, condițiile de conflict inițiale se schimbă, de asemenea, iar stoparea poate avea dimensiuni diferite de temporalitate sau gravitate.

Acesta poate fi cazul conflictului dintre Statele Unite și Iran, care a cunoscut un punct critic în ianuarie 2020, odată cu desfășurarea mai multor operațiuni militare convenționale și neconvenționale. Confruntările directe au făcut o ușoară recesiune, activitățile militare s-au limitat la ofensarea milițiilor aliate de pe alte fronturi din Orientul Mijlociu, extinzându-și activitatea prin declanșarea unor acțiuni cibernetice, iar punctul de cea mai mare presiune a fost redirecționat spre sferele diplomatice și economice. Iranul se confruntă cu patru flancuri care adaugă gravitații impactului COVID-19: sancțiuni și restricții economice; derivatul volatilității prețurilor combustibililor fosili; creșterea nemulțumirii sociale; și amenințarea militară latentă - deși aparent pasivă - cu rivalii săi regionali. Pe de o parte, Statele Unite au devenit în ultimele zile cea mai afectată țară de pe planetă din punct de vedere al numărului de cetățeni infectați cu noul coronavirus COVID-19 și deceselor. Din aceste motive, ambele țări au făcut un pas obligatoriu înapoi pentru a rezolva problemele lor interne, creând o relaxare temporară, care va prezenta condiții diferite după reluarea sa. Pe de altă parte, eliminarea, la fel, pentru o perioadă de timp nu prea îndelungată a conflictului nu înseamnă încetarea acțiunilor militare [7]. Țările occidentale au fost cel mai puternic lovite de pandemie, ceea ce le-ar putea determina să devieze atât resursele militare, cât și capacitatea de intermediere a tratativelor pentru instalarea păcii. Irakul nu mai este prins de un conflict pe deplin, dar rămâne vulnerabil la o reînviere a Daesh (Gruparea Statul Islamic) în unele regiuni. Cu majoritatea trupelor non-americane, formate din coaliția Franței și Marii Britanii, acum dispărute și unele baze militare evacuate, personalul american este regrupat într-o mână de locații din Irak. Washingtonul a lansat rachete de apărare aeriană ”Patriot”, provocând temeri de o nouă escaladare în raport cu Teheranul, al cărei reprezentanțe dau vina pentru atacuri de rachetă asupra bazelor militare care adăpostesc trupele americane.

Similar situației din Yemen, principalii protagoniști ai conflictului libian au salutat inițial apelul ONU privind încetarea focului, dar au reluat rapid ostilitățile. Luptele aprige au zguduit sudul capitalei Tripoli, ceea ce sugerează că riscul unui focar major de coronavirus nu este suficient pentru a face ca armele să tacă. Turcia a jucat un rol cheie în conflict. Astfel, conform poziției lui F. Balanche, specialist în relatii internationale, deconectarea accelerată a Occidentului de la conflictele din Orientul Mijlociu ar putea limita sprijinul turc la GNA (Guvernul Concilierii Naționale). Acest lucru ar putea în cele din urmă să favorizeze forțele loiale conducătorului libanez de origine estică, Khalifa Haftar, care a lansat un atac asupra Tripoli în 2019 și are sprijinul Rusiei, Egiptului și Emiratelor Arabe Unite. Un raport al Grupului Internațional pentru Crize a subliniat că oficialii europeni au raportat despre eforturile de a asigura încetarea focului în Libia, care nu mai sunt atât de eficiente din cauza pandemiei. [12]

Protagoniștii conflictului libian au salutat apelul Națiunilor Unite din luna martie 2020 pentru încetarea focului. Lupta, însă, s-a intensificat, afectând mai multe zone rezidențiale din capitala Libiei. Violența a deplasat 200.000 de persoane de la începutul anului, marea majoritate în capitala Tripoli, potrivit Organizației Internaționale pentru Migrație (OIM). În rezultatul continuării luptelor a fost deteriorat un spital din Tripoli, unde sunt tratați pacienți infectați cu COVID-19. “Rămâne un decalaj imens între declarații și acte”, a declarat Guterres, reprezentantul ONU cu referire la situația din Libia. În acest conflict, Turcia sprijină guvernul de la Tripoli, recunoscut de ONU, care se confruntă timp de un an cu o ofensivă a mareșalului Khalifa Haftar. Conform opiniei lui F. Balanche, refuzul Occidentului de a se

implica în soluționarea conflictului din regiune ar putea favoriza forțele pro-Haftar susținute de Rusia, Egipt și Emiratele Arabe Unite. Țările occidentale au fost lovite puternic de pandemie, ceea ce le-ar putea împinge să-și devieze resursele militare de la conflictele externe, dar și să slăbească procesul de negociere. Potrivit unui raport al International Crisis Group (ICG), eforturile de a asigura încetarea focului în Libia „nu se mai bucură de atenție" din partea statelor occidentale. [5]

În Libia, după cum au subliniat F. Wehrey, specialist in domeniul relatiilor internaționale, pandemia COVID-19 a oferit un impuls milițienilor, oferindu-le o oportunitate de a canaliza asistența medicală către luptătorii lor și de a instrumenta criza pentru a recompensa și consolida rețelele de patronaj și comunitățile favorizate. În mod tulburător, spitalele din Libia sunt amenințate de atacurile de rachetă, care agravează situația. [1]

Irakul nu mai este prins de un conflict pe deplin, dar rămâne vulnerabil la o reapariție a IS (Statul Islamic) în unele regiuni. Iranul și Statele Unite sunt două dintre țările cele mai afectate de coronavirus, dar nu a existat niciun semn de renunțare la lupta lor pentru influență, care s-a jucat în mare parte pe pământul irakian.

În Irak, ISIS (Statul Islamic – n.a.) și-a încetat atacurile în satele din nordul țării și se deplasează pentru a exploata lista din ce în ce mai mare de crize din Bagdad - de la escaladarea dintre SUA și Iran, scăderea prețurilor petrolului și proteste la nivel național. În timpul unei crize de sănătate publică, ISIS poate reînvia și își poate extinde influența pentru a răspunde nevoilor comunităților locale, în modul în care alte autorități - cum ar fi guvernul de la Bagdad - nu au făcut-o. Cel puțin, eșecurile din Bagdad permit ISIS să se poziționeze ca o alternativă viabilă a politicii oficiale a Bagdadului. [1] Chiar dacă războiul în Irak s-a încheiat deja, țara rămâne amenințată de o reînviere a IS în unele regiuni, în timp ce tensiunile dintre Statele Unite și Iran nu dau semne de un eventual compromis. Washingtonul tocmai a instalat baterii antiaeriene de apărare, ridicând temerile unei noi escaladări cu Iranul, ai cărui deputați irakieni sunt responsabili pentru rachetele lansate pe Zona Verde din Bagdad, unde se află ambasada americană și bazele militare care găzduiesc soldați SUA [5].

Frica de pandemie nu a oprit conflictele în curs de desfășurare în Afganistan, iar liderii grupării extremiste Statul Islamic au încurajat în mod deschis adepții să lanseze atacuri la nivel global. Între timp, blocajele, carantina și interdicțiile de călătorie pot slăbi monitorizarea încetării focului și misiunile de menținere a păcii în zonele de conflict din întreaga lume. [11]

Procesul de pace lansat între talibani și guvernul președintelui Ashraf Ghani pe fundalul pandemiei, pare să aibă succes. În Afganistan apar șanse iluzorii de încetare a focului, însă președintele Ashraf Ghani continuă să se confrunte cu o criză politică continuă.

Discuțiile privind schimbul de deținuți dintre guvernul de la Kabul și insurgenții talibani au lovit un blocaj rutier după ce insurgenții au ieșit din dialog, respingând eliberarea Kabulului de captivi drept „inacceptabilă". Talibanii insistă la eliberarea a 5.000 dintre luptătorii săi în schimbul a 1.000 de soldați afgani ca parte a acordului de încetare a focului, semnat între SUA – Talibani. Kabulul vrea să elibereze mai puțini luptători, eliberarea fiind făcută în etape. De asemenea, dorește ca discuțiile intraafgane să aibă succes până la eliberarea ultimilor luptători talibani. Gruparea Talibanilor este dispusă să suspendeze temporar lupta împotriva forțelor afgane în zonele lovite de coronavirus, respingând rapoartele de știri, precum că grupul ar putea declara încetarea focului pe fondul pandemiei. [10]

Frica față de virusul COVID-19 a închis prompt fluxul de migrație la granița dintre Grecia și Turcia. Aceleași circumstanțe l-au convins pe Recep Tayyip

Erdogan, președintele turc, ca pe 18 martie 2020 să închidă posturile de frontieră cu Grecia, deschise cu o săptămână mai devreme, oferind coridor la zeci de mii de migranți fără probleme și solicitanți de azil din Turcia să se mute în Europa. Astfel, coronavirusul i-a creat mari probleme unuia dintre cei mai autoritari lideri din regiune - președintelui Erdogan. [3]

Pe fondul coronavirusului, conflictul israeliano-palestinian nu aduce niciun răgaz. Israelul își continuă atacurile asupra satelor și orașelor anexate din Cisiordania și solicită eliberarea a aproximativ 5.000 de palestinieni din închisorile israeliene. Solicitările au fost respinse de Tel Aviv. Palestinienii au lansat un plan care solicită 137 de milioane de dolari de la donatorii internaționali pentru răspunsul lor la COVID-19, însă oficialii spun că există puține finanțări disponibile, deoarece țările occidentale sunt preocupate de soluționarea propriilor crize. Guvernul Palestinian ar putea lupta pentru achitarea salariilor complete angajaților săi, dar zeci de mii de palestinieni care lucrau în Israel pentru a-și susține familiile s-au întors acasă fără a fi plătiți pe durata crizei. În ciuda coronavirusului, israelienii și palestinienii nu par să spargă gheață în privința problemelor stringente, care necesită eforturi din partea ambelor state pentru a fi soluționare.

Zone conflictogene care continuă confruntările în condiții de pandemie COVID-19

În contextul analizei repercursiunilor virusului COVID-19 asupra zonelor conflictogene, merită atenție și zona Cașmirului. Astfel, Cașmirul administrat de India, este la fel afectat de virus. COVID-19 a lovit cea mai militarizată zonă din lume. India nu a acordat atenție apelului de „încetare a focului”, lansat de către ONU, deoarece armata sa continuă să asedieze satele și orașele din Kașmir. În ciuda pandemiei și a înregistrării în regiune a celei mai precare infrastructuri de sănătate, India a dispus, de asemenea, un nou plan „de colonizare” ce ar permite indienilor non-locali, care îndeplinesc anumite criterii, să-și asume locuri de muncă și proprietăți în regiunea în litigiu. De asemenea, a respins apelurile pentru eliberarea a mii de prizonieri din Kașmir, deținuți în temnițele indiene. Între timp, forțele armate din Pakistan și India, de facto, au ridicat derapaje la Linia de Control care împarte Cașmirul în porțiuni administrate ale Pakistanului și Indiei. [12]

Pe măsură ce pandemia COVID-19 se răspândește în zonele de conflict, impactul va fi imprevizibil și catastrofal. Aceste zone sunt de obicei inaccesibile și periculoase, complexe din punct de vedere politic. COVID-19 începe deja să expună fracturi, prejudecăți și slăbiciuni în rândul multor populații marginale sau afectate de conflict. Discriminarea existentă împotriva grupurilor etnice sau religioase minoritare se intensifică, deoarece se consideră că acestea răspândesc virusul. În Pakistan, musulmanii șiiti minoritari au fost acuzați că au importat virusul din Iran, creând implicații grave pentru tensiunile comunitare și o provocare pentru cei care organizează un răspuns cuprinzător [11]. De la cartierele urbane din India, până la zonele rurale din Asia de Sud-Est, sfaturile înaintate de către oficialii ONU și ai OMS cu privire la COVID-19 au fost respinse.

Acest exemplu arată cum crizele subite pot rupe tiparele de comportament, generând uneori un interes comun pentru a pune capăt violenței. În alte cazuri, o criză majoră precum COVID-19 poate duce la mai multe conflicte. Guvernele profită deja de legislația de urgență și de ~~o~~ mass-media internațională pentru a-și suprima rivalii. În februarie 2020, Guvernul Myanmar a efectuat atacuri aeriene și la sol asupra unui grup armat într-o zonă dens populată din statul Rakhine. [11]

Nu mai puțin îngrijorătoare este și situația în taberele de refugiați Rohingya din Bangladesh: peste un milion de oameni trăiesc în adăposturi supraaglomerate, iar serviciile de salubrizare și sănătate sunt reduse la minimum. Deoarece guvernul interzice accesul la

Internet și serviciile de telefonie mobilă în tabere, rezidenții au acces limitat la informații privind prevenirea bolilor, lucru care ar putea salva viața. În același timp, rata mare de malnutriție poate crește riscul de contagiune între refugiați și populația locală. Dacă COVID-19 se va răspândi în taberele de refugiați, conform declarațiilor reprezentanților misiunilor umanitare, virusul se va răspândi major, ceea ce ar putea declanșa o reacție ostilă din partea bengalezilor care trăiesc în zonele înconjurătoare și sunt deja exasperați de prezența îndelungată a refugiaților.

Crește îngrijorarea cu privire la un posibil focar de COVID-19 în cea mai mare tabără de refugiați din Bangladesh - Rohingya. Oficialitățile din Dhaka au închis aproape un milion de refugiați din statul Rakhine din Myanmar. Conform declarațiilor făcute de către reprezentanții agențiilor umanitare, aproximativ 350.000 de persoane strămutate din statul Rakhine sunt vulnerabile la boală. Experții au avertizat că maladia din Cox's Bazar (oraș în Bangladesh) s-ar putea răspândi rapid prin aleile aglomerate, îmbibate cu deșeuri de canalizare, unde minoritatea musulmană persecutată este adăpostită sub pânze și bârci de bambus. [2] De asemenea, guvernul Bangladeshului a restricționat accesul la Internet mobil pentru aproape 900.000 de refugiați rohingya din taberele de refugiați din jurul orașului Cox's Bazar. Persoanele suspectate de infectare cu virusului COVID-19 sunt stigmatizate, ceea ce duce la minimizarea simptomelor și la refuzul de a solicita tratament.

În *Mali* situația rămâne de asemenea tensionată. Mali a organizat alegerile parlamentare cu întârziere, în ciuda unei insurgențe în regiunile centrale și de nord. Principalul lider al opoziției din Mali, Soumaila Cisse, a fost atacat și înlăturat forțat de la putere în martie 2020, în timp ce se deplasa pe traseul din regiunea de nord a Timbuctului. Atacatorii i-au ucis garda de corp, luând-ul ostatic pe Cisse și șase membri ai delegației sale. [8]

Din 2004, sudul *Thailandei* se luptă cu o confruntare sângeroasă dintre celulele armate locale și armata thailandeză. Sute de împușcături, bombardamente, represalii și atacuri de răzbunare s-au soldat cu peste 7.000 de morți. Amenințarea COVID-19 a dus la o diminuare minoră a situației, deoarece principala fracțiune rebelă a decis în mod informal să amâne ostilitățile până când pandemia este prezentă [11].

În contextul emergenței virusului COVID-19, continentul african este acum preludiul unei eventuale tragedii. Statele de pe acest continent anterior s-au confruntat cu maladii precum Ebola, SIDA sau malaria. Capacitățile guvernamentale, în multe cazuri, sunt incapabile să acorde ajutor de primă necesitate pentru diminuarea focarului COVID-19 din cauza problemelor interne. Deși epidemia ar putea întrerupe o parte din violența și insurgențele teroriste situate în fâșia care se întinde din Somalia până în Senegal, aceasta nu este în niciun caz o consolare, deoarece, într-o etapă probabilă de urgență, violența va adopta o altă dinamică. Există conflicte și violență care abia încep. Provocările amenință acum sănătatea publică mondială la fel de grav ca și sistemul economic internațional. Războiul „civil” din Libia, dincolo de a arăta semne de distincție, a crescut în intensitate, în ciuda numărului tot mai mare de focare din Africa de Nord. Atât guvernul de la Tripoli (recunoscut de Națiunile Unite și susținut în principal de Algeria, Qatar și Turcia), cât și armata națională a lui Khalifa Haftar (susținută de Arabia Saudită, Egipt, Emiratele Arabe Unite, Franța și Rusia) sunt conștienți de faptul că conflictul nu poate înceta nici în situația de pandemie. În acest caz, apariția COVID-19 poate funcționa ca un catalizator pentru conflict. [7]

Somalia, țara din Cornul Africii, este și ea afectată de COVID-19. Coronavirusul ar putea, de fapt, să fie mai răspândit și să poată în curând să pună la grea încercare întreg sistemul de sănătate al unei țări care este în conflict de aproape trei decenii. Somalia a fost cufundată în haos odată cu căderea autocratului Mohamed Siad Barre în 1991, iar acum suportă atacuri

periodice din partea grupării militante Al Shabab, care este legată de Al Qaeda.

Forțele de apărare din sudul *Camerunului* (SOCADEF) constată o încetare temporară a focului din cauza focarului de coronavirus. Liderul Ebenezer Akwanga a declarat că grupul său va înceta focul între 29 martie și 12 aprilie pentru a permite asistență și testare umanitară a populației în zonă. Conform SOCADEF, națiunea majoritară, vorbitoare de limbă franceză, a fost marginalizată. Timp de trei ani, grupul lui Akwanga se luptă cu forțele guvernamentale din regiunile anglofone încercând să creeze un stat separat numit „Ambazonia". Cu toate acestea, nu există nici un indiciu că Forțele de apărare ale Dragonilor Roșii, Tigrilor și Ambazoniei - grupuri majore rebele care doresc independența în zonele vorbitoare de limbă engleză din Camerun doresc încetarea focului pe fondul coronavirusului [8].

Un tablou nu mai puțin pesimist reprezintă nordul *Mexicului*. Acesta oferă imaginea unui stat, populația căruia este afectată economic, circumstanță care reflectă consolidarea grupurilor asociate cu fapte penale împotriva societății în regiunile în care există o absență de guvernare. Mafiile dedicate producției sau distribuției de substanțe ilicite în lume, precum și a celor responsabili pentru traficul ilegal de mărfuri, au fost afectate de scăderea bruscă a cererii. Reacția fiecărei organizații va depinde de circumstanțele lor specifice, în unele cazuri vor fi nevoite să migreze către alte activități ilegale, cum ar fi furtul, extorsiunea sau infracțiunea informatică; în alte cazuri, vor deveni mai violenți și vor încerca să folosească ocazia pentru a se extinde. În caz contrar, în unele regiuni din America Latină sau Asia, grupările criminale vor deveni aliați importanți pentru a monitoriza respectarea izolării sociale [7].

În *Venezuela*, după cum a anunțat grupul Crisis în 2016, ciocnirea dintre Guvernul Chavist și opoziția au compromis serviciile de sănătate. Într-un context în care economiile deja fragile ale Americii Centrale sunt sub presiune puternică, expulzările din Statele Unite și Mexic ar putea expune un număr din ce în ce mai mare a acestor populații strămutate la o recepție frigidă în țara lor, deoarece populațiile naționale pot fi îngrijorate că refugiații care răspândesc virusul. Mulți deportați ar putea să nu aibă altă opțiune decât să se întoarcă la granița cu Statele Unite, cu ajutorul rețelelor de trafic de persoane, sau să devină victime sau complici ai grupurilor și bandelor criminale prezente în toată regiunea. În multe cazuri, impactul COVID-19 asupra refugiaților și a persoanelor strămutate va afecta în continuare femeile, care reprezintă de cele mai multe ori majoritatea în rândul populațiilor strămutate din regiunile în conflict. Stigmatizate din cauza legăturii (reale sau prezumte) pe care le-au avut cu grupurile armate, aceste femei întâmpină imense dificultăți în accesarea serviciilor și hrănirea familiilor lor. Femeile și copiii deplasați, expuși exploatării sexuale sau violenței și a căror reintegrare în comunități nu este prioritatea guvernelor slabe sau indiferente, vor fi primele afectate de crizele economice care, la fel, vor contribui la răspândirea a virusului.

Vulnerabilitatea la COVID-19 a refugiaților și a persoanelor strămutate se explică parțial prin faptul că virusul ar putea slăbi serios capacitatea instituțiilor internaționale de a acționa în zonele de conflict. OMS și reprezentanții altor agenții internaționale sunt îngrijorați de faptul că restricțiile legate de virus vor perturba lanțurile umanitare de aprovizionare. Dar organizațiile umanitare nu sunt singurii actori ai sistemului multilateral de asemenea, pot fi afectate. Efectele potențiale ale COVID-19 asupra punctelor de stres specifice sunt amplificate de faptul că sistemul global a fost deja redirecționat. Astfel, perioada actuală se distinge de alte crize internaționale, încă relativ recente. Atunci când criza financiară a provocat o încetinire economică globală în 2008, Statele Unite au avut încă un efect suficient pentru a modela răspunsul internațional prin G20, chiar dacă Washingtonul a avut grijă să implice Beijing în acest proces. În 2014, Sta-

tele Unite și-au asumat răspunderea, deși într-un mod tardiv, la criza Ebola din Africa de Vest, cu ajutorul unor țări precum Regatul Unit, Franța, China sau Cuba. Astăzi, Statele Unite - a căror influență internațională a slăbit deja considerabil - au gestionat simultan răspunsul național la Covid-19, nu au reușit să unească alte națiuni, condiționând resentimente internaționale. Președintele Donald Trump nu numai că a insistat asupra originii chineze a bolii, dar a criticat și Uniunea Europeană de lipsă de solidaritate. [2]

Concluzii

Până în prezent, focare mari de COVID-19 s-au produs în țările prospere și relativ stabile - acestea sunt China, Iran, Japonia, Italia și Coreea de Sud. Fiecare dintre aceste state are un guvern central puternic și servicii medicale organizate. În țările cu sisteme de sănătate mai puțin dezvoltate, virusul va fi mai greu de combătut și de detectat. Acest lucru este valabil pentru unele state africane, precum și pentru teritoriile afectate de război din Siria, Libia sau Yemen. O altă mare problemă o reprezintă numeroșii refugiați veniți din Orientul Mijlociu în Europa. De fapt, acești oameni erau dincolo de orice garanții sociale. Locuiesc în tabere aglomerate, în condiții sanitare precare. Acest lucru îi face cel mai vulnerabil obiectiv pentru o pandemie. Milioane de imigranți sunt dispersați în Irak, Liban, Turcia, Siria și Iran. Mișcarea necontrolată a persoanelor fără acces la îngrijiri de bază medicale nu va face decât să crească răspândirea bolii [13]. Astfel, analizând situația din zonelor conflictogene, putem menționa că repercusiunile virusului COVID-19 pot fi devastatoare nu doar pentru statele slab dezvoltate, dar și pentru cele dezvoltate.

Bibliografie

1. Alaadin R. COVID-19 will prolong conflict in the Midlle East. https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/24/covid-19-will-prolong-conflict-in-the-middle-east/

2. Deportation and Disease: Central America's COVID-19 Dilemmas.**1**https://www.crisisgroup.org/fr/global/sb4-covid-19-and-conflict-seven-trends-watch

3. Conflits, pollution, délinquance... les bonnes surprises du coronavirus. https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/conflits-pollution-deliquance-les-bonnes-surprises-du-coronavirus-1190152

4. COVID-19, accélérateur ou réducteur de conflits dans le monde? https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1679756/coronavirus-impacts-conflits-planete

5. COVID-19: quel impact sur les conflits au Moyen-Orient ? https://www.lapresse.ca/international/moyen-orient/202004/09/01-5268664-covid-19-quel-impact-sur-les-conflits-au-moyen-orient-.php

6. COVID-19 : les conseils de l'ONU pour vivre au mieux le confinement. https://www.un.org/fr/coronavirus-covid-19-fr/covid-19-les-conseils-de-lonu-pour-vivre-au-mieux-le-confinement

7. El COVID-19 y el estado de los conflictos internacionaleshttp://revistafal.com/el-covid-19-y-el-estado-de-los-conflictos-internacionales/

8. How Covid-19 is impacting major global conflicts. https://www.trtworld.com/life/how-covid-19-is-impacting-major-global-conflicts-35292

9. La vulnérabilité des populations vivant dans des situations de conflit. https://www.icrc.org/fr/nos-activites/coronavirus-pandemie-de-covid-19

10. No Ceasefire For African Conflicts Amidst COVID-19. https://theowp.org/no-ceasefire-for-african-conflicts-amidst-covid-19/

11. Peace and the pandemic: the impact of COVID-19 on conflict in Asia. https://devpolicy.org/peace-and-the-pandemic-the-impact-of-covid-19-on-conflict-in-asia-20200414/

12. What impact is Covid-19 having on Middle East conflicts? https://www.bangkokpost.com/world/1893535/what-impact-is-covid-19-having-on-middle-east-conflicts-

13. Коронавирус влияет не только на мировую политику. Обьясняем почему. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7968279

14.Эксперт оценил влияние коронавируса на международные конфликты. https://ria.ru/20200420/1570317749.html

CZU 32:351
DOI 10.5281/zenodo.3980537

EVALUATION OF PUBLIC POLICIES: CONTENT AND MODELS OF IMPLEMENTATION

Mariana IAŢCO
Doctor of Political Sciences, university lecturer
State University of Moldova, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, Department of Political and Administrative Sciences-Republic of Moldova
e-mail: *iatsco44@hotmail.com*
https://orcid.org/0000-0003-2864-2331

The evaluation is not only a verification of the conformity of public action, but also expresses a valuable appreciation of the success of the results and the impact - desired or not - of public policies and that this value judgment must be performed with the utmost rigor based on sound methodologies of evaluation. In recent years, public policy evaluation has been a huge concern for the governments of industrialized countries. Compared to other management improvement techniques focused primarily on economic control and regulatory compliance, the evaluation addresses social issues and democratic transparency, which are closely linked to the public visibility of reports and the diverse participation of public and private actors.

Keywords: *evaluation, cooperation programs, public policies, government, public administration, methodological guides, evaluation objectives.*

EVALUAREA POLITICILOR PUBLICE: CONȚINUT ȘI MODELE DE APLICARE

Evaluarea politicilor nu este doar o verificare a conformității acțiunii publice, ci exprimă, de asemenea, o apreciere de valoare asupra succesului rezultatelor și a impactului - dorit sau nu - al politicilor publice și că această judecată valorică trebuie realizată cu maximă rigoare în baza unor metodologii solide de evaluare. Într-o lume în continuă schimbare, autoritățile statului trebuie să înțeleagă problemele complexe, difuze și contradictorii pe care politicile publice încearcă să le rezolve. Această întrebare necesită abordări cuprinzătoare în comparaţie cu analizele atomizate și decontextualizate ale controalelor administrative tradiționale. În ultimii ani, evaluarea politicilor publice reprezintă o preocupare enormă pentru guvernele țărilor industrializate, deoarece ea abordează aspecte sociale și de transparența democratică, care sunt strâns legate de vizibilitatea publică a rapoartelor și de participarea diversă a actorilor publici și privaţi.

Cuvinte-cheie: *evaluare, programe de cooperare, politici publice, guvernare, administraţie publică, ghiduri metodologice, obiective de evaluare.*

EVALUATION DES POLITIQUES PUBLIQUES: CONTENU ET MODÈLES DE MISE EN ŒUVRE

L'évaluation n'est pas seulement une vérification de la conformité de l'action publique, mais exprime également une appréciation précieuse du succès des résultats et de l'impact - souhaité ou non - des politiques publiques et que ce jugement de valeur doit être effectué avec la plus grande rigueur sur la base de méthodologies d'évaluation. Ces dernières années, l'évaluation des politiques publiques a été une préoccupation majeure pour les gouvernements des pays industrialisés. Par rapport à d'autres techniques d'amélioration de la gestion, axées principalement sur le contrôle économique et la

conformité réglementaire, l'évaluation aborde les questions sociales et la transparence démocratique, qui sont étroitement liées à la visibilité publique des rapports et à la participation diversifiée des acteurs publics et privés.
Mots-clés: *évaluation, programmes de coopération, politiques publiques, Gouvernement, administration publique, guides méthodologiques, objectifs d'évaluation.*

ОЦЕНКА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: СОДЕРЖАНИЕ И МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ

Оценка политики является не только проверкой соответствия публичных действий, но выражает также и важную оценку успешности и воздействия - желаемого или нет - государственной политики и того, что это оценочное суждение должно быть выполнено с максимальной тщательностью на основе использованных методологий. В постоянно меняющемся мире, органам власти необходимо понимать сложные, разрозненные и противоречивые проблемы, на решение которых направлена государственная политика. Этот вопрос требует комплексных подходов по сравнению с раздробленным и деконтекстуализированным анализом традиционного административного контроля. В последние годы оценка государственной политики вызывает огромную обеспокоенность у правительств промышленно развитых стран. Это связано с тем, что оценка затрагивает социальные вопросы и демократическую прозрачность, которые тесно связаны с публичностью и доступностью отчетов и разнообразным участием государственных и частных субъектов.
Ключевые слова: *оценка, программы сотрудничества, государственная политика, правительство, государственное управление, методические руководства, цели оценки.*

In recent years, public policy evaluation has been a huge concern for the governments of industrialized countries. Compared to other management improvement techniques focused primarily on economic control and regulatory compliance, the evaluation addresses social issues and democratic transparency, which are closely linked to the public visibility of reports and the diverse participation of public actors and private.

In a constantly changing world, public authorities need to understand the complex, diffuse and contradictory problems that public policies seek to address. This question requires comprehensive approaches compared to atomized and decontextualized analyzes of traditional administrative controls. The search for a broader holistic meaning, translated into a more comprehensive context, is the aspiration of evaluating public policies and programs.

The evaluation is not only a verification of the conformity of public action, but also expresses a valuable appreciation of the success of results and the impact - desired or not - of public policies and that this value judgment must be extracted with the utmost rigor based on sound methodologies. evaluation.

For years, public administrations have developed numerous evaluation guides, referring to different sectoral policies. However, each institution has its own approaches depending on its tasks, this contributing to the customization of its instruments, all having a common core. In addition, major changes have taken place in the field of evaluation that require new tools and approaches, with an increasing demand for the need for strategic policy evaluation tools at public level.

Currently, policy evaluation reveals a complex area, with countless and very heterogeneous practices, with different approaches and goals. Thus, in different countries policy evaluation has an uneven development and continues to have certain tensions between the weight of its academic components and the logic of public interventions. In any case, both states and scientific communities are increasingly recognizing the need to assess the functioning and results of their institutions and policies in order to substantially

increase productivity and modernize specific public sector processes. In fact, three major sectors dominate the evaluation industry and establish many of its rules: the development assistance sector of international organizations, the European funds sector and the internal evaluation sector of each country, creating a myriad of evaluation practices [4, p.35].

States and their policies are increasingly involved in transnational interactions, promoted by very different actors, state and non-state, which force debate in increasingly open and complex spaces, which require a balance at regional and global level. However, the risks are not only determined by mismanagement or mismanagement, but rather by the public that develops mismanagement, with their backs to social and collective interests, protected by the democratic system itself [6, p.80].

As a result, there has been talk for many years of addressing all these risks with the establishment of a series of principles, known as New Governance, which naturally have an impact on public policy. The culmination of this process is good governance. And here we are talking not only about strengthening national institutions, but also about the democratic system, which is not without conflicts and various interpretations, because New Governance does not imply the same thing for everyone. It is a process under construction, which involves a new reflection on the role of the state and society in public decisions and their interaction in situations where resources are dispersed.

In Europe, this impetus has found its application in the White Paper on Governance, whose principles are based on "openness, participation, accountability, efficiency and coherence, while proposing democratic legitimacy and subsidiarity" [10, p.147]. These principles are not the sole responsibility of the European institutions, or only of the European Commission, but affect all levels of responsibility for public administration, private companies and civil society. If this context of good governance and its principles are not taken into account, then the approach to public policy evaluation would compromise any research or study.

The analysis and evaluation of public policies requires a connection to the geopolitical contexts in which they develop, such as regions, economic sectors, nation states, corporations, taking into account other contexts such as culture, principles, criteria and goals pursued by public policies in various fields. action.

The quality of the political system is not an independent variable of the quality of public administration, but is in a direct dependence between these two elements. Public administration is a key political actor. In addition to being responsible for the implementation of public policies, the public administration is also responsible for their management, which is perceived after the good or poor functioning of public institutions, but also of the services they provide. However, the political-administrative relationship is not exempt from the tensions that have oscillated, over time, between approaches that give more or less discretion and responsibility to administrative functions.

It is impossible to gather here the infinite number of evaluation practices that try to improve the quality of public policies and contribute to their accountability. However, in a summary effort, we could highlight at least three well-defined evaluation pillars:

1) the enormous and varied block of national assessments, with a very diverse development and practice in each country and in each sector;

2) the evaluation carried out in the EU determined, in particular, by the control over European funds;

3) evaluation of development aid, which influences the transfer of knowledge and practices of international organizations [2, p.325].

The landscape of policy evaluation in different countries presents a very complex field of inhomoge-

neous practices, with overlapping control layers, with large differences between the spheres of government that interact and the sectors to which the evaluation is applied, with very different approaches and purposes. All this looks like a complicated labyrinth of coexisting paradigms, some emerging and others dominant, difficult to reveal, because they enrich the evaluation exercise, on the one hand, but also contain contradictions, on the other hand. In any case, they show the error of standardized solutions in the evaluation process.

Thus, states are increasingly recognizing the need for continuous evaluation of the performance and results of institutions and their policies in order to substantially increase productivity and modernize public sector-specific processes. Evaluation is practiced today in almost all European countries, but its development is very different. It can be measured by two types of criteria: i) the degree of institutionalization and its role in the preparation of the budget and its use by the public management; ii) the importance of structuring a specialized professional and academic environment [8, pp.51-65].

Based on these criteria, the American school of evaluation has made substantial progress, despite recent progress in policy evaluation in Europe. Some countries (Canada, UK, Australia, New Zealand) approach and apply the Anglo-Saxon school assessment methodology, with the exception of the Netherlands and Switzerland and the Scandinavian countries (Sweden, Denmark and Finland). Germany and France are in an intermediate situation, while in Italy and Spain policy evaluation has begun to develop at a faster pace in recent decades.

Evaluation in the Anglo-Saxon countries is closely linked to its relationship with the budget (the example of the United States and the United Kingdom Treasury). The results of the evaluations are explicitly mentioned in the budget documents, which provide a justification for certain public policy proposals. For example, in the Netherlands, "budget assessment" is part of a systematic procedure for reviewing expenditure.

Models for evaluating public policies in the European space

United Kingdom (UK). During the 1990s, the development of valuation in the United Kingdom was strongly marked by New Public Management (NPM). The strengths of this approach have been focused on privatization, the development of "market mechanisms", the strengthening of regulatory bodies responsible for overseeing the proper functioning of markets, the outsourcing of administrative functions to non-governmental or semi-public actors.

In the new public management, the evaluation was endowed with strong political support and was invoked for the benefit of administrative reforms, with the risk of being reduced to an objective management technique. One of the reasons was the limitation of budgets and the need to set policy outcomes. All this promoted, in the '80s-90s, the use of managerial evaluation, focused on reducing costs and improving management.

The UK Strategy Unit, created in 2002, is a central body that brings together the work of the Performance and Innovation Unit (IPU) and other organizations to study and define strategies, which are subordinate to the Prime Minister. Its main task is to provide ideas for key topics of government policy and prospective studies. It also conducts studies in collaboration with sectoral ministries, which include evaluations and impact analyzes related to specific projects. It also highlights the opportunity cost of public interventions with a greater search for effectiveness and efficiency in management, as well as market share considerations. It is also worth mentioning that the share of ex ante evaluation is highlighted by the activity of the Regulatory Impact Analysis Units in promoting and supporting the

performance of the impact analysis by the sectoral departments of the British administration.

Sweden. The Swedish Public Management Agency (Statskontoret) operates on behalf of various ministries or parliamentary committees, which in turn have several evaluation bodies. The Swedish administrative system is based on the creation of commissions to carry out various tasks and involves a large number of evaluations of very different character and quality. The evaluation preferably focuses on social programs to determine their impact on social well-being and cohesion. The most common areas are the environment, taxes, social security, education and immigration assistance. It is part of public management models and budget programs and is supported by networks of external evaluators.

In **France** the development of the evaluation practice is inseparable from the political vision of the evaluation towards the manager and has been translated, since the ’70s, in a series of extremely diversified institutional evaluation initiatives. Its history was marked by two attempts to implement evaluation in the functioning of the administration: the rationalization of budgetary decisions (RCB, 1970) and the creation of a governmental device for evaluating inter-ministerial policies in 1990.

Since the 1980s, under the impetus of Michel Rocard, evaluation has been part of an ambitious policy of administrative reform called “public service renovation”. There are two special aspects to the evaluation in France: its contribution to the development of the responsibility of public officials and its role in the public debate.

The aim is to make evaluation a central element in government decision-making and democratic debate (hence the obligation to publish evaluation reports) and to advance evaluation methodology and ethics. In 1988, the Interministerial Council and the Scientific Council were abolished and replaced by the National Evaluation Council, whose powers are both political and methodological.

The National Evaluation Council (CNE) in France was created in 1999 and, in theory, has the power of real initiative to propose evaluation issues to the Prime Minister. In practice, this power is limited by the reluctance of ministries involved in evaluations. It consists of professionals from the control bodies (Economic and Social Council, State Council and Court of Accounts), university professors, representatives of the socio-professional media and elected representatives from regions, provinces and municipalities.

The evaluation concept is multidisciplinary and interministerial, with a cross-cutting approach and as an economic and social tool. It is a model that has raised some criticism for its excessive bureaucratic burden and ongoing revision. In parallel with this institutionalization process, other forms of evaluation are being developed by the French administrations [5, p.1-32].

In the **Republic of Moldova** the process of analyzing and evaluating public policies includes three consecutive stages - ex-ante analysis (AEA), midterm evaluation (EI) and ex-post evaluation (EEP). The public policy cycle is operational and efficient only if all these types of analysis and evaluation are closely integrated into a single coherent system, and if it comes to support public policy making and budgeting in a sustainable manner. Ex-ante analysis is the first step in the cycle of public policies that assesses the potential impact of a public policy on target groups or other groups, the budget, certain sectors, etc. The ex-ante analysis examines alternative options for solving problems and achieving the set objectives, analyzing the fiscal, administrative, economic, social and environmental impact of each option. The basic objective of the AEA is to support the Government’s decision-making process by recommending that public policy approach, which we anticipate to be the most efficient or the most

positive impact and which avoids, as far as possible, inappropriate side effects.

Until now, in the Republic of Moldova the ex-ante analysis was the institutionalized part by introducing in 2008 the regulatory impact analysis (RIA). In 2010, the State Chancellery developed a more comprehensive guide for the AEA (entitled Methodological Guide for Ex-ante Analysis of the Impact of Public Policies), which is already being implemented for the elaboration of several Public Policy Proposals in all branch ministries. The regulatory framework and methodology regarding the evaluation of policy documents developed by the Government of the Republic of Moldova will be updated, and the further strengthening of the analysis capacities, expertise in the field of evaluation of civil servants.

Evaluation of European funds from the methodological perspective of the MEANS guidelines

In recent years in Europe, in addition to the United Kingdom and the Nordic countries pioneering policy evaluation, the greatest impetus in the field of evaluation has come from the European Union, which has stressed the importance of evaluating its policies and the need for Member States to develop them.

Since its creation in 1996, the evaluation system of the European Commission has developed both in the internal units of the institution itself and in the European Member States. Its objective was to promote and ensure the use of information obtained in evaluation activities at all levels of decision-making, from strategic to operational, although the latter were the most privileged.

The development of EU-promoted regional policies has put in place the Structural Funds Mechanism (ERDF, ESF), which, with the 1998 reform, obliges Member States to carry out systematic and mandatory evaluation activities to justify EU aid programs. This was corroborated by the reform carried out in 1999, based on the agenda planned for 2000. It is not only important to correctly define the problems and needs of the regions and to design programs to correct them, but also to set up an evaluation system that allows regular knowledge, relevance, effectiveness, efficiency, impact and sustainability (not in terms of the environment, but in terms of the possibility of maintaining the program) of public interventions. To these criteria set by the European Commission for Development (DAC), the EU adds those with common complementarity and added value.

Community evaluation regulations have undergone significant changes since 1999, which are in line with:

a) greater precision and consolidation of the references regarding the necessity and the obligatory execution of three types of evaluation (previous, intermediate and final);

b) determining who should take responsibility for monitoring each of the evaluations;

c) increasing the degree of achievement of monitoring and evaluation objectives;

d) increasing the involvement of Member States' responsibilities [1, p.5-23].

In the field of evaluation, the European Union is particularly concerned with the political support of interventions and the acceptance of programs by governments and interest groups. In terms of its purpose, it contributes to the design of interventions and the setting of social priorities, seeking the efficiency and effectiveness of results, the impact of programs and the responsibility of interventions.

The EU has also maintained a very active role in the field of evaluation methodologies through the MEANS (Evaluation Methods for Structural Action) Program, which aims to achieve greater coherence and efficiency in procedures, helping to create a cultures of evaluation in several professional organizations.

The Structural Funds have created an environment, a language and an evaluation market with important

advantages for its promotion, although in some cases there have been contradictions. From a structural point of view and following the mandatory regulations of 2000, the evaluation units were created and strengthened in general in all the services of the European Commission, which allowed the consolidation of the evaluation culture within the institution.

The role of evaluation has been strengthened from an institutional point of view, with the inclusion in the 2003 Financial Regulation of the obligation to evaluate the activities carried out and to use the information obtained in the decision-making process [4, pp.35-67].

However, the momentum of policy evaluations in the EU is not without some paradoxes. On the one hand, it is positive that Member States have begun to think about the effectiveness of the results of programs and projects, and administrations have had to develop independent evaluations, although initially the evaluation work was more based on monitoring. economic (good use of funds), rather than the effects of policies and their formulation. But, on the other hand, the fact that the EU requested these controls conditioned the evaluation itself on the most ambitious claims (at political level), favoring its usefulness at managerial and technocratic level, even at the risk of bureaucracy.

The evaluation requests are not based on the specific problems presented by the programs, but rather on the budgets that must be met in order to obtain the funds. In turn, evaluation offers are transformed into requirements that try to comply with the Commission's calls, without much creativity, for fear of not meeting the specifications and losing competitions. The general conclusions regarding the evaluations performed are: feasible and financial studies well described in detail; the methodological bases of the evaluation and its processes have been strengthened, especially at managerial and operational level. The conclusions are often too general and of little use to decision-makers. It is difficult to separate the effects of programs from other private, regional or national actions to determine the extent to which the results are attributed to EU regional policies.

All the above shows that the major concern of the European Community is the quality of evaluation. Despite the contradictions, it must be acknowledged the merits of the European Commission, in the period 1994-1999, a long way has been made, trying to individualize the evaluation methods to examine the effects of programs receiving European funds. This was due both to the debates organized within the international community of evaluators, discussing different approaches to evaluation and how to integrate them, and to the work carried out within the European MEANS program. The latter contrasted with the most significant evaluation experiences, the work being completed with the publication of a series of guides that offer a wide range of tools from which to draw conclusions, indicating the value and limit of each and inviting evaluators to develop more methodologies.

Since then, concern for evaluation quality has addressed not only well-done studies based on traditional statistical and macroeconomic methodologies, but also the entire collection of information that provides knowledge about program theory, context and, in particular, the use of evaluations by receiving administrations.

MEANS guides are indispensable for anyone who wants to know the methodological rules governing evaluation in the EU, although their use is not as general as it should be. The given guidelines do not seek to establish a "bible" in the assessment, but rather a guide for countries to adapt their requirements with versatility, also promoting methodological questioning and critical analysis. Along with the MEANS guides, the European Commission has published numerous collections and documents, such as the 2003 Evaluation Methodology for External Aid and the Guide to Socio-Economic Development, continuing the contribution started by the MEANS guides.

Evaluation of cooperation and development aid programs of international organizations

Development aid policies are one of the areas in which evaluation has been imposed for many years as a tool of responsibility. It is true that in the beginning it was more related to monitoring and control than to the strategic vision of the evaluation requested lately.

Multilateral organizations dedicated to development cooperation and aid, such as the United Nations, the World Bank or the European Bank for Reconstruction and Development, have been the driving force behind program evaluations by recipient countries' public administrations and have promoted a culture of evaluation with the publication of numerous theoretical studies, guides and practical manuals.

The framework for international cooperation of 7 July 1998 states in Article 19 (4) that SECIPI 'shall evaluate development cooperation policies, programs and projects financed by State funds in progress and completed, from its conception and definition to its results. STI. The evaluation will take into account the relevance of the objectives and their degree of achievement, as well as the efficiency, effectiveness, impact achieved and proven viability of the programs and projects already completed"[2, p.325].

A similar interest in evaluation is evident in the reports of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), in which governments work together to address the economic, social and environmental challenges of interdependence and globalization. This organization was created after World War II in order to coordinate the Marshall Plan, and in 1961 became the Organization for Economic Cooperation and Development with a transatlantic and later global vocation. It currently has 30 member countries working through Cooperation Agencies and almost 70 countries or economies in development and transition are associated with its work. Its mission is to promote policies aimed at sustainable economic growth, as well as financial stability and opportunities for progress in the living standards of member countries, in order to contribute to global economic development.

The approach to OECD evaluations is characterized by a technocratic approach, with an emphasis on efficiency and modernization of the public sector and support for the private and entrepreneurial sectors. Its main goals are to improve regulation, streamline decision-making and resource allocation, and promote "accountability" and learning policies from beneficiary organizations.

The OECD encourages joint evaluations with other donors, in line with current trends from the European Union, the World Bank, the International Labor Organization, NGOs. Evaluation is a tool that aims to answer specific questions about a specific program, project, set of actions or public policy. The questions may come from the beneficiary community, project or program managers or political authorities and are usually reflected in five standard criteria approved by the Development Assistance Committee (DAC): relevance, effectiveness, efficiency, impact and durability. These criteria are included in the Terms of Reference (ToR), which is the contractual agreement with which the evaluation is formalized.

The characteristics of development aid evaluation focus on programs, projects and tools of different types, but fundamental are:

- Emergency humanitarian aid;
- Development Aid Funds (ADF);
- Funds for the granting of microcredits (FCM);

All aim to extend the same methodological line to all evaluations based on the intervention logic of the logical framework approach (EML), the research methodology of the intervention actions is also applied [7, pp.56-98].

External evaluations are usually used, hiring independent consultants by tender, in accordance with the established scale and tender specifications. It seeks to

promote the principles of impartiality and independence, as well as credibility based on the technical experience of the members of the teams. But we must also pay attention to some limitations of the evaluations of policies and programs characterized by:

- the fact that in most cases, ongoing projects and programs are evaluated, largely highlighting training features from recommendations and conclusions;
- lack of synthesis, sectoral or thematic studies for the systematization of the lessons learned;
- the need to stimulate the conduct of strategic evaluations, as the techniques and tools for operational evaluations differ in some respects from the methodologies propagated in the DAC manuals;
- they tend towards a very technical specialization.

Public policy evaluation indicates a new type of political-democratic control in accordance with the principles of the New Government: accountability, transparency and participation. This new mode of governance is based on public management models, which aim at greater effectiveness and efficiency of the public sector at different levels of governance, strategic and operational. These levels complement each other, but the logic of their evaluation is not exactly the same [13, p.35].

From this perspective, a public policy could have good results in terms of its objectives, but it does not always respect the principle of openness to citizens or may have a low social position. Civic participation is necessary in assessing the quality, relevance and effectiveness of public policies. On the other hand, beyond economic accounting, there is still little culture of responsibility in public organizations. Efficiency is a more common criterion, but may risk being limited to managerial effectiveness that does not include social effectiveness.

The logic of each level of governance must be taken into account in order to resolve the tensions that may arise when applying the criteria by which public policies will be assessed. Finally, in the complexity of governmental spheres, the coherence of public policies seems to be an elementary principle of good governance and public monitoring.

Evaluation is the appreciation of the public to turn what does not work, but not only into purely technical premises, but also social dialogue that promotes a culture of responsibility and continuous improvement of public management. From this perspective, evaluation contributes to administrative improvement, which is not only compatible with efficiency, but can strengthen it, promoting the relational logic between the different administrative spheres and taking advantage of their capacities, resources and synergies.

Public policy evaluation seeks to connect democracy, control and efficiency, understanding that this, in the public sector, cannot be limited to exclusive market criteria or the interests of administrative oligarchies. The rules of good governance must balance efficiency with other criteria of public value: equity, social cohesion, co-responsibility, institutional cooperation, understanding and explaining the tensions inherent in the various interests that intersect in public action [15, p.135].

The added value of evaluation, in the end, is to help improve the quality of democracy and only in this way achieve its full legitimacy, because if it were limited to the tasks typical of traditional control, it would have no reason to exist. In order to improve the capacity to formulate public policies at a higher level and to value them, it is necessary to go beyond the conventional notions of "efficiency" and "effectiveness" (despite their importance) and to value the "capacity to influence the future in the desired direction"("enlightenment") and to deepen the quality of democracy. This is the essence of public policy evaluation.

Evaluation also contributes to the training and mobilization of agents and actors involved in public interventions. It helps them to understand the processes in which they participate and to assume their responsi-

bilities more responsibly on the objectives pursued by the policies and to improve the results [11, p.42].

Often, time produces changes that affect the objectives set in the planning of public interventions and it is possible that a dynamic process, such as evaluation, can better clarify them, producing improvements in the organization of work and in the effectiveness of the whole public policy process. Modern public management tools must allow each agent and each service to better define their tasks, assess their role in a general strategy and develop civic participation [3, p.135].

Another important aspect of the evaluation is that it favors the convergence of points of view and the cooperation between the political and administrative actors engaged in an intervention. All this allows not only to improve efficiency, but also to strengthen the legitimacy of public policies. Initially, evaluation can be experienced as annoying because it consumes time and energy. It may generate mistrust when interpreted as another type of administrative control, but when its culture is pervasive, it causes the actors involved to confront their daily action with external effects and take greater responsibility for results.

All these, in conclusion, make the evaluation, in addition to a cognitive process, to become a process of dynamization that promotes a relational culture and will have to coexist with other administrative cultures: legal-normative, managerial, economic. This dynamic capacity of evaluation has several types of effects: the motivation of the agents / actors involved, the more concrete delegation of responsibilities, the evolution of decision-making methods and the greater concern for public profitability. This capacity also becomes the biggest promoter and disseminator of the "evaluation culture" both for those who decide or propose evaluations and for those who lead and carry them out. Experience shows that the most successful evaluations are those that meet various purposes and uses in the public sector.

References

1. ALVIRA, F. Metodología de la evaluación de programas. In: Revista "Cuadernos Metodológicos" nr. 2, CIS. Madrid, 2002, pp. 5-23.

2. BALLART, X. Modelos teóricos para la práctica de la evaluación de programas. Madrid, Lecturas de Gestión Pública. 1996, pp. 323-349.

3. BRIGGS, S., RIMKUTE, E. Manual de monitorizare şi eavaluare a politicilor publice. Secretariatul General al Guvernului României.Bucureşti, 2009, pp.2-150.

4. BAÑÓN MARTINEZ, R. La evaluación de la acción y de las políticas públicas. Mardid, Ed. Díaz de Santos, 2003, pp.34-67.

5. CHANU, V. L'évaluation: affaire d'ètat ou question d'organisation. In: Politiques et Management Public, Paris, 2002, pp. 1-32.

6. CHELIMSKY, E., SHADIS, W. Evaluation for the 21 century. Thousand Oaks. SAGE Publications, 1997, pp.79-144.

7. FETTERMAN, D.M. Empowerment evaluation. California, SAGE Publications, 1996, pp.56-98.

8. HOWLETT, M.R. Studiul politicilor publice. Chișinău, Ed. Cartier, 2004.

9. HOGWOOD, W.B., GUNN, A. Lewis Introducere în politicile publice. Bucureşti, 2000.

10. HESPEL, V. L'avenir institutionel de l'èvaluation des politiques publiques. In: Politiques et Management Public. Paris, 2002, pp.51-65.

11. IAȚCO, M. Unele aspecte privind evaluarea politicilor publice în practica guvernării democratice. In: MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică) nr.3 (LXX), 2015, pp.41-46.

12. JOURDAIN, L. L'évaluation des politiques communautaires: légitimation et apprentissages nationaux. Cultures et Conflits, nº 28, 1997, pp.147-169.

13. LINDLOMB, Ch. Elaborarea politicilor. Bucureşti, Ed. Cartier, 2003.

14. POPESCU, L. Politici publice. Bucureşti, 2002.

15. WEIMER, D., VINIG, A. Analiza politicilor. Ediţia III. Chişinău, 2004.

CZU 32:001.895
DOI 10.5281/zenodo.3980551

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: СТРУКТУРА, СИСТЕМА, ПРИОРИТЕТЫ

Василий САКОВИЧ
Доктор хабилитат политических наук, профессор
Институт Международных Отношений Молдовы, Республика Молдова
e-mail: *113vs@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0002-9130-5285

В статье рассматривается государственная политика при формировании инновационного пути развития. Показано, что в инновационном диалоге во всех странах, ставших на путь инновационного развития, участвует схожий набор организаций – властно-государственных, научно-исследовательских и предпринимательских. Именно на основе конструктивного диалога этих структур Финляндия, Швеция, Сингапур, Южная Корея и др. страны смогли сформировать инновационную экономику, которая обеспечивает их успешное развитие. Отмечается, что решающим фактором успешности инновационного развития является правильно выбранная государственная инновационная политика.

В результате проведенного исследования автор показывает основные направления, приоритеты и систему государственной инновационной политики, которые позволяют сформировать эффективную национальную инновационную модель. Делается вывод, что для успешности инновационного развития недостаточно только вкладывать значительные средства в формирование инновационного потенциала, но также необходимо учитывать исторические и культурные традиции народа, обеспечивать развитие конкуренции, политического диалога, научного свободомыслия и предпринимательской инициативности.

***Ключевые слова**: государственная инновационная политика, система, структура, целенаправленная деятельность, инновационное развитие.*

POLITICA STATALĂ CA INSTRUMENT DE BAZĂ A DEZVOLTĂRII INOVAȚIONALE: STRUCTURĂ, SISTEM, PRIORITĂȚI

Articolul abordează politica publică în formarea unei căi de dezvoltare inovațională. Este demonstrat că, în dialogul inovator din toate țările care au pornit pe calea dezvoltării inovaționale, este implicat un set similar de organizații - puterea de stat, cercetarea și afacerile. Pe baza unui dialog constructiv al acestor structuri, Finlanda, Suedia, Singapore, Coreea de Sud și alte țări au format economii inovaționale care asigură dezvoltarea lor de succes. Se observă că factorul decisiv în succesul dezvoltării lor este o politică inovaționale aleasă corect.

În urma studiului realizat, autorul indică principalele direcții, priorități și sistemul politicii inovaționale de stat, care ar permite formarea unui model național eficient de inovație. Se concluzionează că, pentru succesul dezvoltării inovaționale, nu este sufficient doar să investești fonduri semnificative în formarea potențialului inovațional, ci este totuși necesar să se țină cont de tradițiile istorice ale oamenilor, să se asigure dezvoltarea concurenței, dialogul politic, gândirea științifică liberă și inițiativa antreprenorială.

***Cuvinte-cheie**: politica inovațională a statului, sistem, structură, activitate axată pe scop, dezvoltare inovațională.*

STATE POLICY AS A BASIC TOOL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT: STRUCTURE, SYSTEM, PRIORITIES

The article discusses public policy in the formation of an innovative development path.It is shown that in the innovation dialogue in all countries that have embarked on the path of innovative development, a similar set of organizations is involved - power-state, research and entrepreneurial.It was on the basis of a constructive dialogue of these structures that Finland, Sweden, Singapore, South Korea and others were able to form an innovative economy that ensures their successful development.It is noted that the decisive factor in the success of innovative development is a correctly chosen state innovation policy.

As a result of the study, the author shows the main directions, priorities, and the system of state innovation policy, which allows the formation of an effective national innovation model.It is concluded that for the success of innovative development it is not enough just to invest significant funds in the formation of innovative potential, but it is still necessary to consider the historical traditions of the people, to ensure the development of competition, political dialogue, scientific free thinking and entrepreneurial initiative.

Keywords: *state innovation policy, system, structure, purposeful activity, innovative development.*

LES POLITIQUES PUBLIQUES EN TANT QUE PRINCIPAL INSTRUMENT DU DÉVELOPPEMENT DE L'INNOVATION: STRUCTURE, SYSTÈME, PRIORITÉS

L'article examine les politiques publiques pour former une voie de développement novatrice. Il a été démontré que le dialogue sur l'innovation dans tous les pays qui sont sur la voie du développement de l'innovation implique un ensemble similaire d'organisations – pouvoirs publics, recherche et entreprises. C'est grâce au dialogue constructif de ces structures que la Finlande, la Suède, le Singapour, la Corée du Sud, entre autres, ont réussi à créer une économie innovante pour assurer leur développement. Il est à noter que les politiques publiques d'innovation appropriées sont un facteur déterminant du succès du développement de l'innovation.À la suite de cette étude, l'auteur montre les grandes orientations, les priorités et le système des politiques publiques d'innovation qui permettent de former un modèle national efficace d'innovation.

La conclusion est que pour réussir le développement de l'innovation, il ne suffit pas d'investir massivement dans le renforcement des capacités d'innovation, mais il faut encore tenir compte des traditions historiques et culturelles de la population, promouvoir la concurrence, le dialogue politique, la liberté de pensée scientifique et l'esprit d'entreprise.

Mots-clés*: politiques publiques d'innovation, système, structure, activités ciblées, développement innovant.*

В современный период в условиях смены технологического базиса и перехода от индустриальной цивилизации к сверхпроизводительной постиндустриальной, страны мира вынуждены реагировать на реалии четвертой промышленной революции и становиться на путь инновационного развития. Но, разрабатывая собственные инновационные модели, многие из них не только не достигли желаемой цели, но даже не получили качественного скачка в развитии. Только отдельным странам, например Сингапуру, Финляндии, Швеции, Южной Кореи, Китаю и другим удалось выстроить успешную государственную политику инновационного развития и сформировать эффективную национальную экономическую инновационную модель. В инновационном диалоге во всех странах, ставших на путь инновационного развития, участвует схожий набор организаций – властно-государственных, научно-исследовательских и предпринимательских. Но, особенностью этих успешных стран в инновационном развитии является то, что межсекторное взаимодействие в области инноваций всегда осуществляется при лидирующей роли государства.

Государство, как правило, при переходе на инновационный путь развития, на всех этапах и процессах формирования и развития инновационной экономики вырабатывает государственную инновационную политику, формирует новые инновационные институциональные структуры, институциональную среду, включающую образование, науку, предпринимательство, вырабатывает эффективные механизмы и инструменты государственного регулирования инновационной деятельности, обеспечения инновационной безопасности и др.

Для государства это важно, потому что инновационное развитие – это, прежде всего, политическая проблема, поскольку создание научно-исследовательских, экономических и властных институтов и обеспечение их эффективного функционирования – это *политическая задача* [3]. Более того, инновационное развитие меняет человека и сам характер общества. Поэтому, являясь феноменом, меняющим общество и перестраивающим баланс политических сил и интересов, инновационная деятельность выступает, прежде всего, объектом *государственной политики.*

Государственная политика – это целенаправленная деятельность органов государственной власти по решению общественных проблем, достижению и реализации общезначимых целей развития общества или его отдельных сфер. Она является средством, позволяющим государству достичь определенных целей в конкретной области, используя правовые, экономические, административные методы воздействия, опираясь на ресурсы, которые имеются в его распоряжении [2]. Основные государственные функция при развитии инноваций – создавать понятные и эффективные правила взаимодействия участников инновационного процесса и предоставлять гарантии в условиях значительных рисков инновационной деятельности. Другая, не менее важная задача государства – это определение приоритетов общества, без чего открытие новых путей решения проблем невозможно, какого бы свойства эти проблемы ни были.

Государственная политика инновационного развития представляет собой общий план действий политико-административных органов власти и управления, направленный на решение важных, влияющих на жизнь граждан общественных проблем, и включает в себя следующие элементы [14]:

• определение целей и приоритетов инновационного развития;

• разработку и планирование государственной инновационной стратегии;

• анализ и оценку затрат по альтернативным инновационным программам и политикам;

• обсуждение и консультирование;

• выбор и принятие государственных решений;

• мониторинг и оценка выполнения.

Существуют различные модели разработки государственной политики.

Модель «сверху – вниз» – решения принимаются на высших уровнях управления, а затем доводятся до нижних уровней.

Модель «снизу – вверх» – формирование политики начинается с нижних структур государственного управления, активно привлекаются общественные группы и организации.

«Смешанная модель» объединяет эти два подхода, когда существуют механизмы привлечения к разработке политики граждан и государственных служащих при сильном централизованном управлении [3].

Как правило успешные страны в инновационном развитии начинали с модели «сверху – вниз» переходя затем к «смешанной модели», развивая активность научно-исследовательских,

предпринимательских структур, деловых кругов, новаторов, общественности.

Обычно государственную политику разделяют по направлениям в зависимости от характера и содержания проблем и вопросов, которые необходимо решать органам власти в определенной сфере общественной жизни. В данном случае при переходе на инновационный путь развития государство вырабатывает инновационную политику.

Государственная инновационная политика представляет собой формы и методы государственного стимулирования инновационной деятельности с целью широкого внедрения научных исследований и разработок в конечный производственный результат – в новые конкурентоспособные виды продукции, новые технологические процессы, новые организационные решения [12]. В государственной инновационной политике главным является рациональное развитие и эффективное использование инновационного потенциала страны, повышение уровня конкурентоспособности и на этой основе увеличение благосостояния граждан, уровня и качества их жизни, изменение стандартов жизни в сторону демократизации и гуманизации общества, повышение уровня обеспечения национальной безопасности и сохранение государственного суверенитета, что, по нашему мнению, может быть достигнуто в современных условиях лишь при развитой инновационной экономике.

Для перехода на инновационный путь развития политика государства должна быть направлена на:

– разработку и совершенствование нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности и функционирования системы инновационной безопасности;

– создание системы комплексной поддержки инновационной деятельности;

– развитие инфраструктуры инновационного процесса и системы инновационной безопасности, включая систему информационного обеспечения, систему экспертизы, финансово-экономическую и производственно-технологическую поддержку, систему продвижения инновационных разработок, систему подготовки и переподготовки кадров;

– содействие повышению инновационной активности;

– ориентацию на всемерную поддержку базисных инноваций, составляющих основу современного технологического уклада;

– сочетание государственного регулирования инновационной деятельности с эффективным функционированием конкурентного рыночного инновационного механизма, защитой интеллектуальной собственности;

– содействие развитию системы национальной инновационной безопасности.

Важнейшим направлением государственной инновационной политики является, на наш взгляд, формирование и развитие стратегий инновационного развития. Представляется, что первым шагом должно стать ее научное обоснование и законодательное урегулирование – разработка соответствующих законов. Только в этом случае государственное регулирование стратегии инновационного развития будет эффективным. Начинать работу по формированию инновационных стратегий следует с создания законодательной основы государственного регулирования развития, в том числе в области высоких технологий, поскольку только четко выстроенная система способна придать государственной политике характер, резко снижающий опасность ее неверного понимания и применения.

Процесс формирования инновационной экономики, технологическая инновационная модернизация невозможны без *социальной*

*модернизации.*Очевидно, что инновационные преобразования не только трансформируют производительные силы общества, их мировоззренческие, психологические, политические взгляды, развитие личности, но и представляют собой центральное звено в системе социально-экономической, научно-технической, образовательной и культурной сферах [11, с.227]. В связи с этим государственная инновационная политика, должна носить комплексный характер реализации инновационных программ во всех направлениях: политическом, экономическом, научном, технологическом, производственном, социальном. Эти направления комплексно влияют на инновационные процессы, создают существенные стимулы и движущие силы для долгосрочного инновационного развития.

Государственная инновационная политика как одно из наиболее сложных направлений государственной политики требует в обязательном порядке смены управления: *реактивного метода управления* на метод *креативной* государственной координации, управления и контроля. То есть, в отличие от традиционного *реактивного управления*, как реакции на изменения, происходящие во внешней и внутренней среде управляемого объекта, управление инновационной деятельностью должно осуществляться *креативно*, как активное и целенаправленное воздействие на выбор цели, средств ее осуществления, адекватных выбранной цели, следует проявлять инициативу, конструировать новаторские идеи, управленческие решения и действия в преобразовании существующей действительности в перспективу возможного будущего, связанного с поставленными целями инновационного развития. Весьма важным для креативного управления, особенно в условиях формирования инновационного развития, является выход за пределы трафаретного мышления, нестандартные поиски инновационно-технологических решений, замена характерного для традиционного способа управления принципа единственного управленческого решения принципом множественности возможных решений (дивергентное мышление), исходящим из того, что в неравновесных, неустойчивых, нелинейно развивающихся системах, со свойственными им точками бифуркации и аттракторами, возможных управленческих решений – множество, из которых следует выбрать одно, наиболее адекватное и правильное [1, с.145].

Таким образом, в связи с ожидаемыми радикальными инновационными преобразованиями, стремительным развитием информационных технологий, искусственного интеллекта *креативное управление* становится ключевым элементом инновационного развития и инновационной деятельности.

Для государства весьма важным для соблюдения безопасности и поддержания устойчивости в условиях перехода к инновационной экономике является создание условий соблюдения *принципа экономической свободы*, который создает среду и стимулы для инновационного развития, защищает субъекты, дает им санкционированный системой доступ к общественным ресурсам, позволяя им тем самым переходить на более высокие уровни безопасности, устойчивости и определенности. Свобода субъектов упорядочивает экономическую структуру общества лишь благодаря тому, что с самого начала находится в определенных *ценностных и институциональных рамках* [10, с.117]. Иначе эта свобода в рыночных условиях инновационных преобразований превращается во взаимный произвол, в «игру без правил», ведущую экономическую систему к хаосу. Ф. фон Хайек так охарактеризовал эту «не поддающуюся непосредственному восприятию структуру»: «Все это становится возможным благодаря тому, что, подчиняясь определенным правилам

поведения, мы вписываемся в гигантскую систему институтов и традиций: экономических, правовых, нравственных» [15, с.1]. В данном случае экономика не отторгает инновации, а ищет их, включая в воспроизводственный цикл как важнейшее условие функционирования современных экономических инновационных систем. Экономическая свобода дает экономике в условиях перехода к инновационной экономике возможность функционировать в условиях высокой степени неопределенности, не утрачивая при этом своей целостности и идентичности, так как ценности, навыки и знания, полученные субъектами в порядке социального наследования, обучения и конкуренции, не просто ограничивают разброс траекторий их рыночного поведения, а делают эти траектории согласованными. Если субъект лишен ценностей или их не разделяет, то он не может рассматриваться как субъект данной системы в собственном смысле слова. Экономическая свобода дифференцирует субъектов по критериям способности к инновационным изменениям и необходимости изменений. Если субъект наделен этими атрибутами в относительно большей степени, то он становится активным носителем инновационного начала, новатором [10, с.118].

Выполнение институциональных государственных установок в условиях инновационных преобразований – это тоже позитивная экономическая свобода субъекта, то есть такая свобода, которая позволяет ему реализовать и развивать собственную социальную сущность, данную ему же в традициях и ценностях в рамках новых инновационных институтов. Именно подчинение правилам, соответствующим внутренним ценностям, сложившихся в стране, снимает отчуждение субъекта от этих правил, от системы институтов в целом.Это предполагает рассмотрение институтов и процессов в их соотнесении с системой базовых ценностей, определяющих степень функциональности этих институтов.

Институты инновационного развития вслед за Д. Нортом трактуются как «правила игры», формальные правила и неформальные нормы, которые выступают искусственными ограничениями, структурирующими политические, экономические и социальные взаимодействия в области инноваций. Примерами выступают законы, обычаи, традиции в сфере образования, проведения исследований, интеллектуальной собственности и т.д., которые устанавливают, воспроизводят и меняют соотношение сил в национальной инновационной системе.

Экономическая свобода является условием эффективного функционирования институтов государства при реализации задач безопасного и устойчивого инновационного реформирования экономики. Благодаря наличию хозяйствующих субъектов, которые свободны в инновационном выборе и в то же время признают авторитет общества и организующей роли государства, значительно повышается эффективность процесса государственного регулирования экономики и обеспечения инновационной безопасности в условиях неопределенности, которая всегда возникает при переходе к инновационному развитию.

Все это свидетельствует о том, что институциональные аспекты инновационной политики государства предоставляют широкие возможности институционального подхода для повышения безопасности и эффективности процесса формирования инновационной экономики.

Важным направлением государственной политики является *формирование научной системы генерации инновационных знаний*, которая предполагает обеспечение расширенного воспроизводства знаний как первый и важнейший этап инновационного цикла и системы инно-

вационной безопасности. Реализация данного этапа требует от государства сбалансированного решения двух задач:

– развитие системы научных и научно-исследовательских институтов и научного сообщества (среды), необходимых для генерации знаний;

– выбор и поддержка прорывных направлений в науке.

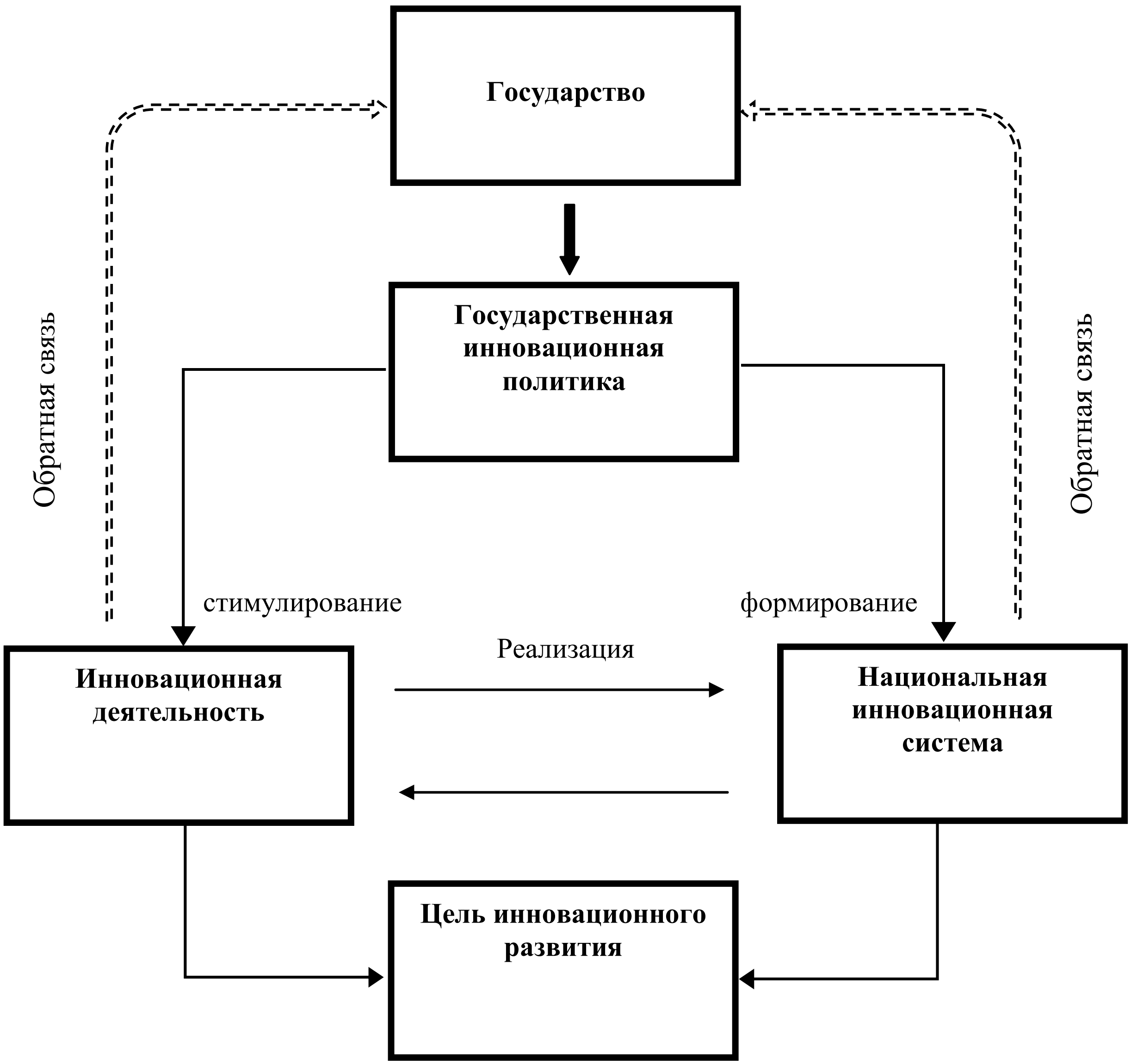
Например, Сингапур является государством, максимально ориентированным на применение новых технологий на всех уровнях экономики. Национальная система инноваций и предпринимательства (NFIE) – национальная программа развития инноваций и предпринимательства в Сингапуре. Она находится в ведении Национального исследовательского фонда, канцелярии премьер-министра. Значительные инвестиции в новые знания и технологии играют важную роль в экономическом росте, что помогает Сингапуру оставаться на верхних строчках в рейтингах стран по многим показателям.В ходе инновационного развития здесь на исследования и разработки тратилось около 2% от ВВП. Это ставит Сингапур в один ряд с такими наукоемкими странами, как Дания (3,1%), Тайвань (3,0%), Германия (2,9%), Швейцария (2,9%), Австрия (2,8%) и США (2,8%) [4,5, 19]. Государство оплачивает до 90% всех затрат за обучение и переподготовку кадров. Сингапурские предприятия могут нанимать нужного им специалиста из-за рубежа, а потом предъявлять счет на оплату его услуг государству [6].

В государственной инновационной политике важное значение имеет создание стимулирующей среды для разработки и внедрения инноваций: наукоградов, научно-технологических парков, научно-производственных центров, корпоративных учебных центров, инновационных центров, центров трансфера технологий, информационных и маркетинговых центров, центров коллективного пользования научным оборудованием, научно-технических библиотек, кластеров малого бизнеса, бизнес-инкубаторов для инновационных компаний, центров трансфера технологий при исследовательских институтах, специальных торговых площадок для инновационной сферы, особых налоговых зон, с предоставлением льгот и дотаций. Например, благоприятный инвестиционный климат, созданный в Сингапуре, ведущие места в рейтингах экономической свободы и стабильность экономики привлекли в страну все больше иностранных предпринимателей, что, безусловно, способствовало инновационному развитию.

Поэтому, государство при формировании государственной инновационной политики определяет специфику и ориентиры развития в области науки и инноваций, инновационного производства, инновационной инфраструктуры.

Государственная инновационная политика в своей структурно-функциональной взаимосвязи осуществляет практические действия по формированию национальныхинновационных систем, стимулирование инновационной деятельности, инновационного развития производства новых научных знаний, оказывает содействие в их распространении и применении в целях достижения целей инновационного развития (Рис. 1).

Рисунок 1. Государственная политика: структурно-функциональная взаимосвязь

<u>*Источник:*</u> [7, с. 178]

Государство стимулирует инновационную деятельность, которую с позиции системного единства можно представить в качестве интенсивной составляющей процесса общественного воспроизводства. Ее реализация осуществляется путем формирования или трансформации существующих: а) субъектов инновационной деятельности, б) отношений между ними и в) определяющих их развитие внешних воздействий. Совокупность двух первых элементов, обусловливающих реализацию инновационной деятельности, будет представлять собой национальную инновационную систему, внешней средой по отношению к которой в этом случае будут выступать институты общества и государства. Взаимоотношения же между всеми элементами данной системы в условиях рыночной экономики будут регулироваться механизмами *государственной инновационной политики* [13].

В целом *структуру государственной инновационной политики*, ее составляющие и цели можно представить следующим образом [7, с. 184] (см. Рисунок 2).

Важным методологическим вопросом, касающимся дефиниции инновационной деятельности, является определение ее целей и задач, необходимости детерминации ее границ, а, соответственно, и *государственной инновационной политики*, предназначенной для ее регулирования. *Инновационная деятельность* представляет собой взаимосвязанную совокупность образовательных, научных, технических, организационных работ по созданию инноваций и деятельность, направленную на использование результатов научных исследований и инновационных разработок в инновационных технологиях для изготовления инновационной продукции с последующей ее эффективной реализацией на внутреннем и внешних рынках. Основным источником инновационной деятельности являются новые научные, технологические, организационные и другие инновационные идеи, воплощаемые в новые технологические разработки, новые продукты и услуги, ориентированные на все возрастающие потребности. Поэтому инновационная деятельность для государства обладает большой социальной значимостью как важнейшее средство повышения эффективности экономической деятельности, уровня и качества жизни.

Инновационная деятельность предполагает непрерывное обновление знаний, технической и технологической базы производства, освоение и выпуск новой конкурентоспособной продукции, эффективное проникновение на мировые рынки инновационных товаров и услуг. Исходя из ее назначения инновационную деятельность следует рассматривать как процесс, направленный на создание, освоение и использование инноваций, реализуемый в границах инновационного цикла. Одним из основных показателей инновационной деятельности является *инновационная активность,* то есть интенсивность осуществления деятельности по разработке и вовлечению инноваций, новых технологий в конечный инновационный продукт.

Эффективность *государственной инновационной политики* зависит от развитости человеческого капитала, поэтому все усилия государства, в рамках проводимой политики, должны быть направлены на повышение его образовательного уровня и креативность. Человеческий капитал является главным фактором генерации инноваций. На каждом этапе жизнедеятельности человеческого общества, на базе совершенствования образования и науки постепенно накапливаются знания, формируется слой высокопрофессиональной научно-технической, управленческой и в целом интеллектуальной элиты, под началом

Рисунок 2. Структура государственной инновационной политики

Составляющие инновационной политики	**Цели инновационной политики**
Образование	• Формирование высокогообразовательногоуровня и качества человеческого капитала • Повышение духовно-нравственного и профессионально-образовательного уровня человека
Наука	• Производство новых научных знаний и открытий • Повышение наукоемкости экономики • Повышение уровня конкурентоспособности
Инновационная инфраструктура	• Формирование стимулирующей среды и благоприятного инновационного климата, новых инновационных организационных решений • Формирование системы прогнозирования эффективности инновационных проектов
Производственно-технологическая	• Обеспечение инновационной восприимчивости предприятий, создание инновационных структур, организаций и предприятий • Создание рынка наукоемкой инновационно-технологической и технической продукции
Маркетинг Сфера потребления	• Освоение инноваций, наукоемких нововведений • Использование инноваций, их высокого научно-технического, научно-технологического потенциала для социально-экономического развития, повышения жизненного уровня

Источник: [7, с. 184]

которой и совершается очередной рывок в развитии человечества. Причем этот процесс характеризуетсякак кумулятивный ивоздействуетнетольконаинновационную систему, но определяется как динамическая ко-эволюциязнания [16]. Таким образом, особая роль в генерации инноваций принадлежит высококачественному и креативному человеческому капиталу, который является главным драйвером инновационного развития экономики и общества. В связи с этим нельзя не согласиться с академиком Е.М.Бабосовым, который решающую роль в переводе «экономики и всех других сфер общественной жизни на инновационный путь развития» видит в «целенаправленной деятельности государства, предприятий, органов самоуправления, здравоохранения, культуры, науки, ориентированной на обеспечение *устойчивого инновационного развития*», целью которой должно стать, по его мнению, «формирование человека – гражданина» [1, с.18]. Действительно, с одной стороны, человек создает все более сложные технологические средства для упрощения выполняемых операций, а с другой, технологический уровень выдвигает все большие требования к обществу, к личности, егоуровню развития.

Поэтому переход на инновационный путь развития, как показывает опыт ведущих стран, должен осуществляться в едином русле с масштабными государственными инвестициями в человеческий капитал. Кроме того, важнейшим направлением органов государственной власти и управления, ориентированных на инновационное развитие, должно стать воспитание человека-гражданина, осознающего свою ответственность перед обществом, свою роль в преобразовании социального бытия, стремящегося к постоянному повышению духовно-нравственного и профессионально-образовательного уровня. В этом решающая роль в *государственной политике* принадлежит образованию, культуре и науке; именно на этих путях происходит максимальное саморазвитие и самореализация личности.

Таким образом, проведенный анализ, предыдущие исследования автора [7; 8; 9; 17; 18], подтверждаемые существующей практикой, показывают, что для интенсивного перехода к экономике знаний как никогда возрастает координирующая роль государства. Государство вырабатывает *государственную политику* инновационного развития, формируют *национальные инновационные системы*.

Инновационное развитие, базируясь, прежде всего, на образовании, науке, инновационных технологиях и компьютеризации, робототехнике и искусственном интеллекте все больше и больше становится доминирующей линией в развитии современной постиндустриальной цивилизации. Постоянное и непрерывное создание благоприятных условий инновационного развития, развитие инновационной деятельности являются одной из основных функций государственных институтов.

Государство в рамках государственной политики организовывает модернизацию инновационной инфраструктуры, формирует соответствующую экономическую среду, благоприятствующей рыночным инновационным трансакциям, создает финансовый потенциал долгосрочных инвестиций в образование и науку. Другими словами, эффективность перехода на инновационный путь развития зависит от степени эффективности функционирования инновационного механизма экономического развития, созданного государством в рамках проводимой им государственной инновационной политики.Так, например, инновационная модель Сингапура отличается преобладанием государственных организаций, тесно взаимодействующих с крупными компаниями, банками и другими деловыми структурами. В

Швеции по инициативе и при посредничестве государственных организаций сложилась продуктивно и слаженно работающая связка «университеты – бизнес». Участие и инициатива государственного сектора оказались решающими на начальном этапе инновационного развития, но впоследствии были естественным образом сведены к минимуму для оптимизации баланса сил в пользу деловых и научных организаций. В Финляндии решающее влияние на инновационную модель оказывают не только государственные, но и деловые организации, создающие различные формы частно-государственного партнерства и вовлекающие научно-исследовательские учреждения в инновационные взаимодействия [3]. Но и здесь все это происходит при лидирующей роли государственных структур.

Таким образом, главный вывод состоит в том, что инновационное развитие возможно лишь при определяющей роли государства, правильно выстроенной государственной инновационной политике, но при этом не менее важным является активное межсекторное взаимодействие между властно-государственными, научно-исследовательскими и деловыми структурами общества, что также определяется государственной инновационной политикой. Данное взаимодействие для формирования инновационной экономики требует развития демократических, конкурентных и переговорных практик. Это еще раз подчеркивает, что для успешности инновационного развития недостаточно только вложения значительных финансовых средств в формирование научно-исследовательского и инновационного потенциала (что немаловажно и необходимо), но еще необходимо и важно развитие конкуренции, политического диалога, научного свободомыслия и предпринимательской инициативности.

Библиография

1. БАБОСОВ, Е.М. Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры. Минск: РИВШ, 2010. С. 145.
2. Государственная политики: сущность, виды, механизмы разработки. // http://razlib.ru/politika/shpargalka_po_politologii/p35.php (дата обращения – 14.04.2020 г.).
3. НИКИФОРОВА, А.Э. Сравнительный политический анализ институтов инновационного развития на примере Сингапура, Швеции и Финляндии //http://www.diss.seluk.ru/av-politologiya/759109-1-sravnitelniy-politicheskiy-analiz-institutov-innovacionnogo-razvitiya-primere-singapura-shvecii-finlyandii.php (дата обращения – 15.04.2020 г.).
4. ПРОЗУМЕНТОВА, В.В., БЕЗНОВСКАЯ, В.В., ПРУСОВА, В.И. Риски выхода транспортных компаний на зарубежные рынки. // Автотранспортное предприятие,2016. №12. С. 49–51.
5. ПРУСОВА, В.И., БЕЗНОВСКАЯ, В.В., МИ ХАЛИШЕНА, Е.В. К вопросу о возможности использования опыта Индии в российской экономике. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2017. №4. С. 136–140.
6. ПРУСОВА, В.И., БЕЗНОВСКАЯ, В.В., ГУБЖОКОВА, Д.Х. Особенности экономическогоразвития Сингапура, http://economyandbusiness.ru/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-singapura (дата обращения 16.04.2020 г.).
7. САКОВИЧ, В.А. Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация. Кишинев, IRIM, 2017. С. 178.
8. САКОВИЧ, В.А. Национальная безопасность Республики Молдова в контексте современных процессов глобализации и интеграции: теория, методология, прикладной анализ. Учебно-методическое пособие. Кишинев, 2016. 570 с.
9. САКОВИЧ, В.А., КВИЛИНКОВА, Е.Н. Концепции и теории инновационного развития: политико-экономические аспекты. // MOLDOSCOPIE (Problemedeanaliză politică). № 4 (LXXV). Chișinău, 2016. С. 19–30.

10. САКОВИЧ, В.А., РУСНАК, Г.Е. Государство как ключевая институциональная структура инновационного процесса. MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). № 3 (LXXXVI). Chişinău, 2019.

11. САКОВИЧ, В.А., БЕНЮК, В.А., КВИЛИНКОВА, Е.Н. и др. Национальные интересы Молдовы в дискурсе исторических и современных вызовов: к 70-летию профессора В.А.Саковича. коллект. монография под ред. Бенюка В.А., Квилинковой Е.Н. - Кишинев, 2019 г. // Сакович В.А. Теоретическое обоснование концепта «инновационная безопасность». С. 227.

12. СОЛОТВА, В. Внешние источники финансирования инновационной деятельности украинских предприятий. // Бухгалтерский учет и аудит, 2006, № 11. С. 42–46.

13. ШАВЕЛЬ, А.В. Сущность понятия «инновация» как экономической категории // http://uecs.ru/logistika/item/2485--lr (дата обращения – 17.02.2017 г.).

14. ШАТАЛОВ, С.К. Государственная политика. // https://center-yf.ru/data/Yuristu/gosudarstvennaya-politika.php (дата обращения – 14.04.2020 г.).

15. ХАЙЕК, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Москва: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. С. 1.

16. NELSON, R. Technology, Institutions and innovation systems // Elsevier, 2002. P. 19.

17. SAKOVICI, V. Proceseleglobale in lumeamodernă (Глобальныепроцессысовременногомира). Chişinău, 2014. 326 c.

18. SAKOVICI, V. Uneleaspecte ale teorieiinovaţionaleşieconomieiinovaţionale. // Relaţiiinternaţionale Plus. Revistaştiinţifico-practică. № 1 (9). Chişinău, 2016. P. 68–81.

19. EREPORT.RU Мировая экономика. // URL: http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=singapore (дата обращения – 16.04.2020 г.).

CZU 32:[061.213+316.346.32-053.6(470+571)]
DOI 10.5281/zenodo.3980561

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Ирина СОРОКА
Кандидат философских наук, доцент
Орловский Государственный Университет имени И.С.Тургенева, Философский факультет, Кафедра общей и прикладной политологии, г. Орёл, Российская Федерация
e-mail: *shia_osu@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0003-1536-6745

В статье анализируются подходы к изучению понятия "молодёжь" как актора политических процессов. Общественно-политический процесс представляет собой сложное явление, которое включает в себя множество различных юридических и физических субъектов и акторов. Демократические тенденции, плюрализм мнений, разнообразие форм участия граждан, в том числе и молодых, в общественно-политической и духовной жизни и их институционализация позволяют говорить нам о существовании различных видов молодежных объединений и структур, призванных выполнять в обществе и государстве важные функции.

Ключевые слова: *актор, молодёжь, общественно-политическая система, государственная политика, общественные движения, власть.*

TINERETUL RUS ÎN CALITATE DE ACTOR AL PROCESULUI POLITIC

Articolul analizează abordările privind studiul conceptului de tineret în calitatea sa de actor în procesele politice. Procesul social-politic reprezintă un fenomen complex, care include multiple persoane juridice și fizice și diferiți actori politici. Tendințele democratice, pluralismul de opinii, varietatea formelor de participare a cetățenilor, inclusiv a tinerilor, la viața social-politică și spirituală și instituționalizarea lor, ne permit să vorbim despre existența diferitor tipuri de asociații și structuri de tineret, concepute pentru a îndeplini funcții importante în societate și stat.

Cuvinte-cheie: *actor, tineret, sistem social-politic, politici publice, mișcări sociale, putere.*

RUSSIAN YOUTH AS AN ACTOR IN POLITICAL PROCESS

The article analyzes approaches to the study of the concept of youth as an actor in political processes. The socio-political process is a complex phenomenon that involves many different legal and physical entities and actors. Democratic tendencies, pluralism of opinions, diversity of forms of participation of citizens, including young people, in socio-political and spiritual life and their institutionalization allow us to speak about the existence of various types of youth associations and structures designed to perform important functions in society and the state.

Keywords. *actor, youth, socio-political system, public policy, social movements, government.*

LA JEUNESSE RUSSE EN TANT QU'ACTEUR DU PROCESSUS POLITIQUE

L'article analyse les approches à l'étude de la notion de jeunesse en tant qu'acteur dans les processus politiques. Le processus sociopolitique est un phénomène complexe qui implique de nombreuses entités et acteurs juridiques et physiques différents. Les tendances démocratiques, le pluralisme des opinions, la diversité des formes de participati-

on des citoyens, y compris les jeunes, à la vie sociopolitique et spirituelle et leur institutionnalisation permettent de parler de l'existence de divers types d'associations et de structures de jeunesse conçues pour remplir des fonctions importantes dans la société et l'état.

Mots-clés: *acteur, jeunesse, système sociopolitique, politique publique, mouvements sociaux, pouvoir.*

Демократический вектор развития современного социума детерминирует включение в общественно-политическую жизнь в качестве активных и ответственных акторов, не только представителей зрелого и старшего поколения, но и молодежь. Успешная, высоко результативная демократизация всей общественно-политической системы Российской Федерации невозможна без участия молодежи, как субъекта аккумулирующего в себе политико-управленческий, социально-экономический, духовный потенциал страны. Участие молодых граждан в политическом процессе заметно обогащает политическую практику, способствует достижению большего разнообразия в формах и методах артикуляции мнений, отстаивания последних на всех уровнях власти.

Позиционируя молодежь в качестве актора политической жизни, крайне важно, по нашему мнению, проанализировать сущностные характеристики политического актора. Это позволит с большим основанием рассматривать молодое поколение как одного из главных и важных участников общественно-политической жизни, а также определить баланс субъектного и объектного начал.

Согласно справочной литературе, актором называют участника преобразований, движимого собственными мотивами и обладающего необходимым опытом [1]. В роли политического актора может выступать как отдельное физическое лицо (индивид, гражданин), общественная группа, а также организация и институт. Однако данная дефиниция не позволяет выделить сущностные характеристики политического актора как одного из ключевых компонентов публичной сферы. В связи с этим, автор счел необходимым обратиться к научным разработкам классиков политической и социологической наук.

Согласно рассуждениям Э.Дюркгейма, актор представляет собой некое подобие социального автомата, чьи мысли, поступки детерминированы не столько его волей, сколько скрытыми объективными структурами. Иными словами, индивид как актор общественно-политической жизни, его поведение, поступки, решения обусловлены принадлежностью к социальным, конфессиональным, возрастным, территориальным, культурным и иным общностям.

Несколько иную позицию относительно содержательных характеристик политического актора занимали представители социологии действия. Так, Л.Болтански и Л.Тевено акцентировали внимание научной общественности на логике поступков акторов, ценностях, нормах, интересах индивидов. В целом, сторонники указанного направления стремились избежать жесткого и неоправданного противопоставления общества и индивида, объективного и субъективного и т.д.

На сегодняшний день, индивид как политический актор воспринимается как субъект, вырабатывать различные модели, логические схемы поведения, мобилизовать имеющиеся ресурсы, а также использовать накопленный жизненный опыт и знания.

Российские политологи чаще всего используют термин «субъект политики», указывая на то, что в роли актора могут выступать, наряду с индивидами, коллективные и корпоративные субъекты.

М.Грачев понимает под индивидуальным политическим актором конкретную, отдельно

взятую личность, проявляющую в той или иной степени политическую активность и вступающую в определенное взаимодействие с политической действительностью [3, с.54].

К числу наиболее устойчивых дефиниций понятия «субъект политики» можно отнести следующие определения:

1) тот, кто принимает реальное участие во властном взаимодействии с государством, независимо от степени влияния на принимаемые им решения и характер реализации государственной политики;

2) источник политической активности направленной в определенном отношении или ситуации на те или иные политические объекты; активный участник политической жизни.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно выделить наиболее типичные черты политического актора:

- политическая активность;

- непосредственная вовлеченность в общественно-политическую практику;

- обладание определенными политическими, ценностными установками, приоритетами;

- готовность, способность вступать в различные (по формам, целям, направленности) коммуникации с институтами государственной власти и структурами гражданского общества.

Сложившееся, на сегодняшний день, многообразие политических акторов можно типологизировать следующим образом: индивидуальные и групповые политические акторы; неактивные (пассивные); конформисты; реформисты; активисты; протестующие [4, с.275].

Однако прежде, чем утверждать, что молодежь является политическим актором, необходимо, по нашему мнению, проанализировать наиболее важные черты, свойства и качества данной социально-демографической группы.

Молодежь как научная категория сложилась в ‘60-е годы прошлого века. Несмотря на неоднократные попытки ученых выделить особые, присущие только и исключительно молодежи свойства, качества, характеристики, разработка дефиниций термина «молодежь», которая должна отражать ключевые «параметры» данной социально-демографической группы, не завершена и сегодня.

Современные исследователи призывают не игнорировать следующие подходы в изучении молодежи:

1) исторический, в рамках которого молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, существующая в контексте определенных исторических явлений и событий;

2) комплексный подход, посредством которого анализ фактического образа жизни молодого поколения осуществляется в теоретической и эмпирической плоскостях;

3) социальный контекст существования молодежи постоянно меняется, следовательно необходимо выделить и изучить основные сценарии, модели, пути развития молодежи;

4) дифференцированный подход продиктован неоднородностью молодежи [2, 31].

В целом, понятие «молодежь» может рассматриваться с футуристических, культурологических, цивилизационных позиций. В данном контексте молодежь будет представлять собой органическую часть современного общества, несущую собой, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за сохранение и развитие страны, за преемственность ее культуры, истории и, в конечном счете – за выживание народов, как культурно-исторических общностей.

По мнению В.Г.Лисовского молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих общеобразовательные, профессиональные и культурные функции и подготавливаемые обществом к усвоению и выполнению социальных ролей [6, с.71]. Иными словами, автор рассматривает молодое

поколение исключительно с социологических позиций. Безусловно, общеобразовательные, культурологические функции, выполняемые молодежью крайне важны, однако игнорировать политическую роль и функцию молодежи, по нашему мнению, нельзя. Поэтому, дефиниция, предлагаемая В.Г.Лисовским, не дает целостного представления о молодежи как субъекте всего многообразия социальных, в том числе и общественно-политических отношений.

К сожалению, подобный «изъян» характерен и для многих другихдефиниций понятия «молодежь». Например, В.И.Добрынина акцентирует внимание на инфантильной природе молодых людей, которая предопределяет их роль, место в жизни социума. Согласно мнению исследователя, молодежь – это физически и духовно не окрепшая возрастная группа, она вступает в жизнь, становится, но еще не стала материально независимой, самостоятельной группой, не окончила процесс социальной адаптации, не сформировала систему социальных ценностных ориентаций [6, с.71]. Безусловно, указанные характеристики объективно присутствуют в психологическом и социальном образе молодого человека, но следует помнить, что молодежь – это наиболее динамичная, мобильно развивающаяся часть социума, способная на решительные, ответственные поступки и действия. Многие события из политической истории России являются доказательством этого.

Одна из наиболее объемных дефиниций понятия «молодежь» принадлежит российскому ученому А.А.Поликанову, который рассматривает данную социально-демографическую группу, как «объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная общественная группа» [6, с.73]. В приведенном определении автор справедливо упомянул о возрастных границах молодежи, при этом, не конкретизируя их, в дальнейшем.

А.А.Поликанов связывает биологическую и социальную природу молодежи с конкретно-историческим контекстом жизнедеятельности социума. Подобный подход, на наш взгляд, является абсолютно оправданным, так как изучать, анализировать молодое поколение, игнорируя общественно-политические, социально-экономические реалии, в которые она включена, нельзя.

Анализируя термин «молодежь» практически все исследователи (российские и западные) вынуждены затрагивать вопрос о возрастных параметрах этой социально-демографической группы. По мнению социологов, именно паспортный, не биологический (физическое состояние человеческого организма), социальный (время включения человека во взрослую жизнь и наделение его правами и обязанностями взрослого человека) или культурный (индивидуальный выбор определенного стиля жизни и социального окружения) возраст является определяющим в идентификации молодого человека. Помимо этого, возрастные границы задаются в соответствие со сроками наступления определенных социальных возрастов в каждой исторической эпохе. Это связано как с характеристиками трудовой деятельности, так и с продолжительностью человеческой жизни.

В настоящий период времени ведущие социологические и психологические научные школы Запада и России не пришли к однозначному мнению о возрастных параметрах молодежи. В целом, рассматривая нормативные документы Российской Федерации, необходимо отметить, что молодежь определяется возрастом от 14 до 30 лет включительно; нижняя возрастная граница определяется тем, что наступает физическая зрелость, то есть молодым гражданам можно заниматься трудовой деятельностью; верхняя возрастная граница обусловлена важнейшими событиями жизненного цикла человека: завершение общего образования и получение специального высшего образования,

начало трудовой, профессиональной деятельности, служба в армии, вступление в брак, рождение детей и пр.

Возвращаясь к вопросу о дефинициях понятия «молодежь», нельзя не отметить определенную «привязанность» исследователей к социальным и политическим трактовкам при игнорировании политической компоненты в понимании сущности молодого поколения и, как следствие, той роли, которую могут исполнить молодые граждане. Так, А.И.Ковалев и В.А.Луков видят в молодежи «особую социально-демографическую группу, которую составляют люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, то есть объективно связанные на определенном этапе своей жизни переходом от преимущественного свойства быть объектом социализации к преимущественному свойству быть активным началом социальной реальности» [2, с.31].

В рамках изучения заявленной темы наиболее «удачными», по мнению автора, являются следующие дефиниции:

1) молодежь – «ресурс власти, объект ее воздействия для достижения определенных политических целей»;

2) молодежь – один из акторов в общественно-политической жизни страны, деятельность которого в значительной степени определяется социальным положением в обществе;

3) молодежь – особая социально-демографическая группа, ментальная система и принципы деятельности которой находятся в периоде активного становления и трансформации, что, в свою очередь, обуславливает поливариативность поведенческих реакций на события общественно-политической жизни.

Обобщив вышесказанное, автор счел возможным рассматривать молодежь в качестве одного из важнейших акторов общественно-политической жизни, поскольку она отличается активностью и мобильностью, наличием определенной аксиологической системы, в соответствии с которой определяет, разрабатывает и реализует цели, модели своего политического поведения.

Не вызывает сомнений и то, что молодые граждане являются носителями как конструктивного, созидательного начала, так и деструктивных черт. Последнее обстоятельство сказывается не только на выборе поведенческой стратегии молодежи, но и оказывает непосредственное влияние на дифференциацию молодого поколения.

Согласно исследованиям И.Н.Кольжановой в молодежной среде можно выделить:

1) группу «инноваторов». Она включает в себя примерно пятую часть всей молодежи, которая разделяет следующие установки: оптимистическое видение будущего; улучшение жизни полностью зависит от самого человека, в том числе и молодого; рынок, его механизмы и возможности являются важной компонентой достижения свободы, финансовой независимости и благосостояния;

2) группа «традиционалистов» не разделяет убеждений о необходимости радикальных общественных преобразований, является противницей переписывания, очернения истории, а также изменений в структуре и деятельности политической системы.

3) группа «неопределившиеся». Эта кагорта молодежи убеждена в отсутствии побудительных мотивов к социальной реальности. Основные настроения, доминирующие в этой группе-разочарование, вызванное ухудшение жизни; неверие в собственные силы и возможность раскрыть свой потенциал в условиях рынка;

4) четвертая группа является носителем особого синдрома «эмигранта»;

5) «маргиналы» - та часть молодых граждан, которая увеличивается численно (особенно в последнее время) и отличается асоциальным, аполитичным, аморальным образом жизни.

Несмотря на столь неоднозначные оценки молодого поколения, последнее, в целом считает себя главным фактором устойчивого развития России (68,4%), одной из движущих сил коренных преобразований в социуме – 53,7% [5, с.16].

Таким образом,молодежь, будучи актором политической жизни является носителем противоречивых установок и характеристик, которые должны учитываться как при разработке и реализации молодежной политики, так и усилий со стороны институтов государственной власти и структур гражданского общества.

Обобщив вышесказанное, считаем необходимым подчеркнуть следующее: общественно-политический процесс представляет собой сложное явление, которое включает в себя множество различных юридических и физических субъектов и акторов. Одним из субъектов общественно-политического процесса является молодежь и созданные по ее инициативе объединения и организации, которые зачастую являются формой практической реализации общественной, политической, культурной активности молодых граждан. Демократические тенденции, плюрализм мнений, разнообразие форм участия граждан, в том числе и молодых, в общественно-политической и духовной жизни и их институционализация позволяют говорить нам о существовании различных видов молодежных объединений и структур, призванных выполнять в обществе и государстве важные функции. Многообразие этих видов позволяют утверждать о существовании разнообразных, непохожих и неоднородных интересов в молодежной среде, которые и предопределяют существование различных типов молодежных объединений, организаций и структур.

Современная наука (политология, социология, юриспруденция) рассматривает не только проблему участия молодежи в общественно-политической жизни социума, но и пристально исследуют вопрос об особенностях дефинирования термина «молодежь». К сожалению, единого, универсального определения указанного термина все еще не выработано. Ученые акцентируют внимание либо на биологических, либо на возрастных или социальных характеристиках молодежи. Разумеется, каждая из обоснованных, аргументированных точек зрения по данному вопросу имеет право на существование. Однако отсутствие единой дефиниции не способствует формированию целостного непротиворечивого толкования категории «молодежь».

Рассматривая молодежь в качестве актора общественно-политического процесса современные исследователи фокусируют внимание на качественных характеристиках данной социально-демографической группы. К числу наиболее приоритетных относят социальный статус молодых людей, особенности сознания, обусловленные социальными и психолого-возрастными характеристиками.

Библиография

1. Актор. Общественные науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. Дата доступа: 10.06.2016.

2. ВОЛКОВА, Е.В. Политическое участие молодежи как объект современного научного дискурса. / Е.В.Волкова // Формирование человека новой эпохи. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: ООО «Гамма», 2012. – С. 31.

3. ГРАЧЕВ, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. Москва: Прометей, 2006. – 328 с.

4. ЗАХАРОВ, С.М. Студенчество как политический актор: теоретические модели. / С.М.Захаров // Известия Тульского государственного университета. – 2011. - №2. – С.272-279.

5. КОЛЬЖАНОВА, И.Н. Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / И.Н. Кольжанова. Ростов-на-Дону, 2006. – 28 с.

6. МАКСИМЕНКО, А.А. Стратегии экономического поведения российской молодежи / А.А. Максименко. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2009. – 208 с.

CZU 316.42:321.02
DOI 10.5281/zenodo.3980567

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Наталья СТЕРКУЛ
Доктор политических наук, доцент
Молдавский Государственный Университет, Факультет Международных Отношений, Политических и Административных наук, Департамент Международных отношений, Республика Молдова
e-mail: *naliast@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0001-8807-6429

В статье рассматривается история модернизационных процессов в общественно-политической практике мира. Автор анализирует теории модернизации, мнения исследователей об особенностях модернизационных процессов и основных проблемах, с которыми сталкиваются государства, взявшие на себя обязательства перед трансформацией. Обращается внимание на концептуальные основы процессов модернизации: концепции эволюционизма, диффузии, современные теории социокультурной динамики. Политическая модернизация может рассматриваться как процесс изменения политической системы. Основными направлениями процессов политической модернизации являются: изменения в политической системе, стабилизация политических отношений, институциональная адаптация к современным реалиям и вызовам, устойчивый экономический рост и демократия. Государства проходят процесс модернизации в соответствии со своими целями, задачами и уровнем развития. Концепция политической модернизации является одним из ключевых понятий в приближении политических договоренностей. Данный процесс стремится охватить эти структурные преобразования в политических сферах современных обществ, которые имеют или могут иметь последствия для повседневных политических практик. В свою очередь, развитие определенных политических практик может способствовать или противоречить этим структурным изменениям.

***Ключевые слова**: модернизация, реформы, прогресс, социально-политическая теория, политическая система, мировое развитие.*

DESPRE EXPERIENȚA ISTORICĂ A PROCESELOR DE MODERNIZARE ÎN PRACTICA SOCIAL-POLITICĂ MONDIALĂ

Articolul examinează istoria proceselor de modernizare în practica social-politică a lumii. Autorul analizează teoriile modernizării, opiniile cercetătorilor cu privire la particularitățile proceselor de modernizare și principalele probleme cu care se confruntă statele care s-au angajat pe calea transformării. Se acordă atenție bazei conceptuale a proceselor de modernizare: conceptele de evoluționism, difuzie, teorii moderne ale dinamicii socio-culturale. Modernizarea politică poate fi considerată ca un proces de schimbare a sistemului politic. Principalele direcții ale proceselor de modernizare politică sunt: schimbările sistemului politic, stabilizarea relațiilor politice, adaptarea instituțională la realitățile actuale și provocările moderne, creșterea economică durabilă și democrația. Statele trec printr-un proces de modernizare în conformitate cu obiectivele și nivelul lor de dezvoltare. Conceptul de modernizare politică este una dintre noțiunile cheie în abordarea aranjamentelor politice. Ea încearcă să surprindă aceste transformări structurale

în domeniile politice din societățile contemporane, care au sau pot avea consecințe asupra practicilor politice de zi cu zi. La rândul său, evoluțiile din cadrul anumitor practici politice pot contribui sau contrazice aceste transformări structurale.

Cuvinte-cheie: *modernizare, reforme, progres, teoria social-politică, sistem politic, dezvoltare mondială.*

ON HISTORICAL EXPERIENCE OF MODERNIZATION PROCESSES IN WORLD SOCIAL AND POLITICAL PRACTICE

The article examines the history of modernization processes in the world's social and political practice.The author analyzes the theories of modernization, the researchers' views on the peculiarities of modernization processes and the main problems faced by the states that have embarked on the path of transformation. Attention is paid to the conceptual basis of modernization processes: concepts of evolutionism, diffusionism, modern theories of socio-cultural dynamics. Political modernization can be regarded as a process of changing the political system. The main directions of the political modernization processes are: the changes of the political system, stabilization of political relations, institutional adaptation to the current realities and modern challenges, sustainable economic growth and democracy. States are going through a process of modernization in accordance with their goals, objectives and level of development. The concept of political modernisation is one of the key notions in the policy arrangements approach. It tries to capture those structural transformations in political domains in contemporary societies, which have or may have consequences for day-to-day policy practices. In turn, developments within certain policy practices may contribute to or contradict these structural transformations.

Keywords: *modernization, reforms, progres, socio-political theory, political system, world development.*

SUR L'EXPÉRIENCE HISTORIQUE DES PROCESSUS DE MODERNISATION DANS LA PRATIQUE SOCIO-POLITIQUE MONDIALE

L'article examine l'histoire des processus de modernisation dans la pratique sociale et politique du monde.L'auteur analyse les théories de la modernisation, les points de vue des chercheurs sur les particularités des processus de modernisation et les principaux problèmes rencontrés par les États qui se sont engagés sur la voie de la transformation.Une attention particulière est accordée à la base conceptuelle des processus de modernisation: concepts d'évolutionnisme, diffusionnisme, théories modernes de la dynamique socio-culturelle. Modernisation politique peut être considérée comme un processus de changement du système politique. Les principales orientations des processus de modernisation politique sont: les changements du système politique, la stabilisation des relations politiques, l'adaptation institutionnelle aux réalités actuelles et aux défis modernes, la croissance économique durable et la démocratie. Les États traversent un processus de modernisation conformément à leurs buts, objectifs et niveau de développement. Le concept de modernisation politique est l'une des notions clés de l'approche des arrangements politiques. Il tente de saisir ces transformations structurelles dans les domaines politiques des sociétés contemporaines, qui ont ou peuvent avoir des conséquences sur les pratiques politiques quotidiennes. À leur tour, l'évolution de certaines pratiques politiques peut contribuer à ces transformations structurelles ou les contredire.

Mots-clés: *modernisation, réformes, progrès, théorie sociopolitique, système politique, développement mondial.*

Категория «модернизация» стала частью современной социально-политической теории после Второй мировой войны. Постепенно она стала представлять собой термин, который использовался для фиксации политической и экономической стратегии, направленной на изменение технологических, хозяйственных и социально-политических условий функционирования общества с целью придания ему большего социального динамизма, политической транспарентности и повышения

экономической конкурентоспособности. Появление этого понятия в годы трансформаций исторического масштаба обусловило его «общий» характер и тесное вплетение термина «модернизация» в контекст теории развития.

Первые исследования по проблемам модернизации охватывали государства Южной и Восточной Европы, которые в середине XX века объективно рассматривались как страны, обладавшие потенциалом для быстрого общественного развития в послевоенные годы. В целом, в 1950-е и 1960-е гг. исследования модернизации развивались в двух направлениях. Одни ученые разрабатывали теорию развития в контексте смены фаз и этапов институциональной зрелости того или иного общества. Другие исследователи сосредоточились на изучении механизмов и методов распространения зарубежного опыта на страны и регионы, еще не знавшие индустриального хозяйства. Анализ процессов развития западных обществ лег в основу «стадиальных» теорий экономического прогресса, связанных с именами таких известных ученых как У. Ростоу, Г. Кан и Д. Белл. Важнейшим вкладом данных авторов в дискуссию о модернизации можно считать обоснование ими естественного характера экономического развития и его связи с социальными и политическими сторонами жизни общества. На основании чего, они пришли к выводу о том, что экономическое развитие отличается высокой степенью последовательности и «перепрыгивание» через его отдельные стадии невозможно.

Значительный вклад в теорию модернизации, внесли исследователи, обратившие внимание на особенности развития «не-западных» обществ. Понятие «модернизация» использовалось ими в первую очередь в контексте исследования перехода традиционных обществ к той политической модели, которая была описана в трудах исследователей в качестве идеально-типической [3, с.12]. Эпоха сущностного наполнения категории «модернизация» была периодом, когда в мире доминировали оптимистические настроения, вызванные верой в возможности науки и техники. Позже исследователи модернизации приходят к пониманию того, что в современном мире возможна исключительно догоняющая модель модернизации. Данное мнение подкреплялось аргументами о том, что модернизация обозначает процесс преодоления той или иной страной своего экономического и социального отставания от так называемых «лидеров». «Лидеры» задают уровень, своей активностью они формируют и практикуют «оптимальный вариант» развития.

Обращаясь к оценке исторических вариаций модернизации, следует подчеркнуть, что ни крупные социальные потрясения, ни даже реформистские преобразования в различных сферах общественной жизни не могут служить примерами, из оценки которых можно извлечь уроки для нынешнего этапа исторического развития. «Старые модернизации» протекали в условиях, слишком отличных от нынешних, и преследовали иные задачи, нежели те, на которые мы ориентируемся сегодня. Например, модернизации второй половины XX в. можно охарактеризовать как «дружеские» по отношению к западному миру. Если задачей прорыва в начале столетия часто ставилось создание «противовеса» ведущим державам, то в его второй половине об этом не шло и речи. Некоторые модернизировавшиеся государства были вообще лишены ряда компонентов политической субъектности (Япония или Германия в первые послевоенные годы), другие находились в состоянии критической зависимости (Южная Корея, Тайвань, и т.д.), третьи осознанно выбирали западный путь развития из-за его экономической эффективности.

Модернизации 1960−1970-х гг. стали классическими примерами. Их задачей выступало пре-

вращение той или иной страны в промышленно развитое государство; обеспечение изменения структуры труда в соответствии с тогдашними мировыми тенденциями; использование различных источников инвестиций; вывод индустриальной продукции на мировые рынки и завоевание заметной доли этих рынков; усовершенствование инфраструктуры и т.д.

Для модернизации необходимо, *с одной стороны*, реформирование ранее существовавших институтов, норм и практик; *с другой стороны* − ускоренное накопление капитала и использования имеющихся ресурсов для нужд развития [7, с.21]. Оба эти обстоятельства предопределяют мобилизационный характер модернизации; она не может происходить в «спокойных» условиях и именно поэтому для ее реализации требуется главенствующая роль государства. В свою очередь, главной задачей последнего выступает определение ключевых направлений стратегического развития.

Исходя из всего вышесказанного, модернизации могут быть только «догоняющими», так как их цель − в перспективе сделать возможным переход страны к нормальному, немобилизационному типу развития. Модернизации последней трети XX в. начинались в условиях, когда ведущие глобальные игроки уже переросли индустриальный этап развития и не были склонны к дальнейшим мобилизациям. Успешная модернизация - это та, которая исключает в будущем необходимость все новых и новых модернизаций. Модернизации предполагают широкие и масштабные заимствования, прежде всего технологий. Разумная политика заимствований предполагает объективное сравнение имеющихся возможностей и их зарубежных аналогов и подчинение политики целям минимизации организационных издержек на «перевооружение производства».

История свидетельствует, что модернизации способны изменить положение страны, но практически ни при каких обстоятельствах не могут выдвинуть ее на первые позиции среди стран, относящихся к постиндустриальному миру. Постановка нереалистических задач способна сыграть злую шутку с «модернизаторами», отвратив граждан от их проекта. Поэтому для эффективной реализации модернизационного проекта государствам необходимо новое осмысление категории «модернизация» с учетом появления все большего количества новых факторов мирового развития.

Модернизация – макропроцесс перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерности. Сегодня понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях: как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени; догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать; процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), т.е. модернизация как некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу.

Под модернизацией понимают разнообразные процессы догоняющего развития в менее развитых или развивающихся обществах, модернизации как реакции на вызов западной цивилизации модерности, на который каждое общество дает или не дает ответ в соответствии со своими принципами, структурами и символами, заложенными в результате длительного развития [2, с.15]. В этом значении термин «модернизация» относится к слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. В этом случае

понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества.

Модернизация рассматривается как процесс инновационных трансформаций наиболее развитых стран Европы и Северной Америки, которые первыми начинали процесс модернизации и давно укоренились в модерности. На тему перехода к постиндустриальному обществу существует корпус работ, в частности Д. Белла, Дж. К. Гелбрейта, Р. Иглегарта, Ф. Фукуямы, Ч. Хэнди, Л. Туроу, В. Л. Иноземцева.

Известный американский политолог Р.Нисбет, обобщая взгляды классиков социально-политической мысли на прогресс, формулирует мнение о том, что в целом классическую концепцию можно рассматривать как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движения по пути к более высоким уровням цивилизации. В этом случае теории модернизации являются частным проявлением парадигмы прогресса.

Все государства проходят через процесс модернизации в соответствии со своими целями, задачами и уровнем развития. Важнейшим условием политической модернизации (и модернизации вообще) является стабильность, но источник модернизации – конфликт между социальной мобилизацией, включающей население в политическую жизнь, и институционализацией, т.е. наличием определенных институтов и структур артикуляции и агрегирования их интересов. Отсюда важным критерием политической модернизации (что представляет особый интерес) является характер правящей элиты, ее заинтересованность в увеличении срока пребывания у власти и снижение уровня внутренних волнений, т.е. из этого следует, что главный вопрос политической модернизации – соответствие преобразований интересам элиты.

Эволюционный путь политической модернизации предполагает наличие компетентных политических лидеров, соглашение с оппозицией, выделение качественно различных этапов в процессе реформ с конкретными целями и приоритетами, выбор времени для проведения успешных реформ, диалог с населением. Следует отметить, что модернизация – не только прогресс, но и проблематичность процесса, содержащего противоречия и опасности нестабильности. Типичные: «анклавность» современного сектора в обществе, верхушечный характер модернизации, раскол между модернизационно и традиционно настроенными слоями, диспропорции между городом и деревней, отрыв реформаторской политической элиты от масс [6, с.246-247].

Диффузионисты (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер) трактовали процессы развития, а некоторые их последователи и процессы модернизации, как преимущественно диффузионные, а не эндогенно-эволюционные по своей природе [3, с.18]. В отличие от трактовки модернизации как спонтанной тенденции, эволюции, саморазвивающейся «снизу», диффузионисты полагали, что он начинается и контролируется «сверху» интеллектуальной и политической элитой, которая стремится преодолеть отсталость своей страны с помощью планируемых, целенаправленных действий. Диффузия выступает в качестве механизма модернизационных изменений.

Современные концепции многолинейной социо-культурной динамики базируются на сравнительно-историческом исследовании культур и цивилизаций. Утверждение цивилизационного подхода во многом связан со взглядами западников (А. Тойнби, С. Хантингтон), которые своими воззрениями обусловили отход от формационного метода к теории цивилизации. Этот переход оказался достаточно продуктивным и широко использовался для утверждения идеи многофакторности и многолинейного историче-

ского процесса, особой значимости культуры в цивилизационной динамике.

Концептуальной основой модернизационных процессов являются различные идеи всемирно-исторического процесса: концепции эволюционизма, диффузионизма, современные концепции многолинейной, социально-культурной динамики, структурно-функциональные концепции развития сложноорганизованных систем. Тем не менее, процессы модернизации связываются с переходом от традиционалистских обществ к модернизационным. Проблема отхода от традиционного бытия к модернизации обосновывается в данных концепциях как проблема формирования современного общества в любом из государств под влиянием социально-культурных связей с развитыми центрами рыночно-индустриальной культуры.

Определяющим в процессе анализа модернизации как модели глобального развития является исторический подход, который позволяет отчетливо проследить характерные черты и особенности модернизационных процессов в развитых странах в конце XX века. В большинстве стран в данный период времени Запада сформировалась модель социально-экономического и политического устройства, получившая название «государства всеобщего благоденствия». Концепция государства всеобщего благоденствия основывалась на принципах равенства возможностей, справедливого распределения национального дохода и ответственности общества за уровень жизни тех людей, кто был не состоянии обеспечить себя самостоятельно. Одними из основных его характеристик стали высокий уровень жизни и социально-ориентированное государство, которое взяло на себя обширные функции в социальной сфере: регулирование трудовых отношений, социальное обеспечение нуждающихся слоев населения, поддержка здравоохранения и образования, реализация программ жилищного строительства. В политической практике социального государства правящая элита стран Запада сумела воплотить идею компромисса различных социальных сил и, прежде всего, компромисса между наемными работниками и собственниками. Государство всеобщего благоденствия явилось важным элементом в становлении на Западе развитого индустриального общества. Оно не только заложило стандарты материальной обеспеченности и уровня жизни, но и сделало социальные программы непременным направлением деятельности государства, необходимость которого признается сейчас всеми политическими партиями и движениями.

Германия, чьи интересы в настоящее время связаны с сохранением единства в рамках ЕС и продвижением идеи европейской интеграции, прошла довольно длительный путь внутренних преобразований и реформ. Процессам модернизации отведена важная роль в развитии государства. Внутренняя стабильность германской демократии во многом связана с «экономическим чудом» и социальной политикой, ставшие основой модернизационных процессов конца XX века. Благодаря этому, Германия сегодня считается одной из процветающих стран Европы. Развитая экономика и высочайшие социальные стандарты во многом были обусловлены реорганизацией системы государственного управления.

В ведущих странах ЕС можно выявить схожие компоненты реформ, что позволяет говорить о транснационализации административного реформирования. В определенной степени это объясняется тем, что приблизительно одинаковый уровень социально-экономического развития, политической организации европейских государств породил некоторые общие направления решения административно-государственных проблем. Можно выделить несколько основных направлений административных реформ в ведущих странах ЕС: информатизация и дебюрократизация, новый

менеджеризм, децентрализация (деконцентрация, аутсорсинг), приватизация и введение экономических элементов регулирования управленческих процессов, сервисное администрирование, корпоративизм и неокорпоративизм [4, с.131].

Реформы управления в Великобритании всегда рассматривались в контексте деятельности правящей партии и кабинета, ответственных за общий политический климат в стране, предлагаемую идеологию, концепцию изменений и цели развития. Это нашло отражение в исследовательских подходах, позволяющих не ограничиваться анализом местного управления в период правления той или иной политической партии или лидера и фокусировать внимание на сравнении контекстов, например, послевоенного кейнсианского государства всеобщего благополучия, дерегулируемой экономики М.Тэтчер и Дж. Мейджора, смешанного «третьего» пути при новых лейбористах и Э. Блэре.

Французскую модернизацию можно условно разделить на три этапа, которые характеризуются разной степенью активности и влияния интеллектуалов на власть [8, с.8]. Для первого этапа характерно сильное влияние социалистических идей на процесс экономической модернизации страны. Второй этап обусловил отход от чисто экономических реформ и переход к политике совмещения экономической и политической модернизации общества. Это явно выразилось в целях нового этапа модернизации, а именно: устранение сохранившихся монополий в ряде национальных рынков и укрупнение промышленно-финансовых групп, попытка достижения классового согласия в обществе, равномерное экономическое развитие всех регионов страны. Третий этап связан с нарастающими противоречиями в обществе. С развитием экономики увеличился разрыв между богатыми и бедными, и одновременно с этим началось формирование среднего класса. Как следствие - наблюдалось стремительное превращение Франции в постиндустриальное общество [1, с.8-9].

Реформы явились основным механизмом развития институтов не только в европейских государствах, но в одном из наиболее потенциально сильных и развитых государств на мировой арене – США. В середине XX века в США пришли к выводу, что демократия является кульминацией процесса экономического роста и социального развития. Руководствуясь демократическими постулатами, удалось добиться стабильности американской политической системы. На это существенное влияние оказали различные сопутствующие факторы. Среди них: характер американского народа, действие культурных, социальных и экономических факторов, а также конституционная структура и уникальная комбинация – сильный Конгресс и сильный Президент.

Стабильность президентской системы США обусловлена уникальной законодательной структурой, составляющей сердцевину этой системы. Некоторые специфические качества Конгресса позволяют американской политической системе избегать нестабильности, которая присуща другим президентским системам. Более того, Конгресс может содействовать укреплению политической стабильности посредством сдерживания сил, требующих изменений, путем поощрения политической отзывчивости” и расширения подотчетности исполнительной ветви власти, да и сам Конгресс может проявлять «отзывчивость» хотя бы чисто символически. Творцы Конституции США постоянно думали о политической стабильности. «Стабильность в управлении, - писал Дж. Мэдисон, – является главным в национальном характере». Поэтому они остановили свой выбор на сбалансированной власти, когда законодателей сдерживают сильные исполнительные ведомства. Устойчивая стабильность президентской системы

США вопреки частым тупиковым ситуациям является продуктом политической среды, характеризующейся, как и во времена после ратификации Конституции, слабым политическим участием и умеренными политическими требованиями.

Исторически модернизация – понятие не современное, а всевременное. В человеческой истории модернизировалось (совершенствовалось в соответствии с вызовами времени) все, везде и всегда – даже тогда, когда люди рвались в "светлое прошлое". Модернизация существует и как естественно-историческое явление, и как химера людского воображения [2, с.17].

Основополагающей целью теорий модернизации выступает анализ конкретных моделей развития, выявление универсальных предпосылок экономического роста и тенденций общественно-политических и духовных изменений. Создание такого рода условий предполагает техническое преобразование материального бытия, основанного на рыночной рациональности. Нормой развития как правило считают обобщенные черты общественной жизни, которые отвечают западным ценностям и критериям рациональности, эффективности и производительности. Отсюда и происходят понятия: «вестернизации», «европеизации», «глобализации». Проникновение этих идей в массовое сознание вносит определенные несоответствия в восприятие идеалов модернизации и требует специальных усилий в формировании идейной убежденности населения. Ввиду этого, важным представляется выделить некоторые аспекты модернизации традиционалистского общества, подразумевая под этим отказ от устаревших социалистических догм и интерес к национальной идее:

- *Социальный аспект модернизации* – предполагает анализ формирования новой социальной структуры в условиях реформирования; новой институционализации и глубокой реструктуризации материальной и духовной сфер. Глубинные кардинальные преобразования, реформы в сфере политики, права и экономики становятся предпосылкой к условиям социальной и духовной модернизации общества. Таким образом, социальный аспект представляет собой важное звено исследований процессов модернизации.

- *Пространственно-временной аспект модернизации*, целью которого является рассмотрение модернизации как сложного механизма, требующего комплексного анализа всех сторон модернизирующегося общества. Ключевыми составными элементами механизма модернизации выступают развитость рынка труда и конкурентной среды в условиях демократических преобразований и либерализации отношений между производителями и потребителями. Кроме того, указанные аспект предполагает также объективного учета следующих факторов: степени влияния ментальности и инноваций на результат преобразований; профессиональных качеств ведущих субъектов модернизации; практической эффективности новых ценностей; уровня удовлетворения как материальных, так и духовных запросов членов общества. Из этого вытекает, что процессы модернизации связаны с комплексной социально-экономической программой и политической стратегией, т.е. с целостным механизмом практических преобразований.

При анализе модернизации, которая выступает одновременно и как социальный феномен и как философская и политическая категория, важно понимать особенности ее концептуальных постулатов, роль ментальности в процессе преобразований с точки зрения устойчивого и изменчивого в ментальной парадигме. Это подразумевает использование функционального подхода к изучению идеологии модернизации, что позволит выявить различные аспекты модернизационных процессов, а затем связать их

в комплексный механизм социального движения к прогрессу. Модернизация будет выступать как практический процесс, когда речь идет о конкретных преобразованиях экономики, общества, социально-культурного развития и одновременно с этим как аналитическое обобщение теорий модернизации и концептуальных подходов к ее анализу [7, с.21-22].

Одной из основополагающих в теории политической модернизации является категория рационализации, так как она характеризует общесистемные свойства политического транзита (дифференциация и оценка деятельности политических институтов; национальная интеграция; социальная мобилизация). Политическая модернизация может рассматриваться как процесс изменения политической системы, основными характеристиками при этом будут выступать следующие:

- организация дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов;
- создание конкурирующих политических организаций, которые распространяют политическое влияние на разные функциональные сферы;
- дальнейшее возрастание способности политической системы к успешной адаптации к новым образцам социальных целей, созданию новых видов институтов, которые могли бы обеспечивать как контроль над ресурсами, а также и каналами для эффективного диалога между населением и правительством;
- обеспечение беспристрастной законодательной системы в стране, политико-правовых технологий решения конфликтов;
- мобилизация социальной периферии и рост уровня политического участия граждан за счет расширения субъектов избирательного права;
- создание в стране рациональной политической бюрократии при большой централизации правительственных функций;
- обеспечение гарантий деятельности оппозиционных политических партий, обязательного наличия добровольных ассоциаций и свободной прессы;
- уменьшение роли традиционных элит, их легитимации или замена их модернизаторскими;
- формирование способности политической системы аккумулировать требования и претензии разных социальных групп, создавать в стране политико-правовые механизмы институционализации разрешения конфликтов [5, с.20].

Современные авторы ставят перед собой разные задачи в процессе анализа модернизации, но в общем виде можно заключить, что они рассматривают три исторически неоднородных пути модернизации – модернизацию Запада, догоняющую Запад модернизацию незападных стран и начавшийся в XXI веке новый процесс модернизации, опирающийся на собственные культурные особенности [10, с.23]. Этот тип модернизации является «знаковым» для нашего времени в том смысле, что фиксирует факт осуществления модернизационных трансформаций при значительном влиянии культуры [9, с.137].

Таким образом, мировая социально-политическая практика аккумулировала исторический опыт модернизационных процессов. В каждом государстве модернизация протекала по своему, со свойственными сущностными характеристиками, особенностями и трудностями. Постепенно вырабатывались концептуальные основы, разрабатывалась теория модернизации, выделялась ее типология и формы. В нынешних условиях мирового развития все чаще отмечается необходимость поиска и применения новых парадигм развития, решения вопросов социально-экономического характера и отношений между гражданами и государством.

Библиография

1. БАЛАЯН, А. Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. Центр исследований модернизации. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2009. С. 8-11.

2. БУЛДАКОВ, В.П. Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоем? В: Вопросы философии. 2015. №12. С.15-26.

3. ГАВРОВ, С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. Москва: МГУДТ. 2010. С. 24.

4. ДУБРОВИН, Ю. Новые направления современных административных реформ в ведущих странах Европейского Союза. В: Власть. 2009. №1. С. 131.

5. ЗИМИН, В.А. Политическая модернизация: основные теории. В: Политика и общество. 2012. №8 (92). С.17-22.

6. КОВАЛЕНКО, Л.Г. Политическая модернизация в контексте социальной справедливости. В: Известия Алтайского государственного университета. 2011. №4. С. 246-249.

7. ОРТИКОВА, Д.О. Философско-политическое содержание категории «модернизация», типология принципов и моделей модернизации. В: Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2016. №1 (52). С. 21-22.

8. РУБИНСКИЙ, Ю.И. Приметы времени. Франция: незаконченная модернизация. Москва: ДеЛибри. 2019. Том III. – 424 с.

9. СИЗЕМСКАЯ, И.Н. Социокультурные цели и смыслы модернизации. В: Философские науки. 2017. №3. С. 136-144.

10. ФЕДОТОВА, А. Модернизация и культура. Москва: Прогресс-Традиция. 2016. 336 с.

CZU 327:314.15
DOI 10.5281/zenodo.3980577

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СНГ В КОНТЕКСТЕ БЕЗВИЗОВОГО РЕЖИМА

Татьяна ТУРКО
Доктор политических наук, доцент
Молдавский Государственный Университет, Факультет международных отношений,
политических и административных наук, Департамент политических и административных наук
Республика Молдова
e-mail: *turco@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0003-4334-3612

Родика СВЕТЛИЧНЫЙ
Доктор исторических наук, доцент
Молдавский Государственный Университет, Факультет международных отношений,
политических и административных наук, Департамент политических и административных наук,
Республика Молдова
e-mail: *svetlicniirodica@yahoo.com*
https://orcid.org/0000-0002-3603-6369

В статье рассматриваются правовые основы безвизового режима в СНГ (Содружество Независимых Государств), проблема трудовой миграции на постсоветском пространстве и использование безвизового режима в СНГ гражданами Республики Молдова. Процесс построения связующей базы, регулирующей взаимодействие государств-членов СНГ, всегда определялся степенью заинтересованности в ее определенных формах и проявлялся как в двусторонних, так и в многосторонних, а также в межгосударственых отношениях. Наряду с этим, существующая правовая база в сфере безвизового режима является важным инструментом регулирования миграционных потоков в странах СНГ. Существующие формы сотрудничества между государствами также обуславливают разнообразие подходов к трудовым мигрантам. Существование безвизового режима между Республикой Молдова и странами СНГ благоприятствовало гражданам Молдовы отправляться на работу в страны СНГ. Хотя, после введения безвизового режима с ЕС (Европейским союзом), поток граждан Молдовы переориентировался преимущественно на страны ЕС, что привело к значительному сокращению потока трудовых мигрантов в страны СНГ.

Ключевые слова: *безвизовый режим, правовая база, миграция, трудовые мигранты, постсоветское пространство, Содружество Независимых Государств (СНГ), граждане Республики Молдова.*

PROCESELE DE MIGRAȚIE ÎN SPAȚIUL CSI ÎN CONTEXTUL REGIMULUI FĂRĂ VIZE

Articolul examinează cadrul legal al regimului fără vize în spațiul CSI (Comunitatea Statelor Independente), problema migrației forței de muncă în spațiul post-sovietic și utilizarea regimului fără vize în CSI de către cetățenii Republicii Moldova. Procesul de constituire a bazei legale, ce reglementează interacțiunea statelor membre CSI, a fost întotdeauna determinat de gradul de interes pentru anumite forme și s-a manifestat atât la nivel bilateral, cât și la nivel multilateral, precum și cel al formațiunilor interstatale. Totodată, cadrul legal existent în domeniul regimului fără vize reprezintă un

instrument important în reglementarea fluxurilor de migrație în țările CSI. Formele de cooperare existente între state condiționează și diversitatea de abordări privind migranția forței de muncă. Existența unui regim fără vize între Republica Moldova și țările CSI a favorizat cetățenii moldoveni să plece la muncă în aceste țări. Deși, după introducerea unui regim fără vize cu UE (Uniunea Europeană), fluxul cetățenilor țării noastre s-a reorientat prioritar către țările UE, fapt ce a condus la o reducere semnificativă a fluxului către țările CSI.

***Cuvinte-cheie**: regim fără vize, cadru legal, migrație, lucrători migranți, spațiu post-sovietic, Comunitatea Statelor Independente (CSI), cetățenii Republicii Moldova.*

MIGRATION PROCESSES IN THE CIS IN THE CONTEXT OF A VISA-FREE REGIME

The following article addresses the legal framework of the visa-free regime in Commonwealth of Independent States (CIS) space, the issue of labor migration within post-Soviet space, as well as the use of the CIS visa-free regime by citizens of the Republic of Moldova. The formation process of legal regulation of interaction between CIS participant-states was always defined by the degree of interest in its certain forms and took place both at a two-way level, at a level of multilateral agreements and interstate integration associations. As such, the existing legal framework of the visa-free regime is an important instrument in managing migration flows in CIS countries. The existing forms of collaboration between states condition the different approaches to labor migrants. The Republic of Moldova's visa-free regime with the CIS states favored Moldovan citizens to travel for work to CIS countries, Although after the introduction of the visa-free regime with the European Union (EU), the mobile flux of Moldovan citizens reoriented with priority towards the EU countries, which led to a significant diminishing of the mobile flow into CIS countries.

***Keywords**: visa-free regime, legal framework, migration, labor migrants, post-Soviet space, Commonwealth of Independent States (CIS), citizens of the Republic of Moldova.*

PROCESSUS MIGRATOIRES DANS LA CEI DANS LE CONTEXTE DU RÉGIME SANS VISA

L'article suivant traite le cadre juridique du régime sans visa dans l'espace de la Communauté d'États Indépendants (CEI), la question de la migration de la main-d'œuvre dans l'espace post-soviétique, ainsi que de l'utilisation du régime sans visa de la CEI par les citoyens de la République de Moldova. Le processus de formation de la réglementation juridique de l'interaction entre les États participants de la CEI a toujours été défini par le degré d'intérêt pour des certaines formes et s'est déroulé à la fois au niveau bilatéral et au niveau des accords multilatéraux et des associations d'intégration interétatique. En tant que tel, le cadre juridique existant du régime sans visa est un instrument important dans la gestion des flux migratoires dans les pays de la CEI. Les formes existantes de collaboration entre les États conditionnent les approches différentes envers les travailleurs migrants. Le régime sans visa de la République de Moldova avec les états de la CEI a favorisé les citoyens moldaves de se rendre pour travailler dans les pays de la CEI. Bien qu'après l'introduction du régime sans visa avec l' Union Européenne (UE), le flux mobile des citoyens moldaves s'est réorienté avec priorité vers les pays de l'UE, ce qui a conduit à une réduction significative du flux vers les pays de la CEI.

***Mots-clés:** régime sans visa, cadre juridique, migration, travailleurs migrants, espace post-soviétique, Communauté d'États Indépendants (CEI), citoyens de la République de Moldova.*

Введение

После распада Советского Союза и возникновения на его территории новых независимых государств последовал процесс формирования международно-правовых отношений между странами бывшего СССР. Начало было положено созданием Содружества Независимых Государств (СНГ) 8 декабря 1991 года руководителями России, Украины и Белоруссии.

Заключенные на начальном этапе многосторонние соглашения позволили на фоне больших геополитических перемен обеспечить функ-

ционирование необходимых для повседневной жизни людей социальных механизмов на всем постсоветском пространстве. Примером стали Бишкекское и Московское соглашения 1992 г., в соответствии с которыми на большей части территории СНГ был сохранен безвизовый режим перемещения граждан государств-участников. В дальнейшем в сфере регулирования взаимных поездок граждан межгосударственное общение на постсоветском пространстве все более входило в международно-правовые рамки сугубо двусторонних контактов и межгосударственных объединений в составе СНГ.

В результате принятия различных соглашений и решений по либерализации трансграничных поездок, Республика Молдова имеет безвизовый режим со странами СНГ, постсоветскими Украиной и Грузией, так и с Европейским Союзом (2014 год). Это означает, что молдавским гражданам не требуется получение визы для въезда на территорию государств-членов ЕС.Ценность безвизового режима состоит в том, что он предоставляет важные преимущества гражданам, укрепляет социальные, культурные и экономические связи, создает новые возможности формирования транснационализма миграций.

Сегодня научное сообщество больший упор ставит на исследовании безвизового режима Республики Молдова с ЕС, механизме и последствиях его получения. Безвизовый режим Республики Молдова со странами СНГ – тема непопулярная и, как следствие, малоисследованная [30], поэтому в этой статье мы решили некоторым образом восполнить данный пробел.

Правовая база безвизового режима на пространстве СНГ

Уже на начальном этапе существования СНГ его участники осознавали необходимость обеспечения единого пространства передвижения. В ст.5 *Соглашения о создании Содружества Независимых Государств* была закреплена приверженность государств-членов СНГ принципу свободы передвижения граждан: «стороны гарантируютоткрытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества» [16].

Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств был подписан 21 декабря 1991 года в Алма-Ате главами одиннадцати суверенных государств (за исключением Латвии, Литвы, Эстонии, а также Грузии, которая стала членом СНГ в 1993 году и официально перестала быть членом этой международной организации 18 августа 2009 г.) [8]. В Минске 22 января 1993 года на саммите СНГ был принят *Устав Содружества* [26]. Его не подписала Украина, которая таким образом не является государством-членом СНГ, а может рассматриваться только как государство-учредитель и участник Содружества. В свою очередь Туркменистан на Казанском саммите СНГ (26 августа 2005 года) заявил о том, что будет участвовать в содружестве в качестве «ассоциированного члена». Такая сложная политическая судьба Содружества, безусловно, отражает противоречия, которые были заложены в природе организации.

В правовой системе Содружества Независимых Государств можно выделить два инструмента совместного решения проблем: многосторонние соглашения и двусторонние договора. На начальном этапе в качестве рабочего инструмента в обеспечении единства миграционного пространства были многосторонние соглашения, а именно *Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников*[17], заключенное в Бишкеке 9 октября 1992 г. (далее - Бишкекское соглашение) и *Соглашение о взаимном признании виз государств-участников Содру-*

жества Независимых Государств, заключенное в Москве 13 ноября 1992 г. (далее - Московское соглашение) [18].

Участниками Бишкекского соглашения стали Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. 1 августа 1995 года к нему присоединилась Грузия. Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств СНГ по территории его участников было призвано способствовать развитию дружественных добрососедских отношений, укреплению экономических, торговых, научно-технических, культурных и иных связей, а также необходимости обеспечить действенную защиту прав и интересов граждан государств-участников содружества.

Исходя из этого Соглашения, «граждане Сторон имеют право въезжать, выезжать и передвигаться по территории Сторон без виз при наличии документов, удостоверяющих их личность или подтверждающих их гражданство» (ст.1). Кроме того, безвизовый режим въезда, выезда и передвижения по территории Сторон был предоставлен гражданам Сторон, постоянно проживающим на территории третьих государств. Также документ предусматривает возможность произвольных ограничений: «национальным законодательством сторон может предусматриваться введение ограничений на передвижение по их территории упомянутых выше граждан сторон, иностранных граждан и лиц без гражданства» (ст.1)[17].

Какого-либо теста на законность и целесообразность ограничений соглашение не предусматривает. Отдельно оговаривается, что стороны могут «принимать особые меры по защите своих границ и территории при чрезвычайных обстоятельствах, в частности, в ситуациях, угрожающих их безопасности. В этом случае безвизовое передвижение вышеупомянутых граждан и лиц без гражданства не исключает права Сторон осуществлять соответствующий паспортный и иные виды контроля» (ст.4) [17].

В Московском соглашении устанавливалось, что «каждая Сторона признает въездные, выездные и транзитные визы, выдаваемые иностранным гражданам компетентными органами Сторон» (ст.1). Данные визы давали их владельцу право беспрепятственно следовать транзитом через территории других Сторон до места назначения или пункта выезда в третью страну. Порядок пребывания и передвижения иностранных граждан, временно находившихся на территории Сторон, в том числе с целью транзитного проезда, определялся в соответствии с их национальным законодательством[18].

В русле развития тенденций двустороннего регулирования вопросов, сектор многостороннего взаимодействия государств-участников СНГ начинает сужаться. Через семь лет после заключения Бишкекского соглашения из него также начался «массовый исход». Первым о выходе из Соглашения уведомил Туркменистан (9 июня 1999 г.)[1], затем Республика Узбекистан (16 апреля 2000 г.) и Российская Федерация (3 декабря 2000 г). Республика Узбекистан подписала соглашение о введении визового режима в марте 2000 года с Туркменистаном[2], а 3 июня 2000 года – с Кыргызстаном (на данный момент между странами существует безвизовый режим сроком до 60 дней.)

[1] *На саммите СНГ, состоявшемся 26 августа 2005 года, Туркменистан заявил о том, что будет участвовать в организации в качестве «ассоциированного члена». Туркменистан не признает существующую на территории СНГ возможность безвизового передвижения между государствами членами (для въезда в Туркмению требуется виза). Другие страны-члены СНГ приняли подобные меры по отношению к Ашхабаду.*

[2] *В 2018 г. Узбекистан и Таджикистан ратифицировали Соглашение о безвизовом режиме между странами. Граждане двух соседних государств могут находиться на территории друг друга в течение 30 дней без каких-либо разрешительных документов.*

Республика Казахстан приняла решение временно приостановить действие соглашения, а затем, 8 января 2001 г., вышла из него.

Похожая участь постигла и Московское соглашение. Так, 21 ноября 2014 года в Ашхабаде был подписан Протокол о прекращении действия соглашения от 13 ноября 1992 года о взаимном признании виз государств-участников СНГ [9]. Прогрессивный по своей идее документ предполагал взаимное признание виз, выданных иностранцам компетентными органами стран-участников. Однако, странам так и не удалось имплементировать нормы соглашения в национальные законодательства. В течение 1999-2001 гг. фактически все страны-участники вышли из соглашения либо приостановили его действие, тем самым отказавшись от дальнейшего многостороннего сотрудничества по данному вопросу.

Многостороннее сотрудничество на начальном этапе существования СНГ явилось воплощением слабых центростремительных потоков и, одновременно, инерцией необходимости сохранения политических, экономических, социальных связей бывшей сверхдержавы в формате нового межгосударственного образования. Заключенные в этот период многосторонние соглашения позволили на фоне больших геополитических перемен обеспечить функционирование необходимых для повседневной жизни людей социальных механизмов на всем постсоветском пространстве. Бишкекское и Московское соглашения 1992 г. позволили сохранить безвизовый режим перемещения граждан государств - участников и утвердить принцип взаимного признания виз, выдаваемых компетентными органами государств-участников.Этот период можно рассматривать в качестве условно выделяемого первого этапа правового регулирования в данной области межгосударственного сотрудничества.

Действовавшие сначала параллельно, а затем, как по объективным причинам, так и вследствие проявления вполне определенной политической воли, начавшие вытеснять многосторонние соглашения их двусторонние «собратья» ознаменовали собой период, который в литературе нередко называется завершением «цивилизованного развода» бывших союзных республик. В сфере регулирования взаимных поездок граждан выделяется второй этап, в рамках которого межгосударственное общение на постсоветском пространстве все более входило в международно-правовые рамки сугубо двусторонних контактов. Был заключен целый ряд соглашений, сохранивших безвизовый режим взаимных поездок граждан государств, Сторон. При этом по мере заключения каждого следующего соглашения выявлялись две тенденции. Во-первых, происходила все большая детализация правового регулирования взаимных поездок граждан. Во-вторых, имея в общем и целом аналогичное содержание, каждое соглашение по-своему отражало специфику межгосударственных отношений [10; 11; 12; 13; 14].

Опыт реализации двусторонних соглашений между странами СНГ демонстрирует, что решить существующие разного рода проблемные вопросы, включая и передвижение граждан между всеми странами сразу, Содружество не в состоянии. Зачастую несовпадающие интересы государств ведут к разной скорости процессов сотрудничества, их фрагментации и разноуровневости. Правовое регулирование так называемого третьего этапа осуществляется на многосторонней основе в рамках межгосударственных объединений в составе СНГ. Ряд стран, ориентированных на более высокий уровень взаимодействия, сформировали такие межправительственные объединения как Союзное государство России и Белоруссии, Таможенный союз, Евразийское экономическое сообщество/ Евразийский экономический союз, ГУАМ и др.

В настоящее время *Союзное государство России и Беларуси* существует скорее на бумаге, обе-

спечивая ритуальную функцию приверженности идеям интеграции двух соседних государств.В соответствии с Договором об образовании Сообщества России и Беларуси (2 апреля 1996 г.) было решено создать политически и экономически интегрированное сообщество в целях объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств. 2 апреля 1997 г. президенты России и Белоруссии подписали *Договор о Союзе двух стран*[4], а 23 мая 1997 г. – Устав Союза, в котором подробно был отражен механизм интеграционных процессов двух государств [27].

На данном этапе свободный режим передвижения между Беларусью и Россией гарантирован Соглашением об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств-участников Союзного государства (Санкт-Петербург, 24 января 2006 года) [19].Гражданам одной Стороны, пребывающим на законных основаниях на территории другой Стороны, гарантируются равные права с гражданами этой другой Стороны на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (статья 1). Граждане одной Стороны независимо от места пребывания (проживания) имеют право свободно въезжать, выезжать, пребывать, следовать транзитом, передвигаться и выбирать место жительства на территории другой стороны по действительным документам, без миграционной карты (статья 2).

Таможенный союз. Экономическое объединение Беларуси, Казахстана и России начало формироваться с подписания 20 января 1995 г. Соглашения о Таможенном Союзе между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан. Таким образом, была предпринята попытка нового интеграционного сближения, но в узком составе. Вмарте 1996 г.к этим соглашениям присоединилась Кыргызская Республика, а в феврале 1999 г. - Таджикистан. Тогда же Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях.

В апреле 1998 года главами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации было подписано совместное Заявление «О десяти простых шагах навстречу простым людям», целью которого стало придание действующим интеграционным процессам качественно нового, дополнительного импульса [5]. Одной из мер, изложенных в Заявлении, было «обеспечение гражданам свободного и равного права пересечения границ четырех государств, пограничного, таможенного и иных видов контроля».

В дальнейшем заявленные идеи были положены в основу ряда соглашений. В *Соглашение от 24 ноября 1998 г. об обеспечении свободного и равного права пересечения физическими лицами границ государств-участников Таможенного Союза и беспрепятственного перемещения ими товаров и валюты* [20] подтверждалась приверженность принципам свободы и равных прав передвижения граждан в пределах общей таможенной границы Таможенного союза. Также Стороны устанавливали, что основанием пропуска физических лиц в приоритетном, упрощенном порядке является наличие действующих документов, подтверждающих факт их постоянного проживания на территории одного из государств-участников соглашений о Таможенном Союзе. Пропуск физических лиц в приоритетном, упрощенном порядке включает осуществление пограничного (паспортного) контроля (проверку документов), который производится в соответствии с национальными законодательствами государств-участников (статья 3).

Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС) была создано в 2000 году пятью пост-

советскими республиками (Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном) в целях развития процессов интеграции междуними и углубления взаимного сотрудничества в различных областях[3]. В соответствии с *Договором о Евразийском экономическом союзе* (ЕАЭС) от 29 мая 2014 года [3] ЕврАзЭС прекратил свою деятельность с 1 января 2015 года.

В рамках Евразийского Экономического Сообщества 30 ноября 2000 г. государства-члены ЕврАзЭС подписали *Соглашение о взаимном безвизовом режиме граждан* [15]. В Соглашении предусматривалось, что граждане независимо от места проживания имеют право въезжать, выезжать, следовать транзитом и пребывать на территориях пяти государств без виз по одному из действительных документов, указанных в приложениях к Соглашению. Граждане государств-участников въезжают и выезжают с территории каждого из государств-участников через открытые для международного сообщения пункты пропуска при условии наличия действительных и оформленных в соответствии с законодательством своего государства документов на право пересечения границы.

Вместе с тем Соглашение не ограничивало права каждой из Сторон, если она сочтет это необходимым, перейти в отношении одного или нескольких участников Соглашения на отличный режим поездок граждан. Кроме того, оговаривалось, что правительства государств-участников имеют право принимать специальные меры защиты своих границ и территории при чрезвычайных ситуациях, в частности, угрожающих их безопасности.

ЕАЭС (Армения (со 2 января 2015 г.), Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан (с 12 августа 2015 г.), Россия) представляет собой единый интегрированный рынок, объединяющий 183 миллиона человек и характеризующийся свободным перемещением товаров, капитала, услуг и людей, а также общей политикой в различных сферах.В рамках ЕАЭС трудящиеся мигранты и члены их семей имеют право находиться на территории другого государства ЕАЭС без регистрации до 30 дней, а также обеспечивается свобода осуществления трудовой деятельности на территориях стран-участниц [7, с.5].

ГУАМ - региональная организация, созданная в октябре 1997 государствами Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой (с 1999 по 2005 годы в организацию также входил Узбекистан). Каких-либо значимых правовых стандартов в рамках организации разработано не было. В то же время на политическом уровне государства-участники заявляли о намерении развивать активное сотрудничество на пространстве ГУАМ на основе принципа «четырех свобод». В этой связи особое внимание должно уделяться последовательной работе с целью достижения полной свободы передвижения людей в рамках всего европейского пространства. Страны-участницы ГУАМ обязались содействовать друг другу в реализации соответствующих договоренностей с ЕС об упрощении визового режима с целью его последующего упразднения (с 2014 г. Молдова получила безвизовый режим с ЕС; с 2017 Грузия и Украина получили безвизовый режим с ЕС).

Несмотря на наличие межгосударственных объединений, на различиях в визовых и миграционных правилах стран СНГ, на заседании Совета глав государств СНГ в октябре 2019 года прозвучала идея о введении единого режима на пространстве СНГ. Глава Казахстана К.-Ж.Токаев-предложил рассмотреть вопрос о введении на территории СНГ «Визы Содружества» по типу Шенгенского соглашения. Он акцентировал внимание на значительном потенциале взаимодействия в

---

[3] *В 2006 году к ЕврАзЭС присоединилась Республика Узбекистан. В 2008 г. Узбекистан приостановил членство в ЕврАзЭс.*

сфере туризма, поскольку «у каждой страны Содружества есть свои уникальные рекреационные, природно-ландшафтные и исторические объекты. Они могут достойно дополнить перечень наиболее привлекательных туристических направлений мира», что позволит в разы увеличить туристический поток в страны СНГ[24].

Таким образом, несмотря на проблемы и противоречия, многосторонние договоры и двусторонние соглашения между постсоветскими государствами о безвизовых перемещениях граждан позволили сохранить безвизовый режим как важный инструмент реализации одного из основных прав человека – права на передвижение.

Трудовая миграция на постсоветском пространстве

Введение безвизового режима на постсоветском пространстве не только открывало возможность свободного перемещения людей, но и способствовало обеспечению интересов бывших советских граждан, которые работали за пределами своих республик (новых независимых государств).

В странах СНГ феноментрудовых миграционных потоков стал реальностью уже в начале 90-х. В миграционное взаимодействие включены практически все страны СНГ.Основными странами-реципиентами иностранной рабочей силы являются Россия и Казахстан. В России в основном работают мигранты из Армении, Украины, Молдовы, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Кыргызстана. В Казахстан едут на заработки из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

Важной характеристикой миграции в странах СНГ является высокая доля межгосударственных мигрантов, переезжающих из одной страны в другую: в 2018 году эта доля в Азербайджане составила 63% общего числа межгосударственных миграций, в Беларуси – 67%, Молдове – 76%, Казахстане – 88%, России – 89%, Кыргызстане и Узбекистане – 95%, в Таджикистане – 100%. В среднем по СНГ доля таких перемещений составляет 85% [23, с.31].

Таблица 1. Межгосударственная миграция населения в странах СНГ в 2018 году

Страна	***Число прибывших***		***Число выбывших***	
	всего	***из стран СНГ***	***всего***	***в страны СНГ***
Азербайджан	17,3	1,6	15,7	1,4
Армения	-	-	-	-
Беларусь	261,4	17,0	252,0	9,8
Казахстан	900,9	10,0	930,0	37,7
Кыргызстан	41,8	3,6	69,0	29,5
Молдова	33,6	2,0	33,6	1,4
Россия	4911,6	511,0	4786,7	381,9
Таджикистан	42,1	0,4	45,1	2,4
Узбекистан	160,1	2,7	174,8	16,8
Украина	629,3	12,7	610,7	7,4

Источник: Статистический бюллетень «Статистика СНГ» №3 (559), 2019, с.31-32, http://www.cisstat.com/migration/

В 2018 году в Азербайджане, Беларуси, России и Украине число прибывших в страну из стран СНГ превысило число выбывших за пределы этих стран. В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, как и в предыдущие годы, зарегистрировано превышение числа выбывших из страны в страны Содружества над числом прибывших в эти страны.

В межгосударственной миграции лица трудоспособных возрастов составляют примерно 80%

всех мигрантов. Каждый третий мигрант – молодой человек в возрасте 15-29 лет [23, с.33-34]. Миграционные передвижения в значительной степени связаны с поиском работы.

Огромное количество трудовых мигрантов способствуют созданию единого рынка труда на постсоветском пространстве. Осознание потенциала трудовой миграции в качестве важного ресурса экономического развития как стран-доноров, так и стран-реципиентов, способствовало тому, что сотрудничество в миграционной сфере стало принимать характер конструктивного взаимодействия.Было заключено значительное количество договоров и соглашений, регулирующих отношения между государствами СНГ в миграционной сфере. В целях защиты прав мигрантов, которые трудятся за пределами своих государств, были подписаны соглашения «О гарантиях прав граждан государств – членов СНГ в области обеспечения пенсиями» (1992), «О сотрудничестве в области охраны труда и определения производственного травматизма, полученного работниками, находящимися вне страны проживания» (1994), «О сотрудничестве в области миграции рабочей силы и социальной защиты рабочих-мигрантов» (1994) и др. Странами Содружества была разработана Концепция поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств-участников СНГ» (2000), Соглашение об общих принципах сотрудничества государств-участников СНГ в области приграничной трудовой миграции (2002), Конвенция о правовом статусе трудящихся мигрантов и членов их семей - граждан государств-участников СНГ (2008).

Разработка и реализация согласованных подходов к формированию общего рынка труда и регулированию миграции рабочей силыдолжны обеспечить увеличение занятости населения, снижение безработицы, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы, предоставление социальных гарантий гражданам в области труда, медицинского страхования, получение профессионального образования, соблюдение ряда других социальных стандартов.

По мнению исследователей, наибольший уровень миграционной интеграции достигнут в рамках Союзного государства Россия–Беларусь [6]. Для граждан обеих стран действует принцип свободного пересечения границы, а также свободы при выборе места проживания и трудоустройства. Белорусским гражданам, приезжающим в Россию, не требуется разрешения для легального пребывания в стране. Граждане Республики Беларусь и Российской Федерации могут находиться без регистрации на территории соответственно Российской Федерации и Республики Беларусь до 90 суток с даты въезда. На территории двух стран российские и белорусские граждане уравнены в получении работы.

Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России связан с созданием общего рынка труда за счет свободного передвижения рабочей силы. Для достижения этой цели в рамках Таможенного союза разработана нормативно-правовая база, регулирующая легальную трудовую миграцию между государствами-участниками: Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. Основной новацией подписанных соглашений является то, что с 1 января 2012 года не требуется разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности граждан государств-участников Соглашений на территории договаривающихся сторон [21; 22]. Происходит формирование единой информационной базы о наличии рабочих мест, предусматривается заключение прямых соглашений со странами, являющимися поставщиками мигрантов, организованный

набор рабочей силы для крупных предприятий в странах ТС.

Договор о создании Евразийского экономического Союза вывел на качественно новый уровень такое направление сотрудничества государств-членов, как трудовая миграция. Он включает целый ряд положений, обеспечивающих свободу передвижения внутри Союза граждан при осуществлении ими трудовой деятельности и членов их семей.

Во-первых, трудовые мигранты и члены их семей могут находиться без регистрации на территории государства трудоустройства в течение 30 суток с даты въезда, в дальнейшем они регистрируются на срок действия заключенного трудящимся трудового или гражданско-правового договора. Во-вторых, граждане одного государства-члена при пересечении границы другого государства-члена по одному из действительных документов, допускающему проставление отметок органов пограничного контроля о пересечении государственной границы (например, загранпаспорт), не заполняют миграционные карты. Эта норма действует при условии, что срок их пребывания не будет превышать 30 суток [2].

Также достигнута договоренность о том, что вопросы пребывания без регистрации граждан государств-членов на территории ЕАЭС в течение 30 суток с даты въезда будут регулироваться двусторонними международными договорами. В настоящее время уже заключены такие соглашения между Правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан, Республики Беларусь и Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Армения, Российской Федерации и Кыргызской Республики.Либерализация миграционного режима между участниками ЕАЭС способствовала тому, что мигранты стали указывать работу в качестве цели прибытия гораздо чаще, что привело к формальному росту объемов трудовой миграции.

Согласно Договору о ЕАЭС, с целью социального обеспечения трудящихся мигрантов учитывается имеющийся трудовой и страховой стаж, существует взаимное признание дипломов и квалификаций граждан государств-членов ЕАЭС без проведения каких-либо процедур, а дети трудящихся мигрантов имеют право на посещение дошкольных и учебных учреждений, скорая и медицинская помощь доступна для трудящихся ЕАЭС и членов их семей на одинаковых с местными жителями условиях (бесплатно), вне зависимости от наличия медицинского полиса [3]. Однако, при реализации положений Договора государства сталкиваются с определенными проблемами. Часть выработанных механизмов не всегда активно используются на практике (например, использование ОМС на территории России легально трудоустроенными мигрантами). Другие - только формируются (например, учёт стажа работы, накопленного за рубежом, для пенсионного обеспечения) [7, с.15].

Трудовые мигранты из стран СНГ, не являющихся членами ЕАЭС (Азербайджан, Молдова, Узбекистан), могут находиться без регистрации на территории России до 7 дней, а при въезде должны заполнить миграционную карту с указанием цели въезда «работа». По истечении 7 дней после приезда необходимо встать на миграционный учет по месту жительства в Управление по вопросам миграции ГУ МВД России [2].В отношении граждан Республики Таджикистан условия менее жесткие – они освобождены от обязанности постановки на миграционный учет в РФ в течение 15 дней.

Российская Федерация является основной страной назначения для трудовых мигрантов из ЕАЭС. В 2017 году страна приняла 377.000 трудовых мигрантов из Киргизии, 232.000 – из

Армении, 125.000 – из Беларуси и 88.000 – из Казахстана. Для сравнения, Казахстан, вторая по популярности страна приема трудовых мигрантов в ЕАЭС, принял 4.500 трудовых мигрантов из России, 3.000 – из Армении, 1.500 – из Киргизии и 1.000 Беларуси.Кыргызстанстал катализатором разработки общей миграционной политики, которая будет не только формировать (трудовые) миграционные процессы во всем регионе, но и определять дальнейшее расширение ЕАЭС [7, с.3].

Однако, большая часть трудовых мигрантов прибывает в Россию из государств, не входящих в ЕАЭС. По данным МВД России, за январь-март 2018 года с целью трудовой деятельности в РФ из стран ЕАЭС прибыли 171,3 тыс. трудовых мигрантов. При этом, из Азербайджана в Россию с этой же целью прибыли 34,4 тыс. чел., из Таджикистана – 234,5 тыс., Узбекистана – 471,5 тыс., а из Украины – 105,7 тыс. То есть число мигрантов из Узбекистана и Таджикистана многократно больше объемов трудовой миграции из всех стран ЕАЭС вместе взятых [25].

Похожая ситуация складывается и с денежными переводами. В странах, не входящих в ЕАЭС, их объем за 2017 год вырос значительнее, чем в государствах ЕАЭС. Так, в 2017 г. денежные переводы физических лиц в Кыргызстан и Казахстан по сравнению с предыдущим годом увеличились на 27%, в Беларусь – на 19%, а в Армению – только на 6%. При этом объем переводов в Узбекистан вырос сразу на 42%, в Таджикистан – на 31%, в Азербайджан и Молдову – на 21%, а в Украину – всего на 5% [25].

В то же время реализация безвизового режима на пространстве СНГ привела к появлению проблемы нерегулируемой миграции, которая нашла свое выражение в нелегальном нахождении и нелегальном трудоустройстве граждан. Россия как основной потребитель трудовых мигрантов, которые пользуются безвизовым режимом, стремится регулировать эти процессы, минимизируя нелегальное трудоустройство и нелегальное нахождение на своей территории. Но нелегальная миграция – это не только проблема мигрантов, во многом ее наличие было обусловлено интересами бизнеса и правоохранительных органов. Поэтому борьба с нелегальной миграцией шла по двум основным направлениям: против мигрантов, нарушающих законы, и против бизнеса, который пользовался выгодами этого вида миграции. Реформа российского миграционного законодательства позволила трудовым мигрантам войти в правовое поле через механизм патентов. Патент выдается на срок от 1 до 12 месяцев и может продлеваться на срок от 1 до 12 месяцев. Максимальный срок действия патента с учетом продлений – 24 месяца. Либерализация законодательства была направлена, в первую очередь, на трудовых мигрантов из стран СНГ с безвизовым режимом въезда в Россию. Гражданам ЕАЭС для осуществления трудовой деятельности в России не нужно оформлять патент на работу.

Таким образом, после образования ЕАЭС миграционное пространство СНГ стало делиться на две большие зоны, первая из которых представляет собой страны ЕАЭС, а вторая – другие постсоветскиегосударства, у которых сохранился безвизовый режим.В целом, по мнению исследователей, на современном этапе развития на постсоветском пространстве сложилась крупная миграционная система, обусловленная историческими, политико-экономическими, социально-этническими факторами. Все вместе они определяют системность устойчивых и масштабных миграционных потоков в регионе и характеризуют его как единую Евразийскую миграционную систему [6].

Республика Молдова в контексте безвизового режима со странами СНГ

Объявив себя демократическим независимым государством, Республика Молдова начала проводить политику обеспечения прав и свобод человека.Это касается и права на свободу выезда и въезда в страну. В 1990 году был принят Закон «О миграции», в котором эмиграция понималась только как временный выезд за границу на учебу или работу. Конституция Республики Молдова (1994) в статье 27 провозглашает право на свободный выезд и возвращение в страну. Эти положения конкретизированы и развиты в законах«О выезде и въезде в Республику Молдова» (1994), «О документах идентичности и национальной паспортной системе» (1994), др. Исходя из этих актов, для выезда из страны не нужны разрешительные документы. Исключение составляют лица, владеющие государственными или военными секретами, или несовершеннолетние, для которых необходимо документальное согласие родителей или опекунов.

В 1992 году Молдова подписала Бишкекские соглашения, которые и сегодня позволяют гражданам страны пользоваться безвизовым режимом в рамках СНГ. В рамках второго этапа межгосударственных отношений со странами СНГ Республика Молдова заключила двусторонние соглашения в области взаимных безвизовых поездок с такими постсоветскими государствами как Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Россия, Узбекистан и Украина, что позволяет гражданам этих стран свободно передвигаться по их территории.На уровне межгосударственных объединений в составе СНГ Молдова является членом ГУАМ и в 2018 году получила статус наблюдателя в ЕАЭС.

Граждане Молдовы достаточно активно пользуются возможностью безвизового передвижения по территории СНГ. Это подтверждают и результаты эмпирического социологического исследования «Отношение молдавских граждан к безвизовому режиму ЕС», проведенного научно-исследовательской лабораторией «Социология политики» Молдавского государственного университета в мае-сентябре 2019 года.

Согласно результатам опроса, 73% граждан Республики Молдова совершали поездки за границу до апреля 2014 года (введения безвизового режима с ЕС)и использовали безвизовый режим, прежде всего для поездок в страны СНГ (Таблица 2).

Таблица 2. Частота поездок респондентов за границу до и после 2014 года (%)

Совершали поездки за границу…	***да***		***нет***		***Итого***	
	N	%	N	%	N	%
до 2014 года	316	73.0	117	27.0	433	100.0
после 2014 года	362	83.6	71	16.4	433	100.0

Как показывают результаты исследования, поездки молдавских граждан за рубеж совершались в трех режимах: в безвизовом, визовом и по паспорту страны СНГ. Наибольшее число поездок приходится на безвизовый режим - 60.9%, в визовом режиме поездки совершали больше половины молдавских граждан - 51.5% и по паспорту страны СНГ - 44.7%.

Возможность свободного передвижения способствовала выезду в середине 1990-х большого числа молдавских мигрантов на работу в страны СНГ, в первую очередь Россию и Украину. По данным на декабрь 2017 год среди стран СНГ больше всего молдавских мигрантов находилось в России – 425,3 тыс. человек. Однако, число молдавских граждан,работающих в России,за годсущественно сократилось, и к концу 2018 года составило357,2 тыс. человек [29].Молдавских мигрантов можно встретить в Казахстане – 14,7 тыс., Беларуси – 7,7 тыс., Киргизии – 3 тыс., а также в Украине – 149,2 тыс. и Грузии – 2,4 тысячи [28].

Россия остается лидером по числу денежных переводов молдавских мигрантов в Молдову. В 2019 г. на ее долю пришлось 255,91 миллионов долларов, или 20,9% от общего объема денежных переводов в нашу страну.Но следует отметить, что их объем сократился на 25,4% по сравнению с предыдущим годом.

По данным Национального Банка Молдовы, на фоне общего сокращения денежных переводов в Молдову в 2014-2019 гг. отмечается тенденция сокращения денежных переводов в Молдову из стран СНГ. В 2013 г. доля стран СНГ в общем объеме денежных переводов в Молдову составляла 62%, в 2017 – 34,9%,в 2019 г. она снизилась до 22%.

В структуре переводов из стран СНГ переводы из России составляют 95%, Украины - 2,2%, Казахстана –0,8%, Узбекистана – 0,7%, Беларуси – 0,5%, Азербайджана – 0,4% и остальных государств СНГ – 0,4% [1].

После 2014 года мобильный поток граждан Республики Молдова переориентировался на страны ЕС и Шенген-зоны, что привело к значительному сокращению мобильного потока в страны СНГ. Доля всех видов режима поездок в страны СНГ ниже, чем в ЕС: визовый режим использовался в пропорции 51.5% и 86.8%, безвизовый 60.9% и 84.0% соответственно, использование для поездки паспорта страны ЕС или СНГ - 44.7% и 91.3% [31, с.152].

Переориентация поездок с СНГ на ЕС характерна как для мужчин, так и для женщин, а также для всех возрастных групп, что определяется общим трендом смещения экономических и социально-культурных приоритетов с СНГ на ЕС. После 2014 года в страны СНГ выезжали 50.3% мужчин и 54% женщин, в то время как в страны ЕС 89% и 84% соответственно.

Все возрастные группы чаще посещают страны ЕС, чем СНГ: группа «18-29 лет» - 88.9% и 47.3%, группа «30-44 лет» - 84.8% и 47.8%, группа «45-49 лет» - 82.3% и 72.6% и группа «60 лет и старше» - 72.7% и 63.6% (Таблица 3). Возрастной фактор существенным образом влияет на частоту посещения: в первой возрастной группе разрыв в частоте посещения ЕС и СНГ составляет 41.5%, во второй - 37.0%, в третьей - 9.7% и в четвертой группе - 9.1%. Вместе с тем следует отметить, что наибольшее количество респондентов, выезжавших в страны СНГ относятся к возрастной группе «45-49 лет».

Таблица 3. Соотношение возрастных групп в мобильных потоках в страны ЕС и в страны СНГ (Россия, Украина, Беларусь) (%)

Если Вы совершали поездки за границу после 2014 года, то в какие страны?	***возраст***				***Всего***
	18-29 лет	***30-44 лет***	***45-59 лет***	***60+ лет***	
в страны ЕС и Шенген-зону	88.9%	84.8%	82.3%	72.7%	306
в страны СНГ (Россия, Украина, Беларусь)	47.4%	47.8%	72.6%	63.6%	186

Среди респондентов, совершавших поездки в ЕС и СНГ, частота поездок выросла в разной степени: 93%указали, чтостали чаще выезжать в страны ЕС и Шенген-зоны,и только 50%стали чаще выезжать в страны СНГ.

Несмотря на снижение привлекательности СНГ, и в первую очередь России, для молдавских трудовых мигрантов, безвизовый режим в странах Содружестваможет быть востребован для иных миграционных целей – посещение родственников

и друзей, туризм и т.д.Таким образом, наличие у Молдовы безвизового режима, с одной стороны, с СНГ, Украиной, Грузией, и с другой, со странами ЕС, позволяет ее гражданам успешно пользоваться этим преимуществом [32, p.22].

Выводы

В статье была рассмотрена правовая база безвизового режима на пространстве СНГ, проблема трудовой миграции на постсоветском пространстве, а также использование безвизового режима в СНГ гражданами Республики Молдова.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

На протяжении существования СНГ параметры взаимодействия государств-участников всегда определялись степенью заинтересованности в определенных его формах.Заключенные на начальном этапе существования СНГ многосторонние соглашения (Бишкекское и Московское соглашения 1992 г.) позволили на фоне больших геополитических перемен обеспечить функционирование необходимых для повседневной жизни людей социальных механизмов на всем постсоветском пространстве. Позже в сфере регулирования взаимных поездок граждан выделяется второй этап, в рамках которого межгосударственное общение на постсоветском пространстве все более входило в международно-правовые рамки двусторонних договоров. Правовое регулирование третьего этапа осуществляется на многосторонней основе в рамках межгосударственных объединений в составе СНГ на основе концепции многоформатной и разноскоростной интеграции.

В настоящее время встранах СНГ трудовые миграционные потоки характеризуются масштабностью и носят достаточно стабильный характер. Это помогает сглаживать демографические и экономические различия между государствами, способствует поддержанию социальной стабильности и развитию интеграционных процессов. Наличие на пространстве СНГ двух больших зон – ЕАЭС и других постсоветских государства, у которых сохранился безвизовый режим, обусловливает различные подходы к трудовым мигрантам. Несмотря на трудности и проблемы в процессе реализации заключенных договоров, трудящиеся мигранты из стран ЕАЭС обладают большими правами на рынке труда, в сфере социальной защиты и медицинского обеспечения по сравнению с трудовыми мигрантами из стран СНГ с безвизовым режимом.

Наличие у Республики Молдова безвизового режима со странами СНГ способствовало выезду в середине 1990-х большого числа молдавских мигрантов на работу в страны СНГ, преимущественно в Россию и Украину. Несмотря на снижение количества молдавских мигрантов в этих странах и переориентацию их на страны Европейского Союза, доля денежных переводов из России в Молдову в общем объеме остается самой высокой.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что молдавские граждане использовали безвизовый режим для поездок в страны СНГ до либерализации визового режима с ЕС в 2014 году. После введения безвизового режима с ЕС мобильный поток граждан Республики Молдова переориентировался на страны ЕС и Шенген-зоны, что привело к значительному сокращению мобильного потока в страны СНГ. Вместе с тем в условиях наличия родственных, дружеских, образовательных, культурных связей, миграционных устремлений граждан, интересных туристических маршрутов безвизовый режим пересечения границ стран членов СНГ может рассматриваться как фактор взаимосвязанности постсоветского пространства.

Библиография

1. Больше всего денег шлют из России: гастарбайтеры стали меньше слать денег в Молдову [online]. Availableat: https://www.kp.md/daily/27087/4159703/

2. Вопросы миграции [online]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Documents/вопросы_миграции.pdf

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [online]. Available at: http://www.eurasiancommission.org

4. Договор о Союзе двух стран [online]. Available at: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor3/

5. Заявление «О десяти простых шагах навстречу простым людям»[online]. Available at: http://pravo.kulichki.com/zak/megd/meg02264.htm

6. ИВАХНЮК, И.В. Миграционная взаимозависимость [online]. Available at: http://www.gumilev-center.ru/migracionnaya-vzaimozavisimost/

7. ПОЛЕТАЕВ, Д. Решение проблем трудовой миграции в контексте Евразийского Союза. Аналитический отчет. Май 2019. [online]. Available at: https://www.pragueprocess.eu/

8. Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной. [online]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/1900745

9. Протокол о прекращении действия соглашения от 13 ноября 1992 года о взаимном признании виз государств-участников СНГ, http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5048

10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Азербайджанской Республики(Москва, 3 июля 1997 г.)https://www.kdmid.ru/docs

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины (Москва, 16 января 1997 г.),https://www.kdmid.ru/docs

12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимных безвизовых поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Армения (с изменениями на 24 января 2017 года)[online]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/901779291

13. Соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Молдова (в редакции на 07.03.2006 г.), https://www.kdmid.ru/docs

14. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о безвизовых поездках граждан (вступило в силу 5 августа 2010 года), https://www.mvd.gov.by/uploads/dgim/s2.pdf

15. Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимных безвизовых поездках граждан от 30 ноября 2000 года [online]. Available at: http://evrazes.com/docs/view/45

16. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств [online]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/1900745

17. Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников, http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=149

18. Соглашение о взаимном признании виз государств - участников Содружества Независимых Государств [online]. Available at: http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=163

19. Соглашение об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств-участников Союзного государства [online]. Available at: http://www.postkomsg.com/documentation/rights/19/

20. Соглашение об обеспечении свободного и равного права пересечения физическими лицами границ государств-участников Таможенного Союза и беспрепятственного перемещения ими товаров и валюты [online]. Available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3964

21. Соглашение о правовом статусе мигрантов и членов их семей [online]. Available at: http://www.fas.

gov.ru/international-partnership/common-economic-space/documents/documents_30775.html

22. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств [online]. Available at: http://fas.gov.ru/international-partnership/common-economic-space/documents/documents_30786.html

23. Статистический бюллетень «Статистика СНГ» №3 (559), 2019 [online]. Available at: http://www.cisstat.com/migration/

24. Токаев предложил ввести единый визовый режим для стран СНГ[online]. Available at: https://strategy2050.kz/ru/news/tokaev-predlozhil-vvesti-edinyy-vizovyy-rezhim-dlya-stran-sng/

25. Трудовая миграция в Россию: страны СНГ обгоняют ЕАЭС, https://eurasia.expert/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-strany-sng-eaes/

26. Устав Содружества Независимых Государств [online]. Available at: http://hrlibrary.umn.edu/russian/cis/Rcharter.html

27. Устав Союза[online]. Available at: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor4/

28. Численность выходцев из Республики Молдова в других странах, https://ru.sputnik.md/infographics/20171230/16423159/naselenie-moldovy-v-mire.html

29. Число молдаван, работающих в России, резко сократилось, https://point.md/ru/novosti/obschestvo/chislo-moldavan-rabotaiushchikh-v-rossii-rezko-sokratilos

30. SVETLICINII, R. Visa-free regime in the post-soviet space. In: Visa-free regime: international and moldovan experience. Moldova State Univ., Fac. of Intern. Relations, Polit. and Administrative Sci., Lab. of Polit. Sociology; coord.: V.Mosneaga. - Chişinău: CEP USM, 2019, pp.39-47.

31. TURCAN, V., MOSNEAGA, V., MOSNEAGA, G., TURCO, E. Visa-free regime between the Republic of Moldova and the European Union in the context of the migration mobility of the moldovan population. In: Visa-free regime: international and moldovan experience. Moldova State Univ., Fac. of Intern. Relations, Polit. and Administrative Sci., Lab. of Polit. Sociology; coord.: V.Mosneaga. Chişinău: CEP USM, 2019. pp.144-163.

32. TURCO, T. Migration without borders and visa-free regime. In: Visa-free regime: international and moldovan experience.Moldova State Univ., Fac. of Intern. Relations, Polit. and Administrative Sci., Lab. of Polit. Sociology; coord.: V.Mosneaga. Chişinău: CEP USM, 2019. pp.7-25.

CZU 03.01.1900 22:32
DOI 10.5281/zenodo.3980585

«ПРОШЛОЕ», МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ[1]

Александр ШИРИНЯНЦ
Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Факультет политологии,
Кафедра истории социально-политических учений, Российская Федерация
e-mail: *jants@yandex.ru*
https://orcid.org/0000-0002-6949-2256

В статье предпринята попытка определить роль мифа и мифомышления в обществе, показана связь социально-политического мифа с идеологией, политикой, исторической памятью. Дана характеристика «базовым мифам общества». Показано, что единственное, что консолидирует наше общество сегодня, это образ народа - победителя фашизма. Однако и этот образ пытаются разрушить. Обосновывается вывод о необходимости противопоставить этим попыткам концепцию русской отечественной истории, которая должна состоять не из поражений и катастроф, а быть героической, т.е. включать примеры преодоления трудностей, примеры побед и достижений. В том числе в годы Великой Отечественной Войны (Вторая Мировая Война).

Ключевые слова: *миф, базовый миф общества, Великая Отечественная Война (Вторая Мировая Война), политика исторической памяти.*

”TRECUTUL”, MITURILE ȘI MEMORIA ISTORICĂ DESPRE RĂZBOI

Articolul încearcă să determine rolul mitului și al gândirii mitologice în societate, arată relația mitului social-politic cu ideologia, politica, memoria istorică. Este prezentată o caracteristică a „miturilor de bază ale societății”. Se evidențiază că singurul lucru care consolidează societatea de azi este imaginea poporului – învingător al fascismului. Cu toate acestea, se încearcă distrugerea și acestei imagini. Se argumentează necesitatea de a contrapune unor astfel de încercări conceptul de istorie națională rusă, care ar trebui să constea nu din înfrângeri și dezastre, ci să fie eroică, adică să includă exemple de depășire a dificultăților, de victorii și realizări. Inclusiv în anii Marelui Război pentru Apărarea Patriei (al Doilea Război Mondial).

Cuvinte-cheie: *mit, mitul de bază al societății, Marele Război pentru Apărarea Patriei (al Doilea Război Mondial), politica memoriei istorice.*

”THE PAST”, MYTHS AND HISTORICAL MEMORY OF THE WAR

The article tries to determine the role of myth and mythological thinking in society, shows the relationship of socio-political myth with ideology, politics, historical memory. A feature of the "basic myths of society" is presented. The only thing

[1] *В статье использованы материалы выступлений автора на семинарах Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) «История Второй мировой войны: пересмотр итогов как инструмент современной геополитики» (Калининград, 5-6 сентября 2018 г.), «Будущее России: историческая память как основа консолидации общества и формирования национальной идентичности» (Севастополь, 28-29 мая 2017 г.), а также на конференциях «Россия в системе новых глобальных вызовов» (к 70-летию профессора Н.С. Слепцова) (Москва, 25 октября 2019 г.) и «Военная история России: проблемы, поиски, решения» (Волгоград, 17-18 апреля 2020 г.).*

that strengthens today's society is the image of the people - the winner of fascism. However, they are also trying to destroy this image. It is argued that the concept of Russian national history should be contrasted with these challenges, which should consist not of defeats and disasters, but of being heroic, i.e. including examples of overcoming difficulties, examples of victories and achievements. Even in the years of the Great War for the Defense of the Fatherland (World War II).

Keywords: *myth, the basic myth of society, the Great War for the Defense of the Fatherland (World War II), the politics of historical memory.*

”PASSÉ”, MYTHES ET MÉMOIRE HISTORIQUE DE LA GUERRE

L'article tente de déterminer le rôle du mythe et de la pensée mythologique dans la société, montre le lien entre le mythe socio-politique et l'idéologie, la politique, la mémoire historique. La caractérisation des «mythes de base de la société» est donnée. Il est montré que la seule chose qui consolide notre société aujourd'hui, c'est l'image d'un people vainqueur du fascisme. Cependant, cette image essaie d'être détruit. La conclusion est fondée sur la nécessité d'opposer à ces tentatives le concept de l'histoire nationale russe, qui ne devrait pas consister en défaites et en catastrophes, mais être héroïque, c'est-à-dire inclure des exemples de surmonter les difficulties, des exemples de victoires et de réalisations. Y compris pendant la Grande Guerre Patriotique (SecondeGuerre Mondiale).

Mots-clés: *mythe, mythe de base de la société, Grande Guerre Patriotique (Seconde Guerre Mondiale), politique de la mémoire historique.*

В потоке современных глобальных вызовов важное место занимают трактовки прошлого нашей страны, мира и человечества. Эти трактовки, подчас подчиненные определенным сиюминутным политическим целям, приобретающие мифологический характер, становятся самой серьезной проблемой исторической, и шире – символической политики России.

Такая проблематичность связана с тем, что история и политика – это сплошная мифология [5, с.282]. А миф и мифология – многозначные термины, отражающие сложные явления.

Действительно, научное понимание мифа и мифологии много сложнее профанного значения, характерного для повседневного словоупотребления, в котором миф, как отмечал А.Ф.Лосев, стал «синонимом небытия, несуществования, ложной выдумки, нереальной фантастики» [8, с.480].

Нет нужды здесь говорить об «эйдосе, данном как интеллигенции», об «уровнях апофазиса», о «нуминозных значениях», «меонизации смысла», «самосознании в инобытии» и т.п. Отметим только, что слово «миф» это не просто калька с греческого слова, означающего «сказание или предание». Слово «миф» имеет более древнюю (и сложную) этимологию, восходящую к санскриту, где термин имел значение «заботиться о чем-то», «иметь в виду что-то», «страстно желать». А, например, у Гомера означал «предписание», «совет», «приказ», «назначение», «намерение», «цель»,«сообщение», «обещание», «просьбу», «умысел», «угрозу», «упрек», «защиту», «похвальбу»[1].

Само понятие мифа неопределенно, расплывчато. Поэтому, видимо, и существуют различные подходы к его определению, из всего многообразия которых наиболее важным представляется подход, трактующий миф как главным образом - повествование, обращенное в прошлое, но сохраняющее свою эксплекативную функцию и в настоящем, так как это повествование разъясняет и оправдывает перипетии судьбы человека или некоторых форм организации общества. Миф - это не просто «фантастическое представление о мире...», «это

[1] *Здесь же Лосев отмечает, что если миф противопоставляется делу, «то все же это такого рода мысль, которая обладает специальной и иной раз даже волевой интенцией, предполагающей большую заинтересованность в предмете» [9, с.169].*

история о том, что произошло *in illo tempore* (в те времена - *лат. А.Ш.*)... «Рассказанный» однажды, т.е. открытый, миф становится аподиктической истиной, в нем абсолютная правда» - отмечал Мирча Эллиаде [20, с.63], - подчеркивая, что главная функция мифа, заключается «в «установлении» образцовых моделей всех значимых человеческих деятельностей [20, с.65]. Другими словами, миф – это, прежде всего, образцовая модель.

В то же время, миф, выступая формой синтетического понимания мира, выполняет в некоторых случаях прагматические функции. Будучи вымыслом, миф всегда поучает, становится источником, из которого люди черпают смысл своего существования в обществе [17, с.91].

В основе мифомышления (или мифологического мышления) - оперирование эмоционально-ценностными представлениями, конструирование целостной иррационально-иллюзорной формы сознания, которая на грани сознательного и бессознательного, на чувственно-дорефлективном уровне освоения мира организует ценностно обусловленные установки, являющиеся условиями, средствами и ориентирами поведения [4, с.123; 13, с.148]. Говоря проще, миф выступает мобилизующей силой, он консолидирует и направляет действия людей[2].

Не случайно эта воздействующая регулятивная функция активно используется, например, в политике, сознательно конструирующей определенные мифологемы с целью эффективного воздействия на сознание.

[2] *Некое синтетическое определение может выглядеть следующим образом: Миф - т.е. взаимосвязанная и законченная система верований, не нуждающаяся ни в каком обосновании, кроме собственного утверждения, и ни в какой логике, кроме ее собственной - это, с одной стороны, специфическая психологическая реальность, представляющая собой последовательную цепь образов; с другой - это деформированная, объективно не связанная с реальностью интеллектуальная интерпретация, обладающая экспликативной функцией и мобилизующей силой [2, с.98].*

* * *

Чтобы не быть голословным, приведем, пожалуй, самый масштабный пример такого воздействия - культурный миф Просвещения. Он был создан в XVIII веке усилиями философов-интеллектуалов, и до сих пор определяет ориентации и психологию многих людей, в том числе людей, пытающихся определить рамки политики исторической памяти. Основой этого мифа была вера в завершение периода зла и насилия в истории человечества. «Порождения суеверия и фанатизма рассеиваются под лучами Просвещения, - с долей иронии писал Ю.М.Лотман, - наступает эра, когда благородная сущность Человека проявится во всем блеске» [10, с.413]. Возможность этой благодетельной перемены связывалась с духом антитрадиционализма. Исторически сложившееся объявлялось плодом предрассудков, насилия и суеверия. Как писал Вольтер, «История великих событий в нашем мире - это только история преступлений» [21, p.351]. Плоды Разума и Просвещения должны были возникнуть в результате полного отречения от традиций, верований отцов и вековых убеждений. «Странным образом человек Просвещения напоминал христианина первых веков: он отвергал существующее как царство тьмы, проклинал историческую традицию и чаял наступления нового неба и новой земли. Зло для него воплощалось в реальной истории человечества, а добро - в утопической теории. Как и христианин первых веков, он был убежден в том, что Великое Преображение должно произойти со дня на день. Но для этого человек Разума и Природы должен порвать с предрассудками и со всем тем, что Лермонтов назвал «заветными отцовскими поверьями» [10, с.414][3].

[3] *Этот отказ от собственного наследства приводил к парадоксальным результатам. Когда, например, во Франции пытались смоделировать «английскую точку зрения», для всей остальной Европы идеи Просвещения говорили по-французски. «Мыслить по-просветительски означало мыслить так, как в философских салонах Парижа» [10, с.415].*

Это было в XIX веке. А что же сейчас? И сейчас полно людей, мыслящих «по-просветительски», «по-европейски». Конкретный пример - коллеги из солидной общественной организации (СВОП[4]), которые в рамках проекта «Стратегия XXI» [16][5] призвали осуществлять политику исторической памяти не с помощью ответов на вопрос «чем гордимся?», а с помощью ответов на вопрос «чего стыдимся?». По их логике, с помощью стыда за свое прошлое, с помощью «трагического измерения» — как они это называют, достигается «эмоциональная вовлеченность»[6]. Можно подумать, что с помощью гордости такая вовлеченность не достигается…

* * *

Но вернемся к мифу. Обратимся к идеям Р.Ч.Такера о «базовом мифе общества». Термин «миф», подчеркивает Такер, не используется здесь в привычном, иногда пренебрежительном смысле, означающем неправду. Базовым мифом он называет «ядро верований, как бы центральный нерв, в котором заложены гены идеальной культурной модели» и утверждает, что «Подобные мифы являются источниками, из которых люди черпают смысл своего существования в обществе; таким образом, эти мифы, если можно так выразиться, есть не что иное, как общество в его интеллектуальной концентрации» [17, с.91]. Миф этот выявляет то, что в глазах членов общества особенно ценно.

Что касается нашей страны, то базовым мифом стал миф о России как православном царстве или же о сообществе строителей социализма и коммунизма. Русь исторически развивалась как сообщество истинно верующих, т. е. тех, кто принадлежал к русской православной вере, считал Н.А.Бердяев. «Русь там, где истина веры. Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя» - утверждал он [1, с.49]. Базовый миф России - православное царство, т.е. политическое сообщество единоверцев, вторит ему Такер. Этот образ прочно утвердился в народном сознании. Свидетельство тому - крестьянство, называвшее себя не «русскими», а «православными», «крещенными». «Их языком был русский, ощущали они себя православными», - отмечает Такер [17, с.67]. И центральное место в этой мифологии принадлежало Царю. Потеря веры в царя воспринималась как признак грядущего конца царства. Этот базовый миф попытались разрушить в 1917 году, заменив его новым базовым мифом уже Советской России как «сообщества строителей социализма», единых в своей вере в социализм и последующий коммунизм в качестве трансцендентных целей, которым стоит посвятить жизнь. В 30-е годы XX в. два этих базовых мифа, в силу низкого культурного уровня новообращенных деятелей большевизма - выходцев из низов, парадоксально переплелись в восприятии России «как нового православного царства с марксистско-ленинско-сталинским вероисповеданием, и, разумеется, с новым, хотя и некоронованным царем во главе» [17, с.68].

После окончания Великой Отечественной войны этот миф обогатился образами «победителя фашизма» и «освободителя Европы». Причем

[4] *Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) — неправительственное общественное объединение, которое заявляет, что «не занимается политикой», а «вырабатывает и предоставляет власти экспертную оценку проблемы».*

[5] *Проект 2014 г. Все стратегические тезисы этого проекта, касающиеся политики исторической памяти, дословно повторены в статье, опубликованной в газете «Протестант» в феврале 2018 г. [11].*

[6] *«Историческое повествование не может быть плоским, сводящимся к ответу на вопрос «чем будем гордиться». Нужен и вопрос (и ответ) «чего стыдимся», нужно трагическое измерение, иначе эмоциональная вовлеченность не достигается» [16].*

речь в данном случае шла не только и не столько об СССР, а о народе. Даже советские лидеры, хотя и пытались связать победу главным образом с преимуществами социалистического строя, вынуждены были признать решающую роль русского народа в исторической победе над фашизмом. Недаром в мае 1945 года И.В.Сталин заявил, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что «он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны» [15, с.228].

Базовый миф «сообщества строителей социализма» попытались разрушить инициаторы перестройки 1985-1991 гг. М.С.Горбачев провозгласил «новое мышление», политику «гласности». Советский народ призвали покаяться «за грехи прошлого» и стали вполне в просветительском духе и в критическом ключе переписывать «официальную» историю.

В результате, наверное, единственное, что консолидирует наше общество сегодня, это образ народа - победителя фашизма, образ Великой войны, образ Великой Победы. Однако и эти образы пытаются разрушить. Не случайно, что именно Великая Отечественная война, ее события и герои, итоги Второй мировой войны - все это становится объектом политических спекуляций.

* * *

О чем «заботится» миф в области исторической памяти сегодня? Какие функции выполняет? Для ответа на эти вопросы необходимо четко представлять, каково место национальной истории в жизни любого народа и государства. Нужно оговориться, что речь идет не о построениях ученых, скрупулезно выверяющих пределы допустимого в своих утверждениях о прошлом и все время рефлектирующих по поводу степени их обоснованности. Речь идет о той мифологизированной версии национальной истории, которая прочно вошла в общественное сознание, помогает людям лучше понять свое настоящее и представить будущее. Особенностью этой памяти является то, что она придает событиям и людям символическое значение, усматривая в каком-то отдельном событии или человеке воплощение духа и чаяний целой эпохи, наделяя их героическими чертами. Именно они служат опорами национального самосознания, становятся источниками патриотизма… А не «ужас» и «катастрофы» или «покаянные настроения»...[7].

До недавнего времени историки и популяризаторы не покушались на символы такой памяти, совершенно справедливо считая, что обычно в событии-символе сохраняется воспоминание о реально важном эпизоде истории народа. Однако сейчас, и мы это видим ясно, задача просвещения в области истории уступила место целям пропаганды. После перестройки страну захлестнул вал популярной исторической литературы, разрушающей историческую память народа. Наступление представителей этой, так называемой, «фолк-хистори» на историческую память ведется с четких русофобских позиций и обычно в двух направлениях. Русофобская *позиция* заключается в том, что эти авторы, как многие их предшественники, повторяют одно и то же, смысл которого сводится к тому, что «русские варвары и рабы ни на что неспособны, и выжили благодаря благородной помощи просвещенного Запада»[8]. А два взаимосвязанных *направления* наступления на историческую память такие: 1. «новое прочтение»

---

[7] *Как позитивный пример, можно привести книгу «Отечество в Великой войне 1941–1945 гг. Образы и тексты» (М., 2015), которая стала победителем Всероссийского конкурса «Просвещение через книгу» за 2016 год в номинации «Лучшая духовно-патриотическая книга» [14].*

[8] *О русофобии см. [19].*

событий; 2. негативистское отношение к «официальной» историографии.

Как отмечают авторы одной из занимательных книг, посвященной критике фальсификаторов истории: «Пафос подобного рода монстров неизменно сводится либо к ниспровержению существующих представлений о тех или иных исторических событиях, либо к осуждению того, что уже свершилось в истории. Первый случай понятен, все то же: историки - дурачье (отсюда, кстати говоря, следует вывод о том, что монстр не может быть историком-профессионалом, знающим человеком - как же он тогда будет клеймить себе подобных?). Во втором случае монстр просто объясняет аудитории, как мерзко и неправильно вели себя далекие предки, и как надо было им себя вести, чтобы все было хорошо. И это производит впечатление» [6].

Абсолютно прав замечательный историк, крупнейший специалист по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн - Юрий Александрович Никифоров, который не устает повторять, что эти войны, безусловно, являются «одной из опор коллективной памяти российского народа» [12]. Действительно, образы Великой войны и Великой Победы, образ народа-победителя, являются символами могущества нашего Отечества, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, служат напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладает Россия и ее народ. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к повторяющимся попыткам предложить обществу новые модели Второй мировой войны, «новое прочтение» ее истории, которое включает пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения, обстоятельств ее развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («восточного фронта»), хода и итогов. И у Никифорова, и у российских военных историков, да и у просто думающих людей не может не вызвать тревогу и отторжение то, к*а*к ведется освещение событий войны во многих средствах массовой информации. А ведется оно крайне предвзято, в негативистском ключе, с нарочитым пренебрежением к фактам и документам. При этом все специалисты знают, что никаких новых научных «версий» по поводу ключевых моментов войны нет и быть не может, так как научная версия одна - и она определяется жесткой системой координат, заданной имеющимися документальными источниками. Все остальные версии - из разряда «фолк-хистори»… Не случайно, что «новаторы» в области военной истории «гордо» дистанцируются от неадекватной, по их мнению, «официальной историографии».

На что же направлены действия фальсификаторов, к чему ведут попытки переписать историю войны и русскую историю в целом? В чем смысл вздорных и нелепых выступлений СМИ, «часто аффилированных с Западом и нашими так называемыми либеральными мыслителями» [3, с.7]? Смысл в том, что в результате этих действий у человека должна возникнуть мысль о непредсказуемости российского прошлого и чаадаевское ощущение, что мы безродные подкидыши, у которых нет истории[9].

***

Но, если кто-то думает, что наше общество лишается исторической памяти только потому,

---

[9] *«Дело в том, - писал Чаадаев, - что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия» [18].*

что некие недоброжелатели за границей занимаются умалением роли России, то он ошибается. Специалисты-историки хорошо понимают, что «Главная проблема внутри самой страны, где созданы условия и поощряется распространение самых диких версий национальной истории, в том числе дискредитирующих ее главнейших деятелей и важнейшие символические события» [12].

Вместо серьезного и честного разговора в российских СМИ правит бал оголтелый пиар дичайших версий фальсификаторов: то на полном серьёзе вкось и вкривь обсуждают «открытие» украинских «ученых», которые обнаружили, что Будда, Иисус Христос и древние египтяне были украинцами (причем, никто не проводит аналогии и даже не вспоминает при этом, как Гитлер в 1939 г. поручил немецким теологам переписать Новый завет и доказать, что Иисус Христос не был евреем). То, переврав смысл слов немецкого ученого Маттиаса Уля (который вполне лоялен к России, много лет работает в Германском историческом институте в Москве), начинают раздувать сенсацию о том, что немецкие ученые заявляют о победе гитлеровской армии под Прохоровкой в ходе Курской битвы. То негодуют, по поводу того, что многие американцы считают победителями во Второй мировой войне США, а не СССР (негодующие по этому поводу заявляют о том, что «подобная фальсификация сегодня формирует в США атмосферу самодовольства, безнаказанности и агрессии» [7, с.6]. Но это ведь двусмысленная с точки зрения формальной логики и здравого смысла фраза. Если признание победы в этой войне формирует атмосферу самодовольства, безнаказанности и агрессии, то почему тогда в России нет этой атмосферы?). То возмущаются содержанием школьных учебников в Прибалтике, США, Узбекистане, и других странах, в которых представлена своя версия Второй мировой войны, не совпадающая с нашей, и на полном серьёзе предлагают дать отпор этим «фальсификаторам»…

Нескольким историкам был задан простой вопрос - должны ли мы вмешиваться в политику исторической памяти других стран, например, пытаться менять содержание школьных учебников в Узбекистане или США? И, если должны, то как, каким образом? И был получен однозначный ответ - «должны»! «Нужно бить фактами», «демонстрировать свое отношение» и прочее и прочее. Но, на наш взгляд, этого делать не стоит… Бесполезно! Наивно предполагать, что в этих странах после российской критики откажутся от собственных версий национальной истории и вместо конструирования консолидирующих и мобилизующих народ мифов займутся «покаянием», критикой и умалением собственной истории. Более того, очевидно и то, что не нужно «таскать каштаны из огня» для фальсификаторов-русофобов, обращая на них внимание и обсуждая это в телевизионных программах, статьях в популярных газетах, журналах и в интернете. Ничего другого, кроме пропаганды, пиара и распространения их убогих идей, мы тем самым не добьемся.

Нужно заниматься своими проблемами, в своей стране — и делать все для формирования патриотического исторического сознания наших граждан, а не узбеков или американцев. В том числе и с помощью школьных учебников, с помощью единой концепции русской отечественной истории, которая должна состоять не из поражений и катастроф, а быть героической (в хорошем смысле слова), то есть включать, прежде всего, примеры преодоления трудностей, побед и достижений.

Библиография

1. БЕРДЯЕВ, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. // О России и русской философской культуре. Философы

русского послеоктябрьского зарубежья. Москва, 1990. – с. 43-271.

2. ВАСИЧ, В.Н. Политика. Культура. Время. Мифы. / В.Н.Васич, А.А.Ширинянц. Москва: Диалог-МГУ, 1999. – 129 с.

3. ГАСПАРЯН, А.С. 1941-1945. Оболганная война / А.С. Гаспарян. Санкт-Петербург: Питер, 2018. – 299 с.

4. ГОЛОСОВКЕР, Я.Э.Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. Москва: Наука, 1987. – 217 с.

5. ГУЛЫГА, А.В. Русская идея и ее творцы / А.В. Гулыга. Москва: Соратник, 1995. – 310 с.

6. ВОЛОДИХИН, Д., ЕЛИСЕЕВА, О., ОЛЕЙНИКОВ, Д. История России в мелкий горошек. Памяти исторической науки посвящается. [Электронный ресурс] URL: https://www.litmir.me/br/?b=8393&p=1 (Дата обращения 23.11.2019).

7. КОСТИКОВ, В. Эй, вратарь, готовься к бою… // Аргументы и факты №35, 2018 (29 августа – 4 сентября). С. 6.

8. ЛОСЕВ, А.Ф. Диалектика мифа. // Лосев А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф.Лосев. Москва: Правда, 1990. С. 393-599.

9. ЛОСЕВ, А.Ф. История античной эстетики. Последние века: В 2 кн. Кн.2. / А.Ф.Лосев. Москва: Искусство, 1988. – 447 с.

10. ЛОТМАН, Ю.М. Архаисты-просветители. // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). Москва: «Языки русской культуры», 1996. – с.410-428.

11. МИЛЛЕР, А.И. Политика исторической Памяти: оценка проблемы, стратегии подхода. // Протестант. [Электронный ресурс] URL: http://www.gazetaprotestant.ru/2018/02/politika-istoricheskoj-pamyati-ocenka-problemy-strategii-podxoda (дата обращения 22.11.2019)

12. НИКИФОРОВ, Ю.А. Общество начинает относиться к истории не как к науке, а как к литературному творчеству. // Газета.ру [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/comments/2008/05/20_x_2729555.shtml?updated (Дата обращения 24.11.2019).

13. ОСАЧЕНКО, Ю.С. Введение в философию мифа / Осаченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Москва: Фирма «Интерпракс», 1994. – 173 с.

14. Отечество в Великой войне 1941-1945 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К.Сорокина, А.Ю.Шутова. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – 279 с.

15. СТАЛИН, И.В. Выступления на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. Москва: Издательство «Писатель», 1997. С. 228.

16. СТРАТЕГИЯ XXI (Версия для обсуждения). [Электронный ресурс]. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/strategy_2new.pdf (дата обращения 20.11.2019).

17. ТАКЕР, Р.С. Политическая культура и лидерство в Советской России: От Ленина до Горбачева (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 2. С. 87-95.

18. ЧААДАЕВ, П.Я. Философические письма. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml) (дата обращения 12.11.2019).

19. ШУТОВ, А.Ю. Россия в западном зеркале: отражения и искажения. Русский вопрос в стории политики и мысли. Антология (под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца) / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянц, О.Е. Сорокопудова, А.В. Мырикова, Н.Р. Сетов, А.В. Топычканов, З.Н. Осадченко // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. 2015. № 2. С. 175–207.

20. ЭЛИАДЕ, М. Священное и мирское. / М.Элиаде. Москва: Издательство Московского университета, 1994. – 143 с.

21. VOLTAIRE, de, M. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations. Vol. 1. / Voltaire, M. Paris: Werdet & Lequien fils. 1829. [Электронный ресурс]. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Voltaire/essai_sur_les_moeurs_t1/voltaire_essai_sur_les_moeurs_t1.pdf (дата обращения 19.11.2019).

Recenzie la monografia

„INSTITUȚIILE SOCIETĂȚII CIVILE ȘI DEZVOLTAREA COMUNITĂȚILOR LOCALE MOLDOVENEȘTI”

Alexandru ROMAN
Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Republica Moldova
e-mail: *profaroman@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0003-0011-9194

Constantin SOLOMON
Doctor habilitat în politologie, profesor universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Republica Moldova
e-mail: *c.solomon1948@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0003-2990-855X

Review of the monograph

"CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND THE DEVELOPMENT OF LOCAL MOLDOVAN COMMUNITIES"

Revue de la monographie

"ISTITUTIONS DE LA SOCIÉTÉ CIVILE ET DÉVELOPPEMENT DES COMMUNAUTÉS LOCALES MOLDAVES"

Рецензия на монографию

«ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ МЕСТНЫХ МОЛДАВСКИХ СООБЩЕСТВ»

Monografia ***„Instituțiile societății civile și dezvoltarea comunităților locale moldovenești”*** elaborată de către doamna **Carolina Budurina-Goreacii, doctor în științe politice, lector universitar la Departamentul Relații Internaționale al Facultății Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Universitatea de Stat din Moldova,** constituie un demers ştiinţific, dar și teoretico–aplicativ, al cărui valoare este determinată de abordarea unui subiect de maximă actualitate şi de orientarea acestuia către identificarea, cu obiectivitate, a principalelor aspecte legate de activitatea instituțiilor societății civile din Republica Moldova.

Studiul recenzat este elaborat într-o perioadă de profunde transformări nu doar la nivel internaţional, cât și la cel național, când instituțiile societății civile au devenit actori importanți în raport cu statul, participând activ la dezvoltarea comunităților, unde cetăţeanul este plasat

în centrul inițiativelor civice locale. Este salutabilă tentativa reușită a dnei dr. Carolina Budurina-Goreacii de investigare științifică a problemei enunțate, ținând cont și de faptul că aceasta reprezintă o continuitate a demersului tematic lansat acum circa un deceniu și jumătate la Conferința Națională *Dezvoltarea comunitară în Republica Moldova: Realități și perspective,* care a fost realizată cu suportul Departamentului Regatului Unit pentru Dezvoltare Internațională (DFID) [1]. Apropo, la acest for științific au prezentat rapoarte tematice și profesorii universitari ai Departamentului Relații Internaționale de la FRIȘPA, dnii Gr.Vasilescu și Al.Roman [2].

Tema abordată în prezenta monografie se evidențiază printr-o actualitate și importanță deosebită. Practic, a devenit axiomatică supoziția că nivelul de implicare și de participare a societății civile prin instituțiile sale în viața publică și în procesul decizional reprezintă un indicator al gradului de democratizare. În această logică, statul ar trebui să trateze instituțiile societății civile în plenitudinea lor nu ca pe un adversar, ci ca partener, care contribuie la promovarea proceselor de modernizare prin dezvoltare și democratizare.

Investigația este consacrată cercetării impactului instituțiilor societății civile asupra dezvoltării comunităților locale moldovenești, fiind supuse cercetărilor științifice atât nivelul de implicare, cât și rezultatele obținute. Acest subiect întrunește valențe aplicative deosebite datorită necesităților de dezvoltare a democrației participative, de fortificare a capacităților autorităților, altor entități de nivel local, de descentralizare și autonomizare decizională și financiar-fiscală, de consolidare a colectivităților locale.

Tocmai într-un context comparativ, în raport cu realitățile existente acum circa trei decenii, condițiile în care statul-partid avea un control total asupra societății, iar cetățeanul era limitat în realizarea acțiunilor individuale la nivel local, reformele democratice adoptate nu prevedeau anumite mecanisme orientate spre dezvoltarea instituțiilor societății civile, așa cum acestea necesitau timp, resurse și schimbări în mentalitatea oamenilor.

Doar după proclamarea independenței Republicii Moldova din 27 august 1991 instituţiile societăţii civile au început tot mai mult să prezinte interes de a participa la procesul decizional, și respectiv, cercetarea rolului instituţiilor societăţii civile în dezvoltarea comunităților locale devine un subiect de maximă importanță. Pornind de la aceste raționamente, instituțiile societății civile trebuie să aibă un rol pozitiv în dezvoltarea comunităților locale, prin implicarea comună a tuturor actorilor comunităților și prin menținerea unui dialog constructiv cu autoritățile APL/APC.

În acest sens, monografia ***"Instituțiile societății civile și dezvoltarea comunităților locale moldovenești"*** are o solidă fundamentare teoretică, autoarea demonstrând o profundă cunoaştere a temei, atât la nivel academic, cât şi practic. Totodată, lucrarea elaborată de Dna Carolina Budurina-Goreacii abordează o problemă complexă, axată pe cercetarea fenomenului instituțiilor societății civile și a dezvoltării comunităţilor locale moldoveneşti la etapa actuală. Sunt analizate și principalele probleme cu care se confruntă cetățenii la nivel local, precum și gradul de implicare și rezultatele obținute de către instituțiile societății civile în dezvoltarea comunității locale.

O realizare semnificativă a monografiei, supusă analizei noastre, constă în înaintarea în premieră în literatura științifică din Republica Moldova a conceptualizării fenomenului de „*instituţii ale societăţii civile*" şi cel de „*dezvoltare a comunităţii locale*", inclusiv şi a demonstrării relaţiei dintre aceste fenomene. În baza materialului disponibil acumulat, autoarea_lucrării prezintă impactul instituțiilor societății civile în dezvoltarea comunităților locale moldoveneşti într-o manieră ştiinţifică adecvată.

Importanța științifică a studiului dat rezidă în elaborarea şi prezentarea cadrului teoretico-metodologic, fundamentat şi argumentat ştiinţific, cu caracter interdisciplinar din punct de vedere metodologic. În particular, importanța teoretică a cercetării se exprimă

[1] *A se vedea: Dezvoltarea comunitară în Republica Moldova: Realități și perspective. Conferință Națională, 24-26 octombrie 2006. Red. Șt. Gr. Vasilescu. Chișinău, 2006, 204 p.*

[2] *Vasilescu Gr. Dezvoltarea comunitară – calea spre o democrație participativă, sau În loc de întroducere, pp.5-12; Roman Al., rectorul Academiei de Administrare Publică pe lângă Președintele Republicii Moldova. Resursele umane pentru dezvoltarea locală: actualitate, probleme și soluții, pp.44-60.*

prin elaborarea definiţiilor ale conceptelor „instituţii ale societăţii civile" şi „dezvoltarea a comunităţii locale", fiind argumentate ştiinţific dimensiunile corelative dintre aceste concepte. Totodată, unele teze abordate în lucrare privind prezentarea situației actuale a instituțiilor societății civile și rolul lor la nivel local pot fi utilizate, dezvoltate și valorificate cu succes în cadrul cursurilor universitare predate studenților și masteranzilor FRIȘPA spre exemplu: Politologie, Societate civilă, Pluripartitism politic, Teoria şi practica democraţiei etc.), precum și la diverse instituţii de învățământ superior atât în Republica Moldova, cât și peste hotarele acesteia.

Prezenta lucrare supusă examinării este structurată în trei compartimente. Astfel, în primul capitol - ***„Istoriografia și bazele teoretice ale studierii instituțiilor societății civile și dezvoltarea comunităților locale"*** autoarea îşi axează investigarea asupra reperilor istoriografice ale cercetării instituțiilor societății civile în contextul dezvoltării comunității locale, cât și a abordărilor conceptual - teoretice ale instituțiilor societății civile și dezvoltarea comunității locale, a dimensiunilor corelative dintre „instituțiile societății civile" și „dezvoltarea comunității locale", termeni consideraţi de către autoare, pe bună dreptate, relevanţi şi utili în analiza pe care şi-o propune. În general, această componentă structurală înglobează repere conceptuale, teoretico-metodologice și structural-funcționale ale raportului dintre instituțiile societății civile și dezvoltarea comunităților locale, reprezentând prin conţinut o introducere extinsă în temă. Vom concluziona că analiza istoriografică se distinge prin plenitudinea analizei lucrărilor științifice la temă, cu predilecție ce vizează societatea civilă, care întrunește reușit aspecte istoriografice (descrierea situației în domeniul de cercetare a problemelor abordate) și principalele instrumente teoretico-metodologice.

Cel de al doilea capitol - ***„Evoluţia instituțiilor societății civile moldovenești și a procesului de dezvoltare a comunităților locale în perioada de tranziție"***, conţine analiza contextului afirmării instituțiilor societăţii civile din Republica Moldova în contextul schimbărilor democratice, a cadrului legislativ de reglementare a activităţii instituțiilor societății civile, cât și a dinamicii dezvoltării comunităților locale în condițiile modificărilor structurale ale instituţiilor societăţii civile care, conform opiniei autoarei, au contribuit la formarea unui rol incontestabil în activitatea statului. Studiul realizat, în totalitatea sa, include aspecte ce vizează instituțiile societății civile, fiind propusă și o periodizare, în opinia noastră, justificată și plenar argumentată. Considerăm fundamentat scopul preconizat de a consolida interconexiunea dintre instituțiile societății civile și procesele de dezvoltare a comunităților locale, materialul prezentat însumând indicatori atât de nivelul central, cât și de prezență locală. De asemenea, autoarea supune cercetării cadrul legislativ de reglementare a activităţii instituțiilor societății civile în Moldova, cât și dinamica dezvoltării comunităților locale în condițiile modificărilor structurale ale instituţiilor societăţii civile.

În cadrul următorului, capitolului al treilea - ***„Evaluarea dezvoltării comunităților locale din perspectiva activității instituțiilor societății civile"***, efortul ştiinţific al autoarei se concentrează asupra relevanţei formalizării parteneriatului de colaborare dintre instituțiile societății civile și autoritățile APL în dezvoltarea comunităților locale. Merită atenție și cercetarea funcțiilor specifice ale instituțiilor societății civile în contextul schimbărilor socio-economice și culturale la nivel local. Vom menționa că în această componentă structurală se pune în lumină subiectul trasat prin definiție, abordând aspectele colaborării și parteneriatului în contextul necesităților, oportunităților și proceselor de dezvoltare comunitară locală atât în plan general, cât și concretizând în particular. Reliefarea celor trei zone din Republica Moldova (nord, centru și sud) ilustrează unele practici de succes în domeniu și demonstrează prezența unor rezerve și oportunități de valorificat în viitor pentru dezvoltarea locală în contextul necesităților de modernizare prin sporirea ponderii participării asociative. Subiectul abordat se distinge, după cum am subliniat, nu numai prin valențe aplicative, dar și prin noutate a rezultatelor obținute, dat fiind obiectul de studiu valorificat.

Astfel, valoarea teoretică și practică expuse în monografia recenzată reprezintă studiul situației reale actuale privind instituțiile societății civile în contextul dezvoltării comunităților locale moldovenești. Totodată, drept deficiență evidentă, a fost constatat nivelul scăzut al contribuției societății civile la dezvoltarea locală.

Lucrarea este utilă pentru informarea autorităților publice centrale și locale, dar și sensibilizarea comunității internaționale privind nivelul dezvoltării societății civile în Republica Moldova la etapa actuală. Aceasta conține analize teoretice și exemple practice care pot fi prezentate în cadrul cursurilor universitare de pregătire a funcționarilor publici din instituțiile de resort.

Monografia este scrisă într-un limbaj științific profesional, autoarea utilizează surse teoretice, informaționale, documentare, juridice relevante domeniului tematic. Diversele surse utilizate pentru cercetare sunt reflectate în referințe corespunzătoare.

Luând act de asertiunile reliefate, considerăm că monografia elaborată de către Dna Carolina Budurina-Goreacii se distinge prin originalitatea nivelului de abordare a subiectului supus investigației și deschide noi posibilități pentru cercetare.

Analiza evaluării funcțiilor specifice ale instituțiilor societății civile privind promovarea drepturilor omului, coexistenţa paşnică a minorităţilor entice şi consolidarea relaţiilor cu diaspora moldovenească; susţinerea dezvoltării economice; promovarea egalității de gen, dezvoltarea personală a tinerilor, dar şi asigurarea protecției sociale a cetăţenilor a demonstrat că există încă un șir de probleme care nu sunt soluționate. Deşi au fost realizate mai multe acţiuni la nivel local, totuşi un şir de drepturi ale omului nu sunt respectate, iar minorităţile etnice sunt deseori marginalizate, nefiind implicate la activităţile desfăşurate pe plan local, regional şi naţional, din cauza limbii vorbite, a culturii şi valorilor promovate. Persistă încă stereotipuri (mai ales la sate) cu privire la rolul femeii în societate, în timp ce situaţia economică din comunităţile locale continuă să fie precară. Totodată, un şir de probleme ale tinerilor nu au fost încă soluţionate, iar protecţia socială rămâne a fi o sarcină prioritară pentru asigurarea bunăstării generale a comunităţilor.

Pentru autoare, este importantă analiza unor cazuri concrete prezente în țară cu referire la practicile de succes ale instituțiilor societății civile în dezvoltarea comunităţilor din raioanele Şoldăneşti, Orhei şi Cahul. Lucrarea se încheie cu concluzii şi recomandări fundamentate pe analiza tuturor acestor factori.

Demersul ştiinţific semnat de **Dna Carolina Budurina-Goreacii** se remarcă printr-o atitudine echidistantă, fundamentat pe un impresionant aparat bibliografic. Lucrarea nu doar îndeamnă la obiectivitate, ci este ea însuşi un studiu caracterizat de obiectivitate, ceea ce coroborează plus-valoarea adusă în domeniul studiilorsocietății civile. Este o analiză de maximă actualitate, cuprinzătoare.

Lucrarea rezultată este relevantă nu doar în analizainstituțiilor societății civile și a procesului de dezvoltare a comunităților locale în perioada de tranziție, ci şi în cea a evaluării dezvoltării comunităților locale din perspectiva activității instituțiilor societății civile şi a rolului acestora în funcționarea statutului Republica Moldova. Prin urmare, monografia ***„Instituțiile societății civile și dezvoltarea comunităților locale moldovenești"***, prin conceptele explicate, prin caracterul actual al evenimentelor vizate, prin analiza obiectivă, echidistantă a activității instituțiilor societății civile moldovenești poate constitui un reper pentru experţii din mediul academic şi politic, cu preocupări orientate către evoluţia mediului intern a Republicii Moldova.

Reieșind din cele expuse mai sus, autorul a apreciat obiectiv rolul pasiv al instituţiilor societăţii civile moldoveneşti în dezvoltarea comunităţii locale, în acelaşi timp susținând că ele trebuie să aibă un rol pozitiv în dezvoltarea comunității locale, prin implicarea comună a tuturor actorilor comunității și prin menținerea unui dialog constructiv cu autoritățile APL/APC. Totuși, rezultatele acțiunilor instituțiilor societății civile și ale rolului lor depind nemijocit de atitudinea și activismul civic al cetăţenilor, dar și al autorităților APL, care trebuie să susțină și să încurajeze instituțiile societății civile în tot ceea ce fac. Astfel, ideile reflectate în monografie pot servi drept puncte de reper pentru noile cercetări în domeniu.

În final, vom evidenția că problemele abordate, concluziile și recomandările formulate și trasate în lucrare, demonstrează un nivel ştiinţific înalt al cercetării. Totodată, monografia este binevenită în contextul studiilor științifice actuale, având un impact semnifictiv asupra abordării impactului instituțiilor societății civile în dezvoltarea locală, care privește atât mediul academic, neguvernamental, cât și a comunităților moldovenești, în general.

COMPARTIMENTUL

SOCIOLOGIE

CZU 336.7:004
DOI 10.5281/zenodo.3980590

КРИПТОВАЛЮТА КАК НОВЕЙШАЯ ФОРМА ДЕНЕГ В XXI ВЕКЕ

Елизавета МОСАКОВА
Кандидат экономических наук, доцент
Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Факультет глобальных процессов,
Кафедра ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем и возникающих социальных и этических вызовов для больших городов и их населения, Российская Федерация
e-mail: *lizavetam@mail.ru)*
https://orcid.org/0000-0003-3714-7551

В статье рассматривается криптовалюта как новейшая форма денег в условиях стремительного развития IT-технологий. Обосновывается вывод о том, что криптовалюта обладает рядом преимуществ, что делает возможным ее интеграцию в мировую финансовую систему с целью повышения её эффективности. Однако, существуют и проблемы, связанные с использованием криптовалюты в качестве платежного средства. Так, возможность анонимного осуществления платежей посредством криптовалюты приводит к росту числа незаконных транзакций, к трудностям при налогообложении и пр. В заключении делается вывод о том, что в среднесрочной перспективе криптовалюта может претендовать на роль мировой валюты и заменить фиатные деньги.

Ключевые слова: *криптовалюта, биткоин, блокчейн, криптоиндустрия, капитализация рынка криптовалют, регулирование рынка криптовалют, фиатные деньги, национальная валюта.*

CRIPTOVALUTA ÎN CALITATE DE CEA MAI NOUĂ FORMĂ DE BANI DIN SEC. XXI

În acest articol este abordată problema monedei cripto, considerată cea mai nouă formă de bani în contextul dezvoltării rapide a tehnologiilor IT. Autorul concluzionează că moneda cripto are o serie de avantaje, ceea ce face posibilă integrarea acesteia în sistemul financiar global pentru a-i crește eficacitatea. Cu toate acestea, există probleme cauzate de utilizarea monedei respective. Astfel, posibilitatea utilizării anonime a criptomonedei duce la creșterea numărului de tranzacții ilegale, la dificultăți de impozitare etc. În concluzie, se evidențiază că, pe termen mediu, criptovalută poate pretinde la rolul de monedă mondială și înlocui banii fiat.

Cuvinte-cheie: *criptovalută, bitcoin, blockchain, industria criptelor, capitalizarea pieței criptocurrency, reglementarea pieței cryptocurrency, bani fiat, monedă națională.*

CRYPTOCURRENCY AS THE NEWEST FORM OF MONEY IN THE XXI CENTURY

This article is devoted to cryptocurrency as the newest form of currency in an era of a rapid IT development. The cryptocurrency is substantially known to have a number of advantages and, thus, could be integrated into the global financial system to increase its effectiveness. However, there are some issues concerning its usage. In particular, a possibility to

use cryptocurrency anonymously might cause some issues with taxation and also lead to an increasing number of illegal transactions. In conclusion it is stated that in the medium run cryptocurrency might qualify as the global currency and even replace fiat money.

Keywords: *cryptocurrency, bitcoin, blockchain, crypto industry, cryptocurrency capitalization, cryptocurrency market regulation, fiat money, national currency.*

LA CRYPTOMONNAIE COMME LA NOUVELLE FORME D'ARGENT AU XXIème SIÈCLE

Cet article est consacré à la cryptomonnaie en tant que nouvelle forme de monnaie à une époque de développement informatique rapide. La cryptomonnaie est essentiellement connue pour avoir un certain nombre d'avantages et, par conséquent, pourrait être intégrée dans le système financier mondial pour augmenter son efficacité. Cependant, il y a quelques problèmes concernant son utilisation. En particulier, la possibilité d'utiliser la cryptomonnaie de manière anonyme pourrait causer des problèmes fiscaux et entraîner un nombre croissant de transactions illégales. En conclusion, il est indiqué qu'à moyen terme, la cryptomonnaie pourrait être considérée comme la monnaie mondiale et même remplacer la monnaie fiduciaire.

Mots-clés: *cryptomonnaie, bitcoin, blockchain, industrie crypto, capitalisation du marché cryptomonnaie, régulation du marché cryptomonnaie, monnaie fiduciaire, monnaie nationale.*

Стремительное развитие IT-технологий способствовало активной их интеграции во все сферы жизни общества. Исключением не стала и финансовая сфера благодаря появлению технологии блокчейн.

Первая криптовалюта (BTC, биткоин) была сгенерирована 3 января 2009 года. Однако, криптовалюта как финансово-экономическая категория до сих пор ещё очень слабо изучена. Сегодня существует три основных подхода к определениюкриптовалют: цифровой, в рамках которого выделяется цифровое выражение стоимости (ФАТФ); бухгалтерский, в рамках которого криптовалюта выступает как финансовый актив, подлежащий финансовому учёту (РФ) [12] и макроэкономический, в рамках которого криптовалюты рассматриваются как электронные деньги, функционирующие в децентрализованной платёжной системе [6, с.162].

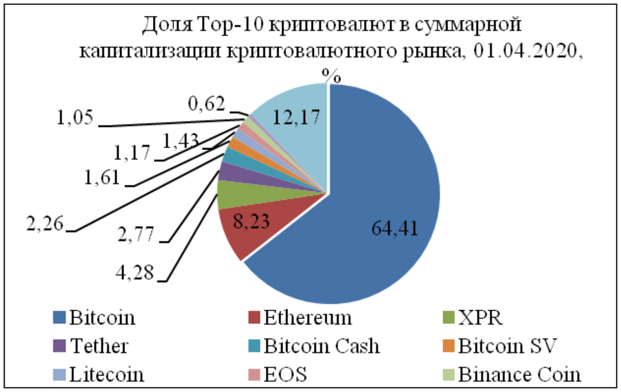
В целом же, криптовалюта определяется как разновидность цифровой валюты,[1] как цифровой механизм финансово-экономического обмена, виртуальный цифровой актив, по которому эмиссия и учёт транзакций происходит в рамках распределённой компьютерной сети.

Криптовалютный рынок развивается стремительными темпами – за 11 лет его суммарная капитализация достигла 193,480 млрд. Долларов [14]. На всем протяжении рассматриваемого периода росло количество видов криптовалют – если в начале развития рынка было две основные криптоваюты, то сейчас их выделяется уже несколько сотен. При этом доля рынка биткоин и лайткоин в суммарной капитализации криптовалютного рынка за 5 лет снизилась с 94,17% до 64,41% и с 4,73% до 1,43% соответственно [9]. Это обусловлено тем, что данные две криптовалюты появились одними из первых и за последующие 5 лет было эмитировано значительное количество новых криптовалют, которые заняли определённую нишу на криптовалютном рынке, сократив долю биткоина и лайткоина. К ним следует отнести: Эфириум

[1] *Цифровая валюта определяется как деньги, при помощи которых в цифровом мире можно осуществлять любые сделки, так как они обладают стоимостью традиционных денег. Отметим, что стоимость цифровых денег в большинстве стран мира привязана к национальным валютам, а также к драгоценным металлам (золото, серебро). Цифровая валюта не обладает физическим эквивалентом, она не существует в наличном варианте – только в электронном.*

(8,23%), XPR (4,28%), биткоин кэш (2,26%) и EOS (1,17%) (рис. 1).

Рисунок 1. Доля Top-10 криптовалют в суммарной капитализации криптовалютного рынка, 01.04.2020 г., % [9].

В чем же причины такого стремительного роста криптовалютного рынка? Во многом это обусловлено особенностями криптовалюткак новейшей формы денег. К их числу следует отнести:

- Децентрализация. Цифровая валюта не принадлежит определённой стране или банку, что означает отсутствие имущественного обеспечения совершаемых транзакций.
- Анонимность. Анонимность совершаемых транзакций и невозможность их отследить является одной из основных проблем развития криптовалютного рынка, так как это способствует росту числа нелегальных сделок с криптовалютой. Так, Венесуэла, введя в 2018 году национальную криптовалюту «Петро», превратилась в важное звено наркотрафика.

Однако, многие исследователи отмечают, что сделки с криптовалютной псевдо анонимны: все транзакции в каждой конкретной системе блокчейн, кроме закрытых систем, заносятся в публичную книгу транзакций, с которой может ознакомиться любой желающий. Кроме того, в истории транзакций можно увидеть IP-адрес, который использовался при осуществлении транзакции. Безусловно, с использованием современных технологий можно добиться практически полной анонимности при использовании технологии блокчейн. Но, как показывает практика, в частности, на примере ареста Росса Ульбрихта по делу «Шелкового Пути»,[2] отследить как отправителя, так и получателя вполне возможно.

- Защита всех транзакций. Технология блокчейн построена на принципах блоковой кодировки хранимой информации. И каждый блокчейн обладает собственным уровнем анонимности. Соответственно, криптовалютные операции имеют высокую степень защищенности, так как каждая транзакция представляет собой уникальный код, который чисто технически невозможно скопировать или украсть.

В этой связи следует отметить, что в 2014 году знаменитая Токийская криптовалютная биржа Mt.Gox подверглась крупнейшему взлому. Биржа обрабатывала 70% всех транзакций биткоинов в мире, когда после серии беспорядочных осложнений в феврале 2014 года она резко прекратила торговлю – биржа обанкротилась после кражи 850 000 биткоинов, которые на тот период оценивались в 450 миллионов долларов, сейчас – в 9,6 млрд. долларов США [7].

---

[2] *С января по август 2012 г. на определенный адрес переводились огромные суммы в биткоинах - всего 613,326 BTC. С августа 2012 года с указанного адреса проводились транзакции на различные адреса. В результате, к концу года были выведены все накопления. В связи с внушительным балансом и весомым положением (около 5% всех генерируемых биткоинов), этот адрес привлёк к себе внимание. По мнению некоторых специалистов, указанный адрес принадлежит сообществу «Шёлкового пути» не полностью, а является всего лишь кошельком для совершения транзакций.*

- Быстрота проводимых транзакций – криптовалюты децентрализованы по своей сущности, т.е. не эмитированы каким-либо банком. Кроме того, операции в цифровой валюте осуществляются с помощью специальных программ круглосуточно и ежедневно. Эти факторы гарантируют высокую скорость совершаемых операций.
- Отсутствие механизма по контролю – операции, совершенные с криптовалютами, не проходят через банк, поэтому их невозможно контролировать. Более того, транзакции с криптовалютой анонимны, соответственно существует проблема налогообложения операций с криптовалютами – как облагать данные транзакции?
- Отсутствие международного законодательства в области регулирования криптовалютной деятельности. Более того, во многих странах отсутствует и национальное законодательство в этой области, так как позиции стран современного мира в отношении криптовалют значительно отличаются – позиции стран варьируются от полностью принимающихкриптовалюту до категорически запрещающих. Как следствие, нет юридических гарантий по защите прав лиц, осуществляющих операции с криптовалютой.
- Технические ошибки – в случае вирусного заражения компьютера, или отключения электричества в момент заключения сделок, может произойти потеря всех денежных средств.

Таким образом, особенности криптовалют как новейшей формы денег создают предпосылки для их интеграции в мировую финансовую систему с целью повышения её эффективности [10, с.186]. Более того, большинство экономически развитых стран современного глобального мира ведёт работу по разработке системы контроля и реализации технологий, используемых в цифровой валюте. Однако, у криптовалют существуют и недостатки как в области функционирования всей финансовой системы страны, так и в области государственного регулирования, налообложения и др. Поэтому криптовалюта пока всё ещё остается слабо интегрированными в современную международную финансовую систему.

Целесообразным представляется и сравнение криптовалюты с фиатными деньгами. Так, по ряду критериев криптовалюту можно классифицировать как классическое денежное средство, но имеющее специфический механизм реализации. Рассмотрим подробнее на основе сравнения криптовалютыбиткоин и доллара США.

– *страна-эмитент*. Криптовалюта, в отличие от классических денежных средств, выпускается децентрализовано и соответственно, не принадлежит ни правительству, ни центральному банку.

– *возможность обмена*. Как доллар США, так и криптовалюта биткоин являются конвертируемыми валютами. Однако, американский доллар принимается и обменивается как в виде наличных денег, так и в электронном виде. Биткоин же является цифровой валютой и тоже обменивается, но только в специальных виртуальных пунктах обмена.

Однако, исследователи криптовалютного рынка, такие как С.Амус [1, с.38-51], Д.Бауэр и К.Хонг [2, с.177-189] отмечают, что значительная спекулятивная составляющая криптовалют не позволит им стать полноценным средством обмена. Более нейтральной позиции придерживается Р.Киркби: нынешнее поколение криптовалют не способно вытеснить фиатные деньги, эмитируемые центральными банками, но есть вероятность того, что под их воздействием будет быстрее сокращаться доля наличных денег в обращении [5, с.527-539].

– *валютный курс*. Колебание обменных курсов как доллара США, так биткоина, в значительной степени зависит от внешних факторов. Наиболее ярко это демонстрирует информационно-новостной фактор, который мгновенно приводит к колебанию курса на фондовой бирже.

– *срок действия*. Американский доллар относится к постоянным и стабильным валютам на мировом рынке. Биткоин же является новым видом денег, хотя и значительно менее стабильным.

– *набор функций*. Как доллар США, так и биткоин, могут использоваться как платежное средство, хотя и имеют значительные отличия по способу и условиям применения.

– *возможности использования*. Доллар США является одной из наиболее востребованных и конвертируемых валют в мире, является одной из основных резервных мировых валют. Так, в долларах проводятся мировые торговые сделки на государственном и на коммерческом уровнях. Область же применения криптовалюты пока ещё ограничена – не все страны принимают криптовалюты.

Таким образом, более половины показателей указывают на то, что криптовалюта биткоин является классической валютой, хотя сфера его использования ограничена и необходимы условия для увеличения распространённости и использованию в полном объёме.

Уровень использования криптовалют крайне не однороден по регионам и странам мира. Выделяются значимые региональные различия как по объемуиспользованию криптовалют, так и по количеству криптобирж, и по объему их майнинга.[3]

Лидером по использованию криптовалют сегодня является Азиатско-Тихоокеанский регион, на который приходится 36% всех пользователей криптовалют, 27% всех криптобирж, 50% всех майнеров и 33% всех транзакций. На втором и третьем месте находится Европа и Северная Америка. Лидерами на рынке криптовалют выступают такие страны, как США, Китай и Великобритания. Наименьшее число участников – в Латинской Америке (6%), Африке и на Ближнем Востоке(2%) [4].

Лидером по числу криптовалютных бирж является два региона – Европе (37%) и АТР (27%). На остальные регионы мира приходятся значительная более низкие доли: Северная Америка – 18%, Латинская Америка – 14%, Африка и Средний Восток – 4%. Странами-лидерами по числу бирж являются: Япония (52%), Великобритания (18%), США, Канада и Китай (по 6%) [4].

Отметим, что первая криптовалютная биржа появилась в начале 2010 года как проект, позволяющий пользователям торговать биткоинами. Сегодня биржевой сектор уже является самым многочисленным по числу задействованных субъектов.

Майнинг криптовалют наиболее активно развивается в регионе Северной Америки, Западной Европы и Азии. Страной-лидером по количеству майнинговых «фабрик» криптовалюты являются Китай (58%) и США (16%).

Следует отметить, что к развитию на своей территории криптовалютного рынка и криптоиндустрии наиболее склонны экономически развитые страны, что, в свою очередь, положительно сказывается на уровне их ВВП [13]. Так, например, США, Германия и Швеция демонстрируют наиболее благоприятный режим для развития криптоотрасли, в т.ч. в области законодательно регулирования, и наиболее высокий уровень номинального ВВП.

В целом, лидерами по использованию криптовалют, по числу криптовалютных бирж, а также по её майнингу, сегодня являются три региона – АТР, Европа и Северная Америка.

Одной из наиболее обсуждаемых тем сегодня – это перспективы развития криптовалютного рынка. Согласно прогнозам МВФ, капитализация

[3] *Любая криптовалюта создается с помощью вычислительного процесса (майнинг). Пользователь компьютера, который осуществляет добычу криптовалюты – это майнер. Чем больше вычислительная эффективность у специального компьютерного устройства, тем выше прибыль. Эффективность майнинга зависит от хешрейта – вычислительной мощности.*

рынкакриптовалютк 2040 году достигнет 175 трл. долларов. Однако, существует значимая дифференциация по регионам мира. Так, по прогнозам МВФ, объем использования цифровой валюты в США к 2025 году увеличится до 16% и до 2040 года будет держаться на этом уровне. Аналогичная динамика будет наблюдаться и в Китае – к 2025 году увеличится до 18% и будет держаться на этом уровне до 2040 года. Иные прогнозы сделаны относительно рынка криптовалют ЕАЭС, значительное увеличение которого ожидается – до 4% к 2025 году и до 20% к 2040 году. Для рынка ЕС, наоборот, прогнозируется снижение – с 19% в 2025 году до 15% к 2040 году [3].

Благоприятные прогнозы дальнейшего развития криптовалютного рынка обусловлены тем фактом, что все большее количество стран начинает признавать криптовалюту, увеличивается количество транзакций с ней, что обусловлено значительными преимуществами криптовалют.

При исследовании перспектив развития криптовалютного рынка важно отметить, что существует тенденция к введению национальной криптовалюты. Национальный Банк Канады уже несколько лет назад выпустил цифровую версию канадского доллара на основе технологии блокчейн – CAD-coin.

Более того, ряд стран уже даже привязывает криптовалюту к национальной валюте. Так, Венесуэла стала первой и пока ещё единственной страной в мире, не только выпустившей свою национальную криптовалюту. В отсутствие наличных денег криптовалюта стала удобным средством оплаты товаров и услуг, но и привязала её к национальной валюте.

К середине 2020 года японский банковский холдинг планирует запустить свою собственную национальную криптовалюту J-Coin, стоимость которой будет также привязана к национальной валюте – японской йене.

Интересной представляется структура пользователей биткоина. Так, в ходе социологического исследования было получено, что среди пользователей биткоина доля мужчин значительно превалирует (96,57%) [8, с.42]. Т.е. даже в новой отрасли экономики уже существуют значительные гендерные диспропорции, что является отражением гендерной дискриминации женщин в семейной и профессиональной сферах занятости [11, с.87].

Также социологическое исследование показало, что наиболее активными являются возрастные группы 24-34 года (около 46%) и 35-44 года (около 31%). Т.е. суммарно около трех четвертей пользователей [8, с.42]. Как отмечают социологи, превалирование относительно молодых пользователей биткоина, которые традиционно наиболее активно используют современные компьютерные технологии, обуславливает тот факт, что две трети пользователей биткоин совершают операции с криптовалютой при помощи компьютеров, чуть менее трети – мобильных устройств. И только 5,25% – при помощи планшета [8, с.42].

Относительно молодая возрастная структура пользователей биткоин приводит и к его использованию в наиболее продвинутых отраслях, с точки зрения IT-технологий: финансовые и инвестиционные услуги (8,14%); программное обеспечение (3,72%); финансовые и банковские услуги (3,30%); мобильные телефоны (2,70%); компьютеры и перифирийные устройства (2,65%) и др. [8, с.41]

Таким образом, технологические особенности криптовалют как новейшей формы денег создают предпосылки для их интеграции в мировую финансовую систему. В то же время они создают проблемы в области функционирования всей финансовой системы страны, государственного регулирования, налогобложения и др. Поэтому криптовалюты сегодня всё ещё остаются слабо

интегрированными в международную финансовую систему. Но в среднесрочной перспективе криптовалютаимеет все шансы стать мировой валютой и заменить фиатные деньги.

Библиография

1. AMMOUS, S. Can cryptocurrencies fulfil the functions of money? // Quarterly Review of Economics and Finance. 2018. №70. P.38-51.
2. BAUR, D., HONG, K., Lee A. Bitcoin: Medium of exchange or speculative assets? // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2018. №54. P.177-189.
3. HERNANDEZ-CASTRO, J., CARTWRIGHT, E. Economic Analysis of Ransomware. // Официальный сайт Cornell University. – [Электронный ресурс] – URL: https://arxiv.org/pdf/1703.06660.pdf. Дата обращения: 15.04.2020.
4. HILEMAN, G., RAUCHS M. Global Cryptocurrency Benchmarking Study, 2017 // База данных научных статей SSRN. – [Электронный ресурс] – URL: https://ssrn.com/abstract=2965436. Дата обращения: 22.04.2020.
5. KIRKBY, R. Cryptocurrencies and digital fiat currencies. // Australian Economic Review. 2018. № 4 (51). P. 527-539.
6. MOSAKOVA, E.A. La criptomoneda nacional como factor del desar rollo económico de venezuelaen el siglo XXI. // Iberoamerica. 2020. №1. pp.160-176.
7. The Mt Gox bitcoin scandal is the best thing to happen to bitcoin in years. // Официальный сайт The Guardian. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.theguardian.com/money/us-money-blog/2014/feb/25/bitcoin-mt-gox-scandal-reputation-crime. Дата обращения: 16.04.2020.
8. АНОХИН, Н.В., ШМЫРЕВА, А.И. Криптовалюта как финансовый инструмент. // Идеи и идеалы. 2018. №3 (37). Т. 2. С. 39-49.
9. Доля Top-10 криптовалют в суммарной капитализации криптовалютного рынка, 29.04.2013-01.04.2020 // Официальная платформа криптовалют cryptocurrency market capitalization. – [Электронный ресурс] – URL: https://coinmarketcap.com/charts/. Дата обращения: 01.04.2020.
10. МОГАЙАР, У., БУТЕРИН, В. Блокчейн для бизнеса. Москва: Изд-во Эксмо, 2018. – 224 с.
11. МОСАКОВА, Е.А. Социально-демографическая политика в России: необходимость учета гендерного фактора. // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2014. № 3-4. С. 84-88.
12. Проект ФЗ РФ «О цифровых финансовых активах», 2018. // Официальный сайт Министерства финансов РФ. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_ zakona_o_tsifrovykh_finansovykh_aktivakh. Дата обращения: 16.04.2020.
13. Рынок криптовалют и ICO в цифрах: криптовалюты и крупнейшие экономики мира // Информационно-аналитический портал о криптовалютах. – [Электронный ресурс] – URL:https://vc.ru/flood/27263-rynok-kriptovalyut-i-ico-v-cifrah. Дата обращения: 20.04.2020.
14. Суммарная капитализация рынка криптовалют, 3 апреля 2020 гг.// Официальная платформа криптовалют cryptocurrency market capitalization. – [Электронный ресурс] – URL: https://coinmarketcap.com/charts/. Дата обращения: 03.04.2020.

CZU 316.42:37.01
DOI 10.5281/zenodo.3980595

PROVOCĂRILE SOCIETALE ALE GLOBALIZĂRII ȘI EDUCAȚIEI ÎN CONDIȚIILE DIGITALIZĂRII LUMII MODERNE

Elena RAILEAN
Doctor în pedagogie, conferențiar universitar
Universitatea Americană din Moldova, Republica Moldova
e-mail: *elenarailean32@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0002-7893-9742

Victoria TROFIMOV
Doctor în științe economice, conferențiar universitar
Universitatea de Studii Politice și Economice Europene ”Constantin Stere”, Republica Moldova
e-mail: *victoria.trofimov11@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0001-6360-511X

Globalizarea și educația sunt două fenomene sociale distincte, multidimensionale, interconectate și interdependente. La etapa actuală este imposibil să ne imaginăm o lume fără tehnologii digitale. Formularea întrebării științifice referitor la specificul provocărilor societale ale globalizării și educației în condițiile digitalizării (Big Data, Metadata ș.a.) necesită un apel la problematica sociologiei educației, sociologia fiind știința preocupată de studiul fenomenelor sociale. În cadrul acestei lucrări autorii și-au propus ca scop identificarea și analiza provocărilor societale ale globalizării și educației și argumentarea importanței sociologiei educației în calitate de instrument eficient, pasibil să contribuie la soluționarea problemelor cauzate de provocările societale. Metodologia cercetării s-a axat pe investigarea metasistemică a specificului provocărilor societale, reieșind din datele actualizate oferite de Wordometers, prioritizarea analizei situațiilor de impas și a paradoxurilor globalizării educației, precum și descrierea în dinamică a datelor empirice.

Cuvinte-cheie: *fenomen social, influențe externe, știință globală, educație, Big Data, globalizare, digitalizare.*

SOCIAL CHALLENGES OF THE GLOBALIZATION AND EDUCATION IN THE CONDITIONS OF MODERN WORLD DIGITALIZATION

Globalization and education are two distinct, multidimensional, interconnected and interdependent social phenomena. At present, it is impossible to imagine a social life without digital technologies. Development of the scientific question regarding the specific features of the societal challenges caused by globalization and education in conditions of digitalization (Big Data, Metadata, etc.) requires an appeal to methodological issues of educational sociology, sociology being the science concerned with the study of social phenomena. In this paper, the authors aimed to identify and analyze the societal challenges of globalization and education in situation of digitalization and argue the importance of the sociology of education as an effective conceptual tool, able to contribute to solving the problems caused by societal challenges. The research methodology is focused on the metasystemic investigation of the specific features

of societal challenges, is based on updated data provided by Wordometers, prioritizing deadlocks and paradoxes of globalization of education, and the dynamic description of empirical data.
Keywords: *social phenomenon, external influences, global science, education, Big Data, globalization, digitalization.*

LES DÉFIS SOCIÉTAUX DE LA MONDIALISATION ET DE L'ÉDUCATION DANS LES CONDITIONS DE NUMÉRISATION DU MONDE MODERNE

La mondialisation et l'éducation sont deux phénomènes sociaux distincts, multidimensionnels, interconnectés et interdépendants. Au stade actuel, il est impossible d'imaginer un monde sans technologies numériques. La formulation de la question scientifique sur la spécificité des défis sociétaux de la mondialisation et de l'éducation dans les conditions de la numérisation (Big Data, Metadata, etc.) nécessite un appel à la question de la sociologie de l'éducation, la sociologie étant la science qui s'intéresse à l'étude des phénomènes sociaux. Dans cet article, les auteurs ont le but à identifier et analyser les défis sociétaux de la mondialisation et de l'éducation et à argumenter l'importance de la sociologie de l'éducation en tant qu'outil efficace, capable de contribuer à résoudre les problèmes posés par les défis sociétaux. La méthodologie de recherche est concentrée sur l'investigation métasystémique des spécificités des défis sociétaux, émergeant des données mises à jour fournies par Wordomètres, la priorisation des situations d'impasse et des paradoxes de la mondialisation de l'éducation, et la description dynamique des données empiriques.
Mots-clés: *phénomène social, influences externes, science globale, éducation, Big Data, mondialisation, numérisation.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Глобализация и образование - это два различных, многомерных, взаимосвязанных и взаимозависимых социальных феномена. На современном этапе невозможно представить мир без цифровых технологий. Формулировка научного вопроса о специфике социальных вызовов глобализации и образования в условиях цифровизации (Big Data, Metadata и пр.) требует обращения к проблематике социологии образования, социология являясь наукой, занимающейся изучением социальных явлений. В данной статье авторы поставили цель выявить и проанализировать социальные вызовы глобализации и образования и аргументировать важность социологии образования как эффективного инструмента, способного внести вклад в решение проблем, вызванных социальными вызовами. Методология работы сосредоточена на метасистемном исследовании специфики социальных вызовов, на основе обновленных данных, предоставленных Wordometers, приоритизации анализа тупиковых ситуаций и парадоксов глобализации образования, а также динамическом описании эмпирических данных.
Ключевые слова: *социальный феномен, внешние воздействия, глобальная наука, образование, Big Data, глобализация, цифровизация.*

Introducere

Sociologia, ca știință a vieții sociale, a fost definită în secolul XVIII. Misiunea sociologiei era de a explica cauzele tulburărilor sociale și raționamentul mișcărilor sociale ale clasei guvernatoare cu scopul de a reveni la echilibru social. Societatea experimenta primele provocări societale determinate de globalizarea mărfurilor și industrializarea manufacturii. „Cunoașterea este putere", afirma Francis Bacon, iar acest postulat reprezenta specificul societății umane. Reformele pentru îmbunătățirea vieții sociale constituiau un deziderat al clasei politice.

În secolul XX, odată cu acceptarea calculatorului și rețelelor în metodologia cercetării sociologice, metodele de cercetare s-au diversificat, iar datele pot

fi analizate mai detaliat și mai rapid. Conform unor surse [1], obiectul sociologiei este reprezentat prin:

- acțiunile sociale (munca, educaţia, propaganda politică etc.);
- instituțiile sociale (şcoala, familia, biserica, partidele politice etc.);
- grupurile sociale (de la microgrupuri până la cele cu dimensiuni foarte mari: clase sociale, populația unei țări privită în ansamblul ei etc.);
- fenomenele sociale diverse (mobilitatea socială, delincvența, sinuciderea etc.).

Cu timpul sociologia devine unealta de soluționare a unor situații cauzate de industrializare, globalizare, digitalizare, virtualizare, virusalizare etc. Acest fapt este probat de emergența domeniilor științifice, precum "psihologia socială", "antropologia socială", "sociologia predării", "sociologia industrială", "sociologia economică", "sociologia educației" și lucrărilor în antropologia culturală, utilizarea metodelor calitative în cercetarea socială etc. [2-5]. De exemplu, sociologia predării este preocupată de problematicile mediului școlar, sociologia industrială – de ocupația grupurilor sociale care afectează comportamentul în muncă, sociologia economică implică analiza activității economice din punctul de vedere al teoriei sociale. Prin urmare, aspectele sociologice pot fi studiate din perspectiva pedagogiei, psihologiei, antropologiei, economiei și altor științe.

Cu toate acestea, *studiul specificului vieții sociale în situația provocărilor societale ale globalizării și educației în condițiile digitalizării, până în prezent, nu au făcut parte din domeniul de cercetare a sociologiei*. La etapa actuală aria și obiectul de studiu a sociologiei au un mare potențial de extindere. Una din cauze este accelerarea rapidă a datelor care atestă schimbări ireversibile în viața socială. Prin urmare, provocările societale ale globalizării și educației în condițiile digitalizării indică spre o nouă sociologie, care are misiunea de a explica plauzibil lucrurile și fenomenele ce se produc la nivel local și global într-o societate din ce în ce mai globalizată și brăzdată de date transmise rapid de la toți polii globului pământesc. Deci, reieșind din contextul provocărilor societale, *scopul acestei lucrări* este identificarea și analiza provocărilor societale ale globalizării și educației în condițiile digitalizării și argumentarea necesității extinderii ariei de investigație a sociologiei educației în calitate de instrument eficient, pasibil să contribuie la soluționarea problemelor cauzate de astfel de provocări societale.

Specificul provocărilor societale

Societatea umană se confruntă cu diverse provocări societale manifestate la nivel global și/sau local. În aceste condiții, este necesar a identifica soluții la nivel de individ, grup social, societate, care vor contribui la soluționarea problemelor ce se referă la sănătate și bunăstare, securitate alimentară, utilizarea resurselor biologice, energie, revitalizarea transporturilor, climei, favorizarea incluziunii sociale și asigurarea securității sociale, inclusiv în mediul informațional.

O altă provocare societală este polarizarea societății în săraci și bogați. La etapa actuală, societatea umană este extrem de polarizată, două manifestări esențiale ale acestui fenomen fiind clivajul între sărăcie - pentru unii, și bunăstare – pentru alții, realitate care își pune amprenta pe aspectele vieții sociale, catalizând emergența unor provocări societale acute, sedimentate de acțiunile decizionale neraționale și comportamentele neadecvate ale individului uman.

În ultimul timp, problema s-a acutizat datorită impunerii forțate de a accepta distanța socială, modele ale educației distanțate și restricțiile de realizare a evenimentelor culturale. Majoritatea guvernelor din întreaga lume,,în legătură cu situația pandemică COVID-19, au închis temporar instituțiile de învățământ și au interzis manifestările culturale. Conform datelor UNESCO, aproximativ un miliard de studenți și tineri de pe planetă sunt afectați de închiderea școlilor și universităților din cauza focaru-

lui COVID-19. În toate soluțiile propuse este prioritizat mediul educational digital [12]. Toate acestea demonstrează că omenirea se află în faza a patra a revoluției industriale, dar pierde rapid din valorile culturale tradiționale în favoarea digitalizării.

O altă problemă importantă a societății moderne este "fuziunea dintre tehnologiile fizice, digitale și biologice cu Inteligența Artificială", care a rezultat într-o explozie de date și tehnologii [6]. Rezultatul acestui eveniment sunt tehnologiile 3D, realitatea augmentată, ochelarii Google, roboții artificiali, dronele, ș.a. Cercetarea lui K. Schwab deschide calea investigațiilor unei metodologii inovative în sociologia educației care ar permite explorarea multor pete albe neexplorate până acum.

Pentru a înțelege amploarea acestei probleme globale vom analiza etapele revoluției industriale și digitale în termeni de evoluție a datelor. Observăm că în 2015, revoluția a patra industrială s-a produs simultan cu cea digitală, generând modelul educației 3.0 (Fig.1).

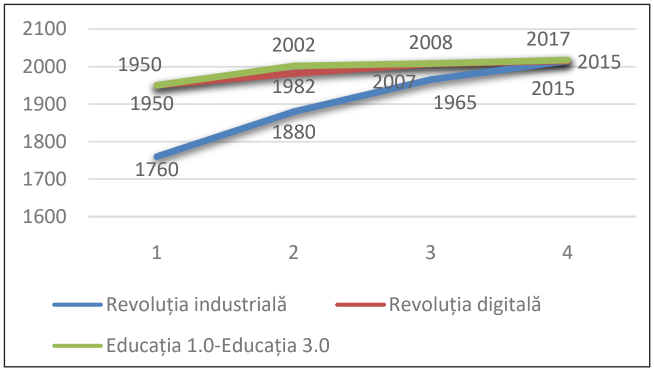

Figura 1. Interdependența dintre fazele revoluțiilor digitale, industriale și educația 1.0-3.0

Sursa: elaborat de către autori.

Prin urmare, este evidentă concluzia că *impactul datelor asupra vieții sociale constituie un prim indicator al necesității unei noi metodologii în sociologia educației.*

Problematica metodologiei cercetării în sociologia educației

Astăzi, conectarea prin date și utilizarea Social Media a devenit mai importantă decât comunicarea propriu-zisă. Paradoxal, dar acest lucru este promovat intens de mass-media. Amploarea fuziunii revoluțiilor digitale, industriale, cognitive este probată prin impactul provocărilor societale ale globalizării și educației asupra modelelor educaționale. Specificul modelelor educaționale 1.0, 2.0 și 3.0 este prezentat în tabelul 1.

Tabelul 1. Specificul educației 1.0, 2.0 și 3.0

	Educația 1.0	**Educația 2.0**	**Educația 3.0**
Educabilii	ucenic, acolit	clenți	co-dezvoltatori, co-cercetători
Învățare	recepționare	formală &informală	pe tot parcursul vieții
Cunoștințe	transmise	social construite	deschise, gratis, contextuale, reinventate, aplicate
Profesori	autoritar, expert	susținut de asistenți	designer al învățării & lideri
Predare	profesor-student	dublu încurajare	co-constructori & create
Absolvenți	diplomă	licență pentru practica	pregătire pentru multiple cariere
Tehnologie	fixă	aplicată	digitală & mobilă
Locațiile învățării	statică, sustenabilă	amestecată, flexibilă	permite de a învăța peste tot

Sursa: conform studiului lui G. Salmon, 2017 [7].

Problematica metodologiei sociologiei nu este o simplă problemă teoretică. Întrebările la care trebuie să răspundă sociologia educației sunt: Care sunt riscurile provocărilor societale ale globalizării și educației în condițiile digitalizării datelor? Ce abilități sunt necesare astăzi și care vor fi solicitate mâine? Ce fel de teorii sunt necesare pentru sustenabilitatea învățământului superior?

În opinia lui E. Кocetov [8], societatea își schimbă forma datorită multiplicării atractorilor globali care generează focare, riscuri și amenințări și preced o nouă divizare geoeconomică a lumii. Problema e că lumea a devenit multipolară și multidimensională, iar metodele de investigație a vieții sociale au rămas sistemice, fiind destul de limitate pentru aria respectivă de cercetare. Prin urmare, sunt necesare noi metode de investigație, axate pe categorii și ciclu de viață al categoriilor.

Problema și corectitudinea metodologiei cercetării în sociologia educației depinde de abordarea cercetătorului. În metodologia designului metasistemic al învățării, conceptul-cheie este analiza dinamică a metadatelor. Acest model permite a analiza dinamica datelor în raport cu fenomenele globale (în cazul cercetat de noi - provocările societale ale globalizării și educației).

“Globalizarea” sociologiei educației

La etapa actuală este imposibil să ne imaginăm o lume fără tehnologii digitale. Datele sunt peste tot. De aceea putem spune că ne aflăm în faza de globalizare informațională**.** Totodată, pentru a accepta o astfel de turnură a dezvoltării societății, este necesar să fie formate astfel de abilități care ar permite sociologului analiza critică a datelor, sinteza și enunțarea concluziilor relevante pentru decizii sustenabile. Un rol important în acest sens revine educației universitare.

Problema constă în metodologia evitării situațiilor de impas și a paradoxurilor globalizării. „Globalizarea <…> rezultă din șase situații de impas și din paradoxurile care derivă din aceste situații, în cazul în care sunt reprezentate ca o controversă dintre vechi și nou în educație sau ca un model conflictual în știința pedagogică” [9]. Schema conceptualizării acestui postulat este prezentată în figura 2.

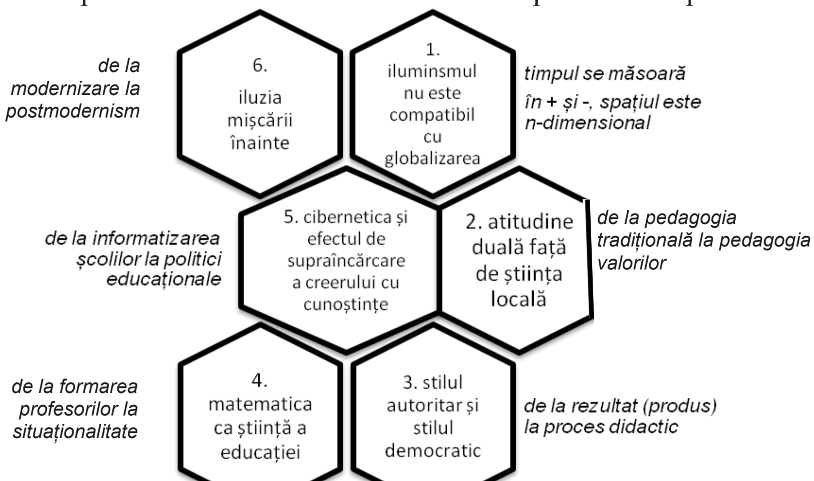

Figura 2. Cele șase situații de impas și paradoxurile care derivă din aceste situații

<u>*Sursa*</u>*: elaborat de către autori după G. Rudic, 2016* [9].

Aceste situații incerte sunt favorizate de doi factori importanți: (a) diversificarea datelor mari și (b) circulația datelor. Din această perspectivă, impactul globalizării informaționale asupra sociologiei educației este dual - (a) *pozitiv,*din considerentul că asigură necondiționat progresul tehnico-științific al societății și (b) *negativ*, din considerentul că impune ca necesitate condiția actualizării datelor și a metodologiei cercetării (la nivel de metode și tehnici de analiză).

Afirmăm aceasta, deoarece, în opinia noastră, globalizarea informațională amplifică posibilitățile ființei umane de a constitui reprezentativ meta- și hiper- sisteme, în care diverse elemente sunt asociate, cumulate, fuzionate și, respectiv, pot cauza efecte imprevizibile. Globalizarea este un fenomen complex, care intensifică relațiile sociale la nivel global, astfel că localitățile îndepărtate se pot conecta și interconecta în așa fel, încât probabilitatea evenimentelor locale este influențată/modelată de evenimentele care se produc departe și invers.

Studiul globalizării din perspectiva sociologiei educației include o gamă largă de metode și tematici extrase din diverse arii disciplinare. Complexitatea problemei metodologiei ca punct de pornire în analiza datelor depinde de tehnica de identificare a datelor. La faza globalizării informaționale datele apar, se multiplică și se înmagazinează rapid în repozitoriile digitale, încadrându-se în situația de "echilibru social global", aici și acum.

Globalizarea se manifestă concomitent la nivel local și global și, respectiv, nu poate fi studiată prin modele liniare sau/și sistemice. Cu toate acestea, manifestările globalizării și educației pot fi descrise prin limbajul sistemic (sistem, proces, feedback, etc.). În opinia lui R. Baldwin [10], globalizarea reprezintă starea sistemului social, în care se observă un echilibru dinamic dintre *procesele de asociere* a ideilor, strategiilor, culturilor, tehnologiilor know-how, pe de o parte, și procesele de disociere a cunoștințelor, tehnologiilor, resurselor, pe de altă parte. Prin urmare, echilibrul social se caracterizează prin oscilații dinamice dintre procesele de asociere (denumite "Marea convergență") și procesele de disociere (denumite "Marea divergență") – Fig. 3.

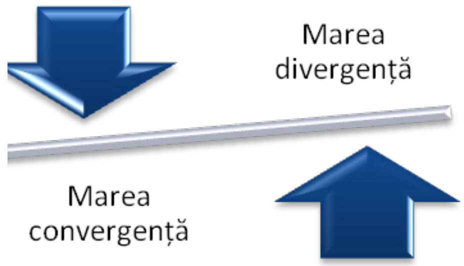

Figura 3. Reprezentarea grafică a echilibrului social

Sursa: adaptare de către autori după R. Baldwin, 2016. [10].

În sociologia educației, metodologia situațiilor turbulente și a echilibrului social în baza datelor nu a fost studiată până în prezent. În opinia noastră, cercetarea acestui mecanism este destul de importantă, am spune chiar imperativă în contextul realității moderne, pentru a identifica datele și înmagazinarea lor în situațiile care influențează dinamica și/sau calitatea vieții sociale. În continuare vom exemplifica unele situații obiective, care vin să susțină aceste afirmații.

Echilibrul social și dinamica datelor

Este un fapt bine cunoscut că nu ne mai putem imagina viața socială fără tehnologii digitale, care au devenit o realitate obiectivă și care aduc plusvaloare calității vieții tuturor membrilor societății moderne, dar în special sunt extrem de prețioase pentru păturile vulnerabile, aducându-le un plus de confort în existența lor, de exemplu persoanelor cu dezabilități.

Între timp, Internet-ul s-a impus imperativ și indispensabil, fără de care societatea umană nu mai poate exista. Astfel, în prezent, se manifestă tendința de creștere spectaculoasă a efectivului de utilizatori ai rețelei globale: dacă în martie 2017 aproximativ o

treime din populația Terrei utiliza Internetul, atunci în iulie 2020 circa 59 din 100 persoane percep Internetul ca resursă vitală pentru viața socială (Fig. 4).

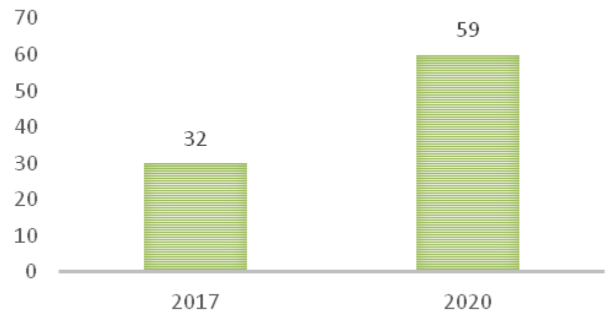

Figura 4. Cota-parte a utilizatorilor Internet la nivel global

Sursa: calculat de către autori conform [11].

Totodată, menționăm că această tendință nu este una în sine, ea are multiple conotații sociale, politice și economice, deoarece produce consecințe serioase în viața socială. Una din astfel de consecințe este și faptul că în 2020, din producerea lor totală, cca 52% revine calculatoarelor, cca 32% - bicicletelor și doar cca 17% - autoturismelor [11].

Evident că expansiunea mediului digital produce efecte ambigue privind viața socială la nivel de individ și societate – astfel, crește vertiginos activitatea de comunicare online (mesaje și emailuri transmise, Google căutări ș.a.) în detrimentul citirii cărților publicate (Fig. 5)

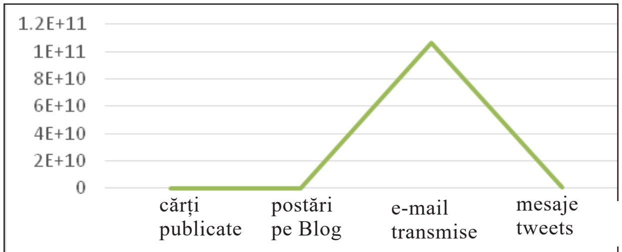

Figura 5. Informarea tradițională și online

Sursa: elaborat de către autori conform [11].

Există și alte tendințe alarmante, care schimbă radical viața socială. Acestea sunt determinate, direct sau indirect, *de utilizarea excesivă a datelor digitale*. Una din ele o reprezintă sedentarismul care, în condiții de creștere a bunăstării și a alimentării necorespunzătoare, conduce la probleme legate de sănătate, cauzate de supraponderabilitate și obezitate. Datele statistice denotă că circa o treime din populația globului se încadrează în această categorie (Fig. 6).

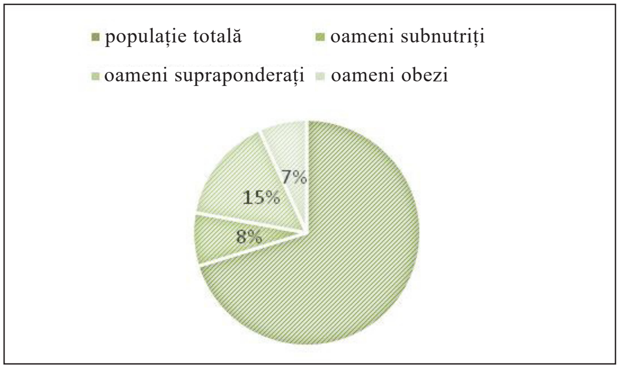

Figura 6. Cartografia provocărilor societale generate de nutriție

Sursa: elaborat de către autori conform datelor din 2017 [11].

Utilizarea excesivă a datelor digitale este și cauza modificărilor ireversibile în preocupările profesionale și sociale ale oamenilor, modul de viață, precum și a motivației de a alege profesia. În opinia noastră, în prevenirea sau atenuarea provocărilor societale cu impact asupra sănătății un rol important revine promovării și educării modului sănătos de viață, inclusiv a psihologiei sănătății.

Totuși, provocările legate de nutriție au și o altă extremă – subnutriția și foametea, în rezultatul cărora circa 30 mii persoane pierd zilnic lupta pentru viață. [11] Deoarece astfel de fenomene sunt caracteristice în special țărilor subdezvoltate, considerăm că și în așa situații, consolidarea sistemelor educaționale naționale în astfel de țări, inclusiv a metodologiei

sociologiei educației este cea mai realistă măsură de ajutor care poate veni din partea lumii globalizate și care poate în mod natural și în perspectivă previzibilă de timp contribui la creșterea nivelului de dezvoltare a țărilor în cauză și soluționa problemele economice și sociale generate de subdezvoltare.

Totodată, anume suporturile digitale, care tradițional erau criticate pentru contribuția lor la diminuarea comunicării ”vii” și inducerea stărilor de singurătate, de sedentarism etc., în condițiile pandemiei COVID, de izolare impusă, au oferit surse de relaționare acolo unde comunicarea tradițională a fost restricționată la maxim și au permis a reduce efectele de frustrare și stările depresive.

Impactul suporturilor digitale asupra stărilor psihologice este o problemă științifică importantă. Pe de o parte, deși în lumea modernă, după cum a fost menționat anterior, tehnica de calcul indubitabil este în topul producerii și vânzărilor, în ultimii ani s-au produs mutații importante și în modul de abordare a mijloacelor de deplasare. De exemplu, între anii 1965 și 2002, pe glob, producerea de autoturisme și biciclete se situa la aproximativ același nivel – cca 20 mil. unități anual fiecare. Dar în 2003 producția bicicletelor practic a explodat, ajungând la cifra de 100 milioane unități anual pe glob, în timp ce producția de autoturisme cifrează la 50 mil. anual. [11]

Pe de altă parte, datele prezentate denotă evident că populația devine mai mobilă, dar în același timp și mai conștientă de necesitatea adoptării modului sănătos de viață. Astfel, numărul utilizatorilor de biciclete crește mai rapid comparativ cu cel al utilizatorilor de autoturisme, în special în țările dezvoltate. Considerăm că această tendință se va accentua și în condițiile actuale de pandemie COVID-19 – iarăși în mare parte datorită informării corecte privind necesitatea păstrării distanței interpersonale. Dacă tendința dată se va confirma, ea va produce efecte benefice nu doar la nivel de individ (care se va ridica de la calculator și va reduce sedentarismul prin creșterea mobilității, cu efecte pozitive durabile pentru sănătate), dar și pentru mediu (diminuarea poluării, reducerea consumului de combustibil etc.).

Dezvoltarea fără precedent a suporturilor digitale o demonstrează și faptul că la nouă telefoane celulare vândute (în calitate de suport personal de informare) se vinde doar un televizor (mijloc de informare în comun) – vezi Figura 7. Datele empirice confirmă tendința de “personalizare a spațiului” și este foarte important ca persoana să fie pregătită pentru această confruntare de a fi ”singur în fața întregii lumi”.

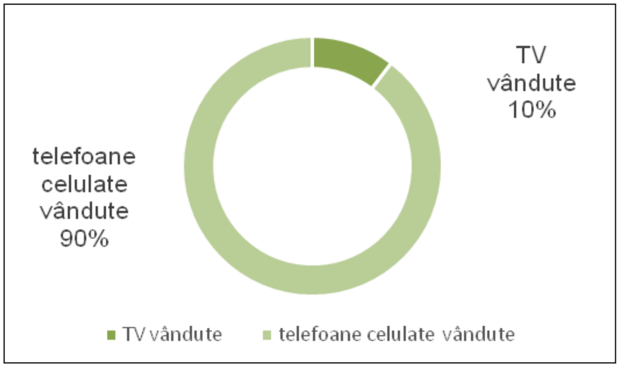

Figura 7. Numărul de TV vândute în raport cu numărul de telefoane celulare vândute

Sursa: [11].

Prin urmare, influența electronicelor asupra vieții de zi cu zi a oamenilor din întreaga lume continuă să se extindă. În același timp, smartphone-urile și televizoarele digitale devin mai inteligente și mai ecologice. Anume în condiții de expansiune a globalizării și comunicării online crește enorm rolul educației și necesității pregătirii utilizatorilor tineri/și mai puțin tineri a Internet-ului către întâlnirea cu mediul virtual global. Considerăm că este foarte importantă formarea utilizatorilor educați și instruiți, pentru a face față enormității de informații parvenite din mediul global, din surse nu întotdeauna demne de încredere.

În acest context, provocările societale ale globalizării și educației în condițiile digitalizării sporesc enorm semnificația metodologiei sociologiei educației. Devine imperativă formarea viitorilor specialități în sociologia educației, pregătiți pentru a identifica în avalanșa de date și informații surse pentru insigth și analiza critică a provocărilor societale.

Concluzii

Cercetările promovate în acest studiu ne permit să afirmăm că globalizarea și educația sunt două fenomene sociale distincte, care interacționează sinergic în condițiile erei digitalizării și conduc la crearea unei noi realități societale, cu manifestări deseori neașteptate și trăsături specifice, analizate în articol, printre care menționăm:

– societatea modernă este una masiv bazată pe date și conectată la mijloacele TIC;

– extinderea cvasitotală a rețelei globale Internet conduce la ștergerea noțiunilor tradiționale de distanță și timp și impulsionează/și modelează, dezvoltarea relațiilor personale, sociale, economice la toate nivelurile de comunicare;

– digitalizarea lumii contemporane adâncește unele clivaje sociale și catalizează apariția unor clivaje sociale noi: dezvoltare - subdezvoltare, bogați - săraci, acces la Internet - lipsă Internet, educație - noneducație etc.;

– pentru a accepta o astfel de turnură a dezvoltării societății, e necesar să fie formată o resursă umană cu cunoștințe și abilități adecvate, care să fie pregătită să activeze în noile condiții;

– în acest context, în special e necesar a forma specialiști în sociologia educației cu abilități de cercetare a provocărilor societale a globalizării și educației în condițiile digitalizării;

– educația reprezintă acel instrument miraculos care poate contribui la consolidarea personalității în a o pregăti pentru a face față provocărilor societale a lumii moderne și a reduce/șterge diferențele de dezvoltare care polarizează omenirea în era digitală.

Prin ideile expuse exprimăm opinia că evoluția societății nu este uniformă și rectilinie. Dezvoltarea societății este determinată de echilibrul social – cauza și soluția provocărilor societale. Pandemia COVID-19 reprezintă una din amenințările majore de ultimă oră, cu care lumea de astăzi se confruntă și care demonstrează că doar printr-o simbioză a eforturilor comune pot fi soluționate problemele stringente ale provocărilor societale.

Bibliografie

1. Ce este sociologia? https://dreptmd.wordpress.com/cursuri-universitare/sociologie-juridica/cursul-nr-1-ce-este-sociologia/
2. WALLER, W. The sociology of teaching. John Wiley&Sons Inc., 1932. https://doi.org/10.1037/11443-000
3. SPILLMAN, L. What is cultural sociology? John Wiley&Sons, 2020.
4. BORONSKI, T., HASSAN, N. Sociology of education. SAGE Publications Ltd., 2020.
5. ZAFIROVSKI, M. Economics in sociology? Original economic theories, concepts and approaches in classicalsociologists. Review of Social Economy, 2020, https://doi.org/10.1080/00346764.2019.1709985.
6. SCHWAB, K. The fourth industrial revolution. What It Means and How toRespond. Geneva: World Economic Forum, 2016. http://cormolenaar.nl/wp-content/uploads/2016/04/The-fourth-industrial-revolution.pdf
7. SALMON, G. Higher Education 1.0 to 2.0 and beyond, 2017. https://www.gillysalmon.com/blog/higher-education-3-0-and-beyond
8. КОЧЕТОВ, Э. Геоэкономика и глобалистика, безопасность Евразии, 2006, pp. 229 - 288. https://kuznetsovvn.ru/files/2006_2.pdf#page=219
9. RUDIC, G. Education from the Enlightenment to the Globalization. In Handbook of Research on Applied Learning Theory and Design in Modern Education. Hershey, PA: Information Science Reference, 2016, pp. 1-20.
10. BALDWIN, R. The Great Convergence. Information Technology and the New Globalization, Harvard University Press, 2016.
11. Worldometers. https://www.worldometers.info/ (consultat la 29.03.2017 și la 20.06.2020).
12. UNESCO. Distance learning solutions. 2020. https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/solutions

COMPARTIMENTUL

MASS-MEDIA ȘI ȘTIINȚE ALE COMUNICĂRII

CZU 070:316.48
DOI 10.5281/zenodo.3980605

CONFLICT OF INTEREST IN JOURNALISTIC ACTIVITY

Victoria BULICANU
PhD, Associate Professor
Moldova State University, Faculty of Journalism and Sciences of Communications, RTV Department,
Republic of Moldova
e-mail: *viki.bulicanu@yahoo.com*
https://orcid.org/0000-0003-4244-2889

The process of documenting in journalistic activity not always can be characterized as easy or very easy. It is almost every time confronted with difficult researches, misunderstanding, disagreements or even conflicts. These facts make more difficult the documentation process and, ultimately, the realization of a journalistic material which purpose is to inform the public about topics of great interest. These situations of unequivocal and unsafe interpretation sometimes generate a critical attitude towards media activity among the public, with obvious consequences: lack of credibility of the press, suspicions of partisanship, ironic attitude towards the press, etc. The article below tries to reveal all the characteristics of conflict of interests in journalistic activity and possibilities to avoid it and to keep the profession's image on the corresponding level of ethics.

Keywords: *conflict of interests, ethics, public interest, transparency, promoting, individual responsibility, civil society, organizational culture.*

CONFLICTUL DE INTERESE ÎN ACTIVITATEA JURNALISTICĂ

Multiplele relaţii pe care le stabilesc jurnaliştii în activitatea lor cotidiană nu sunt întotdeauna lipsite de pericolul neînţelegerilor, conflictelor, dezacordurilor, inclusiv cu sursele informaţionale, iar acest fapt îngreunează mult procesul de documentare şi de realizare a unui material jurnalistic menit să informeze publicul despre subiecte de larg interes. Prezenţa factorului uman în activitatea presei poate conduce la apariţia unor situaţii când interesele celor care relaţionează nu pot fi considerate tocmai congruente, astfel stabilindu-se anumite situaţii în care cei care interacţionează vor fi nevoiţi să aleagă ceva în detrimentul altcuiva. Tocmai aceste situaţii neclare, lipsite de interpretare sigură, generează uneori în rândul publicului o atitudine critică în adresa activităţii media, cu consecinţe evidente: lipsă de credibilitate a presei, bănuieli de partizanat, atitudine ironică faţă de presă etc. Acest amalgam de situaţii şi atitudini neunivoce, nu tocmai corespunzătoare unei activităţi jurnalistice transparente a condus la studierea fenomenului conflictului de interese în activitatea jurnalistică, fenomen, de altfel, prezent şi în cadrul altor domenii de activitate umană, din perspectiva abordărilor deontologiei. Articolul dat își propune să dezvăluie caracteristicile conflictului de interese în activitatea jurnalistică, aspectele care vizează legislația și etica în raport cu acest fenomen și propune recomandări pentru evitarea situațiilor de acest gen.

Cuvinte-cheie: *conflict de interese, etică, interes public, transparență, promovare, responsabilitate individuală, societate civilă, cultură organizațională.*

CONFLIT D'INTÉRÊTS DANS L'ACTIVITÉ JOURNALISTIQUE

Le processus de documentation dans l'activité journalistique ne peut pas toujours être caractérisé comme facile ou très facile. Il est presque à chaque fois confronté à des recherches difficiles, des malentendus, des désaccords ou même des conflits. Ces faits rendent plus difficile le processus de documentation et, en fin de compte, la réalisation d'un matériel journalistique dont le but est d'informer le public sur des sujets d'un grand intérêt. Ces situations d'interprétation non équivoque et dangereuse génèrent parfois une attitude critique envers l'activité des médias auprès du public, avec des conséquences évidentes: manque de crédibilité de la presse, soupçons de partisanerie, attitude ironique envers la presse, etc. L'article ci-dessous tente de révéler toutes les caractéristiques du conflit d'intérêts dans l'activité journalistique et les possibilités de l'éviter et de garder l'image de la profession sur le niveau d'éthique correspondant.

Mots-clés: *conflit d'intérêts, éthique, intérêt public, transparence, promotion, responsabilité individuelle, société civile, culture organisationnelle.*

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Многочисленные отношения, которые журналисты устанавливают в своей повседневной работе, не всегда свободны от опасности недопонимания, конфликтов интересов, разногласий, в том числе с источниками информации и это делает процесс документирования и создания журналистского материала, предназначенного для информирования общественности, представляющим большой интерес. Логическое присутствие человеческого фактора в деятельности прессы неизбежно может привести к ситуациям, когда интересы тех, кто взаимосвязан, не могут абсолютно совпадать, что создает определенные ситуации, в которых взаимодействующим лицам придется что-либо выбирать в ущерб другим. Именно эти ситуации двусмысленности, не имея под собой надежного и обоснованного толкования, порой вызывают у общественности критическое отношение к деятельности СМИ, с очевидными последствиями: отсутствие доверия к прессе, подозрения в пристрастности, ироничное отношение к прессе, и так далее Эти неоднозначные ситуации, не совсем соответствующие нормам прозрачности журналистской деятельности, приводят к необходимости изучения феномена конфликта интересов в журналистской работе, явления, присутствующего и в других сферах человеческой деятельности, с точки зрения норм деонтологии. Цель данной статьи - раскрыть суть конфликта интересов в журналистской деятельности, а также вопросов, связанных с законодательством и этикой в связи с этим явлением и разработка рекомендаций по предотвращению подобных ситуаций.

Ключевые слова: *конфликт интересов, этика, общественные интересы, прозрачность, продвижение, индивидуальная ответственность, гражданское общество, организационная культура.*

The multiple relationships that journalists daily establish in their daily activities are not always protected from the danger of misunderstandings, conflicts, disagreements, including, with information sources. This fact makes more difficult the process of documenting and, finally, writing a journalistic material which purpose is to inform the public about topics of great interest. The logical presence of the human factor in the press'activity can inevitably lead to situations when the interests of those who interact cannot be considered as congruent, thus establishing certain situations in which those who interact will have to choose something to detriment of someone or something else. Precisely, these situations of equivocation sometimes generate a critical attitude among the public towards the media activity, with obvious consequences: lack of credibility to the press, suspicion of partisanship, ironic attitude towards the press, etc. This amalgam of ambiguous situations and attitudes that don't exactly correspond to a transparent journalistic activity, led to the study of the conflict of interest phenomenon in journalistic activity, a phenomenon that is also present

in other fields of human activity, from the perspective of approaches, deontology definitions, etc.

The researcher R.Radu thinks that the definition of the conflict of interests cannot be fixed exactly [1, p.178], because the field of communication, with its basic actors, is one in a continuous change, flexible and which can't set boundaries between right and wrong activities. In this sense, the author considers more appropriate the use of the terms «deontological» and «non-deontological» each time when establishing the correspondence of the decisions taken by journalists in their daily activity related to the reflection of events of public interest. It is always easier to determine whether a behavior is deontological or not, if we refer it to certain professional norms. The practical written guide *Conflict of Interests in Journalistic Activity*, elaborated by the Moldovan Press Council, refers to the Law 16/2008 about the conflict of interests and defines it as a conflict between exercising the duties of the position held and the people' personal interests (...), in their capacity as private persons, which could inappropriately influence the objective and impartial fulfillment of their obligations and responsibilities under the law [2].

The law connects the notion of conflict of interests with the exercise of the public function (dignitaries, heads of administrative authorities, in the field of public health and education, public officials, etc.). Under these stipulations, we note that journalists, as it is, are not covered by this law. At the same time, we are aware that the responsibility towards the general public, but also to the editorial structure of which journalists belong, forces them to adopt an ethical behavior that would positively influence the credibility of the information transmitted and of the media activity as a whole. It should be noted that most definitions of conflict of interest do not explicitly include references to the activity of the media, but only to the activity of public officials. We can only deduce that journalists are indirectly targeted, because of their activity in the public interest. According to Susan Rose-Ackerman's study, conflict of interest arises when "a person mixes its roles" [3, p.4], the author emphasizing the importance of identifying a clear dividing line between different types of roles the journalists could take on in their daily practice.

The Transparency International organization identifies the conflict of interest in the journalistic activity and defines it as a situation in which a person or entity for whom this person works, whether it is a government, a business, a press institute or an organization, civil society, has to choose between the duties and obligations related to its position, on the one hand, and its private interests, on the other [4]. Recommendation no. 10/2000 of the Committee of Ministers of the Council of Europe defines the conflict of interests as being the situation in which the official has a private interest that influences or is capable of influencing the exercise of his public duties impartially and objectively" [5].

Researchers Michael Davis and Andrew Stark define conflict of interest as being a set of circumstances where there is a risk that professional reasoning or actions related to a primary interest will be influenced by a secondary interest [6, p.24]. In accordance with the definitions listed above, we will establish some characteristics of the conflict of interest in the journalistic activity:

- the existence of certain concordances and overlaps of the journalist's personal interests and his professional interests;
- lack of transparency through non-disclosure of the coincidence of personal interests with professional ones;
- obtaining material/other advantages/benefits by maintaining personal interests in agreement with the professional ones;
- establishing relationships outsidethe material advantages, but capable of influencing public opinion, to detriment of correct information.

L.Ştefan includes the following types of conflicts of interest in the *Practical guide for conflicts of interests and incompatibilities:*

- potential conflict of interest: it is possible that a decision that may be taken could involve a future conflict of interest;

- current conflict of interest: must be taken a decision which involves a conflict of interest at the moment;

- consumed conflict of interests: a decision was taken that served an interest contrary to the public interest, to the client's one or to the company's [7].

In the Republic of Moldovadiscussions in the public space with the media involvement and the civil society's with the reference to potential or consumed conflicts of interest have emerged only in recent years, with the increasing danger of the press monopolization by politicians, political groups and state officials. The application of legal provisions and, in particular, of sanctions on the press, which admits conflicts of interest in the journalistic activity is still not so obvious, stating that the national legislation does not include norms regarding journalists or media organizations. The existing provisions are of an ethical nature, included in guides of good media practices, codes of ethics, recommendations, etc.

Thus, within the practical guide *Conflict of interests in the activity of journalists* offers some recommendations, in order to avoid creating conflict situations of interest in the activity of journalists. Here are some of them:

- the journalist must stay away from militant political activity, not participate in the election campaign of any party, not go as a participant in the public meetings organized by political parties and must not publicly display promotional signs or materials (badges, logos, posters) of any political formation;

- the journalist must refrain from being part of the management structures (boards of directors, management positions) of associations that could be the object of his journalistic activity. Exceptions are the professional forms of association, such as professional unions or journalists' associations;

- the journalist will never relate issues in which members of his family - blood relatives or by alliance are parts;

- the journalist will not ask for and will never receive money or other useful benefits from third parties, for himself or others, in order to fulfill his editorial obligations. Gifts that exceed, as a value, the costs of symbolic gifts, will be refused or returned;

- if the journalist has to meet with his source at lunch or "for a coffee", it is preferable to be able to propose the place alone, to ensure that he can pay for his consumption alone;

- the journalist will not make trips which costs are paid by other parties than his editorial staff. Even when the sponsor expressly states that it does not condition the movement of a favorable content of the journalistic material, there is a risk that such expectations may exist or that the public perception will work in the journalist'sdetriment [8].

Moldovan journalism, more than any other field in this country, needs credibility in the eyes of the local public, but also abroad (when materials are taken from the Moldovan media to be read by the media in other countries), to obtain the reputation of the domain in which only the professionals exercise their activity. The presence, the ignorance, as well as promotion of conflicts of interest in the media leads to the fact that the journalist profession is mixed up with the job of a promoter, whose interests do not always coincide with the objective information of the citizen, but rather, with the grinding and polishing the image of those ones who openly or secretly finances the institution or the journalist himself.

Peter Gross, in his well-known work *Media and Democracy in Eastern European Countries*, observes that two aspects of the East-European media are missing: the public-service function of good faith

and journalistic professionalism, a controversial topic, but essential. At the end of the 1990s, mass-media became subordinate to a large number of interests, predominantly political and commercial ones[9, p.177].

In the Republic of Moldova, the conflict of interests in the media practice is associated in the perception of the public with the simple purchase of the journalist's acceptance, by direct money offering, so that he can write, speak, promote and bringto attention all the subjects that it is of financier/sponsor'sinterest. We should mention that generally this business is carried out, however at the editorial level and not individually, this way all journalists are being in the position of information service providers, a condemnable, humiliating and abominable position in the eyes of journalists from the independent press.

The biggest suspicion of promoting certain conflicts of interest falls on the journalists, specialized in making economically themed materials. "A journalist who writes about companies can be viewed with great suspicion if he or his close friends own businesses in areas related to those he writes about. The suspicion arises as a result of the fact that journalists have privileged access to information about listed companies and can use this information in their own or those of their immediate interests" [1, p.192].

As we have shown above, in order to avoid the occurrence of conflict of interest situations, each editorial unit should carry out a permanent dialogue with the employees of the media institutions, regarding the awareness, anticipation and prevention of conflict of interest situations. The staff of prestigious newspapers in the West, for example, has clearly defined the situations that journalists employed by these institutions should avoid, in order not to be fired. Thus, editorial codes of conduct impose prohibitions on exploiting in the personal interest information obtained as a journalist. The journalist cannot make investments in the field he writes about and cannot be an advisor to those he writes about (for example, the economic, political, art, etc.) [11].

Also, no New York Times journalist, for example, may have any actions or other financial interests, including a position on the board of directors of a company or industry about he writes or oversees the publication of commonly used materials (the ban is valid for all areas). As for political involvement, New York Times journalists are forbidden to wear the signs of a party, to have speeches in front of assemblies that would give the impression of partisanship (supporters of a candidate, lobby groups, etc.). Also, the journalist cannot campaign or support in any way a candidate, nor can he donate or raise money for a candidate. Such intra-editorial regulations could make employees even more responsible than the codes of ethics valid for all guild members.

The western practice of documented stipulation of the editorial requirements regarding the integrity of the journalist, unfortunately, has not yet been implemented at the editorial level in the Republic of Moldova. About the dangers of conflicts of interest in the individual activity of journalists, Moldovan newsrooms are being discussed in an informal setting, usually when certain suspicions arise about the journalist's level of equidistance, about how the information was obtained, about the diversity of sources consulted in writing the material, about the journalist's personal opinion, sometimes present in the information materials, due to inattention or non-professionalism, etc.

In addition to the dangers of conflict interests in journalism outside newsrooms, Schultz considers that the danger of pressures exercised by media conglomerates on journalists is equally real [12, p.214]. The conflict of interests sustained and promoted in editorial practice means nothing more than an act of moral corruption, first and foremost, and also material, whose participants are those who should condemn such practices at the societal level.

References

1. RADU, R. Deontologia comunicării publice. Iaşi: Polirom, 2015. 254 p.

2. Legea nr. 16 din 15.02.2008 cu privire la conflictul de interese. Available:http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=342787 (visited 23.07.2018).

3. ROSE-ACKERMAN, S. Corruption and conflicts of interest. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2014.

4. Instrumente Anticorupție. Prevenirea conflictelor de interese. Available: https://www.transparency.org.ro/stiri/newsletter/TIRONewsletter201518.pdf (visited 23.07.2018).

5. Recomandarea nr. 10/2000 a Comitetului de Miniştri a Consiliului Europei. Available: https://www.cna.md/public/files/legislatie/rec_2000_10_cod_conduita_funct_public.pdf (visited 23.07.2018).

6. DAVIS, M., STARK, A. Conflict of interest in theprofessions. Oxford: University Press 2001. 368 p.

7. ŞTEFAN, L. Ghid practic pentru conflicte de interese şi incompatibilităţi. Available: http://sar.org.ro/wp-content/uploads/2011/08/TRAINING-BOOK.pdf (visited 22.07.2018).

8. Conflictul de interese în activitatea jurnaliştilor. Ghid practic. Available: http://www.consiliuldepresa.md/upload/ghid-conflictul-de-interese-in-activitatea-jurnalistilorpdf-5adf9777c4430.pdf (visited 20.07.2018).

9. GROSS, P. Mass-media și democrația în țările Europei de Est. Iaşi: Polirom, 2004, 243 p.

10. BULICANU, V. Personalizarea politicii în mass-media între „politcorrectness” şi populism. În: La Francopolyphonie. Langues. Litterature. Culture et pouvoir. 2010, nr.5. Chişinău: Institutul de Cercetări Filologice şi Interculturale, ULIM, p.312–320.

11. Ethical Journalism. A Handbook of Valuesand Practices for theNewsand Editorial Departments of New York Times. Available: https://www.nytimes.com/editorial-standards/ethical-journalism.html (visited 21.07.2018).

12. SCHULTZ, B. Sports Media: Reporting, Producingand Planning. Burlington: Focal Press, 2013. 230 p.

CZU 70
DOI 10.5281/zenodo.3980620

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Владимир ГУТОРОВ
Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
Санкт-Петербургский Государственный Университет, Факультет политологии,
Кафедра теории и философии политики, Российская Федерация
e-mail: *gut-50@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0002-3736-6773

В статье анализируются основные тенденции трансформации либеральной модели журналистики в западном историческом и политическом дискурсах второй половины XX - начале XXI веков. В частности, выделяются корпоративные и иерархические тенденции формирования комплексов масс-медиа, способствующие нарастанию контроля над журналистской деятельностью, с одной стороны, и усилению политического конформизма, с другой.
Ключевые слова*: журналистика, масс-медиа, корпоративизм, иерархия, дискурс.*

MODELUL LIBERAL DE JURNALISM ÎN DIMENSIUNILE ISTORICĂ ȘI TEORETICĂ

Articolul analizează principalele tendințe în transformarea modelului liberal al jurnalismului în discursurile istoric și politic occidentale din a doua jumătate a secolului XX și începutul secolului XXI. În special, sunt evidențiate tendințele corporative și ierarhice în formarea complexelor mass-media, care contribuie la creșterea controlului asupra activităților jurnalistice, pe de o parte, și la întărirea conformismului politic, pe de altă parte.
Cuvinte-cheie: *jurnalism, mass-media, corporatism, ierarhie, discurs.*

THE LIBERAL MODEL OF JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL DIMENSIONS

The article analyzes the main trends in the transformation of the liberal model of journalism in Western historical and political discourses of the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. In particular, corporate and hierarchical trends in the formation of mass media complexes are highlighted, contributing to the growth of control over journalistic activities, on the one hand, and strengthening political conformism, on the other.
Keywords*: journalism, mass media, corporatism, hierarchy, discourse.*

LE MODÈLE LIBÉRAL DU JOURNALISME DANS LES DIMENSIONS HISTORIQUE ET THÉORIQUE

L'article analyse les principales tendances dans la transformation du modèle libéral du journalisme dans les discours historique et politique occidentaux de la seconde moitié du XXe et du début du XXIe siècle. En particulier, les tendances corporatives et hiérarchiques dans la formation de complexes de médias de masse sont éclairées, contribuant à la croissance du contrôle sur les activités journalistiques, d'une part, et au renforcement du conformisme politique, d'autre part.
Mots-clés*: journalisme, médias de masse, corporatisme, hiérarchie, discours.*

В современных гуманитарных науках исследование парадоксальных свойств современного медиа-пространства во многом связано с анализом специфики новых коммуникативных и риторических свойств политических текстов в структуре идеологических дискурсов как в самой Европе, так и за ее пределами. Поэтому, отнюдь не случайным, на наш взгляд, является резко повысившийся интерес авторов новейших работ в области политической лингвистики, политической текстологии, политической риторики и философии публичной политики к идеологической проблематике [14; 21; 19; 22; 24; 20 и др.]. Осмысление обозначенных выше проблем в социальных науках способствовало формированию предпосылок для нового этапа, который Т.Марттила определяет как «всеобщую “дискурсивизацию” академического сообщества» [14, p.1]. Следует отметить, некоторые ученые полагают, что подобная тенденция является своеобразным отражением процесса «материализации дискурсов», в рамках которого риторика и вообще риторическое начало приобретают господствующее положение в современной политике. Так, например, Х.Э.Хейз в книге «Субъекты насилия и риторическая картография в эпоху войн с террором» утверждает, что новое представление о дискурсе необходимо дополнить соответствующей материалистической концепцией риторики, в рамках которой «постоянная и остаточная (residual) идея “текста” неотделима от контекстуализации риторического артефакта, являющегося частью более обширной конструкции социальных отношений» [13, p.3].

Эволюция политических дискурсов действительно имеет прочную материальную основу и является отражением происходящей в современном мире коммуникативной революции. «Представляется, - отмечают К.Гибсон и Дж.Грэхем в книге «Посткапиталистическая политика», - что создание нового политического воображения идет полным ходом… Возникнув в течение последних нескольких десятилетий и обретая зримую форму и самосознание посредством Интернета, независимых средств массовой информации, а в последнее время и на Всемирных социальных форумах, это новое воображение разрушает обветшалые оппозиции между глобальным и местным, революцией и реформой, оппозицией и экспериментом, институциональной и индивидуальной трансформацией… Концептуальное взаимопроникновение радикально изменяет сложившуюся пространственно-временную структуру прогрессивной политики, перестраивая положение и роль субъекта, а также видоизменяя основания для оценки эффективности политических движений и инициатив» [10, p.XIX].

Все эти революционные тенденции, безусловно, усиливают позиции современных масс-медиа, формируя обновленную основу для претенциозного политического мифа о «четвертой власти», значительно укрепившего свои позиции еще во второй половине прошлого века. Например, Ник Коулдриопределяет власть СМИ как «концентрацию в институтах медиа символической способности “конструирования реальности” (как фактических представлений, так и достоверных фикций)» [12, p.195; ср.: 25, p.189-190; 7; 16; 23; 9; 8; 2]. «Каждая программа, текст или образ - отмечает он, - обладает, конечно, своим особым способом поддерживать вашу веру (будь то правдивая репрезентация фактов или убедительная фикция)… Символическая власть масс-медиа далека от автоматизма. В действительности она должна постоянно воспроизводиться через разнообразные практики и диспозиции на любом уровне общественной жизни… “Медиа-власть” – … это социальный процесс, который нам необходимо понять во всей его специфической сложности… Это не только нечто, чем институты масс-медиа (или медиа-тексты) “владеют”, а их аудитория “впи-

тывает"… Медиа-власть воспроизводится через конкретные детали того, что социальные акторы (включая членов аудитории) делают и говорят» [5, p.4; 6, p.17 sq., 149 sq.].

Вполне естественно возникает вопрос, в какой мере трансформации современного коммуникативного пространства и влияют на характер журналистской деятельности. Иными словами, можно ли в наши дни утверждать, что сложившаяся в последние десятилетия модель журналистики претерпевает радикальные изменения? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к некоторым классическим дефинициям. В своем кратком философском «словаре предрассудков», имеющем название «Сто суеверий» (1987) Ю.Бохеньский дает такое определение журналиста: «Человек, специализирующийся на так называемых средствах массовой информации: журналах, газетах, телевидении, радио и т.д... Так что журналист - это рецензент, и более никто... И пока он этим занимается, труд его полезен и упрекнуть его не в чем. Однако за последние сто лет журналисты присвоили себе иную функцию и выступают теперь в роли учителей, проповедников морали. Они не просто информируют читателей и слушателей о том, что произошло; как им кажется, они вправе поучать, что дóлжно думать и делать. А поскольку взгляды журналистов имеют массовое распространение, они оказываются в привилегированном положении, приобретая настоящую монополию на решение вопросов о добре и зле... Журналист не обладает никаким *авторитетом*, чтобы нас поучать. Как таковой он не является ни специалистом в какой-либо науке, ни моральным авторитетом, ни политическим лидером. Он умеет только наблюдать, записывать и говорить... Стало быть, журналист почти с необходимостью является дилетантом. Считать его авторитетом и позволять ему поучать других людей, как это сегодня постоянно происходит, - значит впадать в суеверие» [1, с.58-59].

В этих словах польского философа слишком много правды, чтобы их игнорировать. Не следует, однако, считать, что они относятся к старому типу журналистики, возникшему в прошлом веке, когда не существовало ни радио, ни телевидения, ни международной спутниковой связи, обеспечивающей мгновенный контакт с аудиторией, ни манипулятивной техники массовой пропаганды.

В современную эпоху, по замечанию итальянского специалиста в области СМК П.Манчини, «время производства, записи и выпуска новостей сведено к почти незаметной точке» [15, p.42 sq.]. Тем не менее, можно с полной уверенностью утверждать, что, независимо от степени технического прогресса, влияющего на скорость передачи информации и, следовательно, на степень воздействия информационных потоков на общественное сознание, сам смысл новостей и характер журналистской работы меняется не так быстро. Во всяком случае и на рубеже XX и XXI веков к ней вполне применимы те методологические принципы, которые были сформулированы еще в 1922 г. У.Липпманом: «Прежде всего, следует иметь в виду..., что новости не являются зеркалом общественных условий, но лишь сообщением о навязывающем самое себя одном [их] аспекте. Новости не говорят вам о том, как семя завязывается в почве, но они могут сказать вам о первом ростке, вырвавшемся на поверхность. Они могут даже передать вам то, что кто-то рассказывал о том, что происходит с семенем в почве. Они могут сообщить вам, что побег не появился в то время, когда его ожидали. Следовательно, чем больше точек, на которых любое событие может быть зафиксировано, объективировано, измерено, названо, тем больше появится оснований, на которых могут появиться сообщения... Новости являются отчетом о [ничем] не прикрытых фазах, которые интересны... Они вызваны вполне экономичным стремлением отмечать только стереотипную фазу

ситуации. Они порождены самой трудностью найти журналистов, которые могут увидеть то, что они не выучились видеть... Наиболее плодотворной представляется та гипотеза, что новости и истина не являются одной и той же вещью и должны отчетливо быть отделены друг от друга. Функция новостей - сигнализировать о событии, функция истины - выявить скрытые факты, установить их взаимоотношения, представив картину реальности, в которой люди могут действовать... Отсутствие... надежных критериев свидетельствует, я думаю, о характере профессии лучше любого другого объяснения. Существует очень небольшой объем точного знания, не требующий выдающихся способностей или сноровки. Остальное отдается на усмотрение журналиста... Не существует таких дисциплин как прикладная психология, равно как медицина, инженерное дело или даже право, которые обладают авторитетом, чтобы воздействовать на ум журналиста, когда тот переходит из мира новостей в смутный мир истины. Нет никаких канонов, направляющих его собственный ум, как нет никаких канонов, оказывающих принудительное воздействие на суждение читателя или издателя... Его собственное мнение в некотором, наиболее жизненном, измерении сооружено из его собственных стереотипов, соответствует его собственному коду и определяется в высшей степени его собственным интересом» [16, p.37-42].

В послевоенный период в глобальном (общесоциологическом) плане западные специалисты обычно выделяют две основных концептуальных модели журналистики - либеральную (западную) и авторитарную в ее различных версиях советской, китайской, албанской и т.д. [26, p.32, 38]. Разумеется, сравнение либеральной и коммунистической моделей журналистики является лишь противопоставлением двух контрастных пунктов, между которыми располагаются многообразные ее варианты, отражающие различия государственной политики в отношении СМИ. Их характер определяется, прежде всего, историческими и культурными особенностями отдельных регионов и входящих в них стран. Так, в соответствии с этими особенностями выделяют, наряду с коммунистической и либеральной моделями, «авторитарную теорию прессы», превалирующую в Латинской Америке, концепцию «социальной ответственности», характерную для Швеции, теорию «подчинения государственным интересам» (Франция), ориентированную на элиты и партии итальянскую модель, составляющую контраст «классической парадигме консенсуса», сформировавшейся в США и т.д. [3, p.102; 27].

Разумеется, сопоставление различных вариантов, сложившихся *внутри* либеральной модели возможно только с учетом исторической специфики формирования каждого из них. Например, выделяемая Д.Блумлером американская «парадигма консенсуса» выглядит слишком расплывчатой, если не принимать во внимание конкретные исторические особенности ее возникновения и эволюции. В современной политической науке критерии разграничения моделей журналистики выглядят не вполне надежными. Например, достигнутое в США за годы «холодной войны» журналистское единомыслие, выразившееся в готовности функционеров СМИ «отражать мышление официального Вашингтона» [27, p.18], во многом приблизило американскую «модель консенсуса» к советской и тем самым усилило отличия обеих от французской модели, также ориентированной внешне на государственные интересы. В этом плане заслуживает внимания мнение тех ученых, которые, не абстрагируясь от проблемы культурных и социально-политических особенностей деятельности СМИ в различных регионах, усматривают причину кризиса современной журналистики в самых новых технических возможностях, открытых наступлением эры компьютеров и спутникового телевидения [11, p.15].

Перенесение акцентов от социальных факторов к технологии журналистики было во многом вызвано и тем, что после распада СССР и «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы либеральная западная модель журналистики оказалась фактически господствующей. В победе либеральных принципов в этих регионах западная пропагандистская машина сыграла, как известно, огромную роль. Престиж журналистской профессии поднялся на необычайную высоту. Этому, как уже отмечалось выше, способствовал «телекоммуникационный взрыв», происшедший в большинстве развитых стран. «Журналисты, - отмечает Д.Вольтон, - извлекли выгоду из данной эволюции в отношении численности и престижа. Но при этом сразу обнаружилась весьма противоречивая тенденция: чем больше журналисты становились общественными фигурами, окруженными успехом и признанием, тем более сама профессия погружалась в кризис общественного доверия. Этот кризис в конечном счете может оказаться для нее очень серьезным» [26, p.26].

Корпоративная логика развития современных СМИ, основанная на коммерции и новейших телекоммуникационных достижениях способствовала кардинальной реструктуризации журналистики, создав нечто вроде «перевернутой пирамиды»: над несколькими сотнями журналистов, собирающих а анализирующих новости в международных агенствах («производителей информации») возвышаются тысячи журналистов, репортеров и комментаторов, основным занятием которых является передача получаемой информации («воспроизводители информации»). Такого рода диспропорция нередко приводит к доминированию (особенно на телевидении) упрощенных до крайности пропагандистких моделей, называемых в США «мусорной журналистикой» [11, p.22].

Разумеется, тенденция к упрощению, примитивизации реальности, определяемая как коммерческими, так и идеологическими мотивами, была свойственна практически всем моделям СМИ, функционирующим в соответствии с принципом – «новости - это не то, что сообщает репортер, но то, что издатели или владельцы решают печатать» [18, p.43]. Ответственность за выпуск ежедневной (или еженедельной продукции), как правило, лежит не на журналистах, а на издателях газет, радио- и телепродюсерах. Не спрашивая журналистов и репортеров, они могут вырезать, переписывать или просто убирать те или иные сюжеты, ориентируясь на предполагаемые или непосредственные рекомендации, даваемые высшим руководством или владельцами газет, журналов и телекомпаний. Конечно, нет никакой особой необходимости специально останавливаться на том, что журналисты, «плывущие в общей струе» (а таких, как правило, большинство) обладают определенной степенью независимости, если они демонстрируют компетентность и способность производить печатную продукцию и видеоматерилы с идеологически приемлемой перспективы, которую обычно называют «взвешенной» и «объективной». «Они являются независимыми действующими лицами в обусловленных рамках; они вольны сообщать все, что они пожелают до тех пор, пока тем, кто над ними стоит, нравятся их сообщения» [18, p.35]. Такого рода ситуация в целом характерна для любой системы организации СМИ и любой модели журналистики, если не принимать во внимание практики тотального (партийного, государственного, идеологического) контроля, характерного для нацистской или советской пропаганды, или же методов давления и управления информационными потоками при установлении откровенно диктаторских режимов, а также в период введения чрезвычайного (военного) положения. В «нормальных» условиях большинство журналистов редко сомневаются в своей объективности, даже если их мнения и

репортажи лишь воспроизводят традиционный, ортодоксальный политический словарь.

В этих условиях нет никакой необходимости в том, чтобы издатели, высшие чиновники или владельцы осуществляли беспрерывный контроль. Случайная профилактическая проверка и вмешательство время от времени оказываются вполне достаточными и эффективными мерами. Поэтому большинство ограничений, которые накладываются на аналитические материалы и репортажи обусловлены не прямой цензурой, а «самоцензурой» самих журналистов. Прочно прививающаяся (часто на бессознательном уровне), становящаяся «второй натурой», привычка к самоконтролю, которую некоторые специалисты называют «предвосхищающим уклонением», приводит к тому, что механизм самоконтроля совершенно искренне отождествляется многими журналистами с «прагматической» или «реалистической» позицией. Подобный менталитет журналистов мало чем отличается от менталитета сотрудников большинства иерархически построенных организаций. Результатом эволюции в таком направлении является возникновение феномена «стадной журналистики» (packjournalism) [18, p.36], являющейся той средой, в которой происходит социализация большинства работников СМИ. Данное понятие обычно характеризует тот средний (или немного выше среднего) уровень журналистского конформизма, который рассматривается истеблишментом как самодостаточный для нормального функционирования политических институтов. Конформизм определяется характером и уровнем получаемого журналистами образования и самой общественной средой, в которой они привычно действуют. Например, многие американские журналисты, занятые в сфере разработки аналитических материалов являются обычно выходцами из высших слоев «среднего класса». Только у одного из пяти родители были представителями «синих воротничков» или нижнего слоя «белых воротничков». Журналистская профессия является одной из наиболее высокооплачиваемых. В США немало ее представителей вплотную приближаются к общественному слою, включающему 10%, получающих наибольшие доходы. Заработная плата корреспондентов крупнейших газет и телекомпаний, главных редакторов и продюсеров нередко превышает 1 млн. долларов [18, p.39].

Еще в конце 1970-х гг. Н.Хомский констатировал удивительный высокий уровень идеологической гомогенности в американских СМИ, которые, согласно его точке зрения, «являются почти на 100 процентов государственно-капиталистическими» [4, p.77]. Тенденции противоположного свойства начинают действовать либо в эпохи, когда общество переживает переходную стадию к другому типу социально-экономической и политической организации (страны «третьего мира», Центральной и Восточной Европы, современная Россия), либо в периоды обострения социальных конфликтов, борьбы между правящими кланами в государствах, отличающихся стабильностью, либо когда государство под давлением общественного мнения и политических партий предпринимает целенаправленные усилия для того, чтобы воспрепятствовать грубому вмешательству корпораций в деятельность СМИ и гарантировать необходимый для их функционирования минимум объективности в работе журналистов.

В целом, однако, этот минимум гарантирован уже тем, что обе тенденции - к униформизму и к его распаду - в результате усиления конфликтов, как правило, нейтрализуют друг друга, поскольку на каждой определенной стадии политического процесса стоящая у власти партия или коалиция стремятся навязать свои правила игры в сфере массовых коммуникаций.

В стабильных ситуациях журналистская объективность также во многом определяется

принципами иерархического соподчинения и складывающимися корпоративными интересами. В результате вырабатываемая имитационная модель имеет немало сходных черт с объективными сообщениями о реальности, суть которых, конечно, заключается в стремлении, по возможности, преодолеть односторонность описания, тесно связанную с идеологической приверженностью или партийными пристрастиями.

Библиография

1. БОХЕНЬСКИЙ, Ю. Сто суеверий. Москва: Прогресс, 1993.
2. BABE, R.E. Wilbur Schramm and Noam Chomsky Meet Harold Innis. Media, Power, and Democracy. Lahnam, Boulder. New York, London: Lexington Books, 2015.
3. BLUMLER, J.G. News Media in Flux: An Analytical Afterward. // Journ. of Communic. 1992. No 42 (3).
4. CHOMSKY, N. Ideological Conformity in America. // Nation. January 27. 1979.
5. COULDRY, N. The Place of Media Power. Pilgrims and Witnesses of the Media Age. London, New York: Routledge, 2000.
6. COULDRY, N., HEPP A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017.
7. CURRAN, J. Media and Power. London, New York: Routledge, 2002.
8. DATOR, J.A., SWEENY, J.A., YEE, A.M. Mutative Media. Communication Technologies and Power Relations in the Past, Present, and Future. Heidelberg, New York: Dodrecht, London: Springer, 2015.
9. FREEDMAN, D. The Contradictions of Media Power. London, New Delhi, New York, Sydney: Bloomsbury, 2014.
10. GIBSON-GRAHAM, J.-K. A Postcapitalist Politics. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2006.
11. HALLIN, D.C. The Passing of the "High Modernism" of American Journalism. // Journ. of Communic. 1992. No 42 (3).
12. HARDY, J. Critical Political Economy of the Media. An Introduction. London, New York: Routledge, 2014.
13. HAYES, H.A. Violent Subjects and Rhetorical Cartography in the Age of the Terror Wars. London: Palgrave Macmillan, 2016.
14. MARTTILA, T. Post-Foundational Discourse Analysis. From Political Difference to Empirical Research. London: Palgrave Macmillan, 2015.
15. MANCINI, P. Old and New Contradictions in Italian Journalism. // Journ. of Communic. 1992. No. 42 (3).
16. GRABER, D. A. (ed.). Media Power in Politics. Washington: CQ Press. 1994.
17. ROZELL, M.J. (ed.). Media Power, Media Politics. Lahnam, Boulder, New York, Oxford: Rowman& Littlefield Publishers Inc., 2003.
18. PARENTI, M. Inventing Reality. The Politics of Mass Media. New York: St. Martin's Press, 1988.
19. FIVES, A., BREEN, K. (eds). Philosophy and Political Engagement. Reflection in the Public Sphere. London: Palgrave Macmillan, 2016.
20. KIM HONG NGUYEN (ed.). Rhetoric in Neoliberalism. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017.
21. RIEDNER, R.C. Writing Neoliberal Values. Rhetorical Connectivities and Globalized Capitalism. London: Palgrave Macmillan, 2015.
22. ROLFE, M. The Reinvention of Populist Rhetoric in the Digital Age. Insiders & Outsiders in DemocraticPolitics. Singapore: Palgrave Macmillan, 2016.
23. FULLER, L.K. (ed.). The Power of Global Community Media. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
24. THOMPSON, M. Enough Said. What's Gone Wrong with the Language of Politics? New York: St. Martin's Press, 2016.
25. WODAK, R. Analyzing Meetings in Political and Business Contexts: Different Genres – Similar Strategies? // CAP, P., OKULSKA, U. (eds.). Analyzing Genres in Political Communication. Theory and Practice. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013.
26. WOLTON, D. Journalist: The Tarpeian Rock is Close to the Capitol. // Journ. of Communic. 1992. No. 42 (3).
27. WOLTON, D. Values and Normative Choices in French Television. // BLUMLER, J.G. (ed.). Television and the Public Interest: Vulnerable Values in Western Broadcasting. London: Sage, 1992.

CZU 659.3:327
DOI 10.5281/zenodo.3980623

MASS-MEDIA ȘI INFORMAȚIA GEOPOLITICĂ

Mihai LESCU
Doctor în științe politice, conferențiar universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Jurnalism și Științe ale Comunicării, Republica Moldova
e-mail: *lescumihai@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0001-9837-6687

În articol este supus analizei rolul informației în societate și fapul că în prezent unele concepte și teorii ale lumii globale nu mai rezistă în fața paradigmei informaționale a geopoliticii moderne, care tot mai mult pune stăpânire pe lume. De asemenea, în articol sunt cercetate legăturile dintre geopolitică și mass-media, care prin suportul tehnologiilor schimbă mediul internațional și modul de activitate în acest mediu. Mass-media în relație cu geopolitica dezvoltă noi forme de colaborare în domeniul vizat: mass-media geopolitică, diplomația publică, geopolitica populară. Sub influența practicilor internaționale privind reflectarea problematicii geopolitice, își diversifică activitatea și mass-media din Republica Moldova.
***Cuvinte-cheie**: informație, mass-media, geopolitică, spațiu global, diplomație publică, geopolitică populară.*

MASS MEDIA AND GEOPOLITICAL INFORMATION

The author discusses the role of information in society and the fact that at present some concepts and theories of the global world no longer stand in front of the informational paradigm of modern geopolitics, which is increasingly taking over the world. Also in the article are investigated the links between geopolitics and the media, which through the support of technologies changes the international environment and the activity in this environment. The media in relation to geopolitics develops new forms of collaboration in the targeted field: geopolitical media, public diplomacy, popular geopolitics. Under the influence of international practices regarding the reflection of geopolitical issues, the media in the Republic of Moldova also diversifies its activity.
***Keywords:** information, mass media, geopolitics, global space, public diplomacy, popular geopolitics.*

MÉDIAS ET INFORMATION GÉOPOLITIQUE

L'article examine le rôle de l'information dans la société et le fait que certains concepts et théories du monde global ne s'opposent plus au paradigme de l'information de la géopolitique moderne, qui envahit de plus en plus le monde. En outre, l'article étudie les liens entre la géopolitique et les médias, qui, grâce au soutien des technologies, modifient l'environnement international et le mode d'activité dans cet environnement. Les médias en relation avec la géopolitique développent de nouvelles formes de collaboration dans le domaine concerné: médias géopolitiques, diplomatie publique, géopolitique populaire. Sous l'influence des pratiques internationales sur le reflet des questions géopolitiques, diversifient leurs activité et les médias en République de Moldova.
***Mots-clés:** Information, médias, géopolitique, espace mondial, diplomatie publique, géopolitique populaire.*

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В статье анализируется роль информации в обществе и тот факт, что в настоящее время некоторые концепции и теории глобального мира больше не противостоят информационной парадигме современной геополитики, которая все больше захватывает мир. В статье также исследуются связи между геополитикой и средствами массовой информации, которые, благодаря поддержке технологий, меняют международную среду и способ деятельности в этой среде. Говоря о геополитике, средства массовой информации развивают новые формы сотрудничества в целевой области: геополитические СМИ, народная дипломатия, популярная геополитика. Под влиянием международной практики освещения геополитических вопросов СМИ в Республике Молдова также диверсифицируют свою деятельность.

Ключевые слова: *информация, СМИ, геополитика, глобальное пространство, публичная дипломатия, популярная геополитика.*

Astăzi, nimeni nu mai poate stăvili circulația informației, care ne însoțește mereu și pretutindeni, punându-ne la curent cu tot ce se întâmplă în țară și pe glob. „Mass-media și informațiile care circulă în spațiul public influențează în mod direct punctele de vedere și opiniile cetățenilor, modul lor de a percepe procesele politice și sociale. <...> Acțiunile și alegerile pe care le fac indivizii sunt în strânsă legătură cu sursele lor de informare", menționează îndreptățit autorii studiului național „Securitatea informațională din perspectivă mediatică" [1].

Noile realizări tehnologice le dau posibilitatea nu numai jurnaliștilor, dar și consumatorilor de media, să devină producători și difuzori de informații, deoarece, de rând cu mass-media, acum și Internetul se afirmă tot mai mult drept instrument de comunicare. Pe această cale societatea obține noi oportunități de dezvoltare, în care noua ordine mondială este determinată de controlul tehnologic al spațiului virtual.

La baza „noii economii" se află intelectualul sau „capitalul uman" și nu instituțiile fundamentale ale producției din trecut. Natura capitalului se schimbă, creatorul lui devenind stratul social al profesioniștilor producției spirituale pusă în serviciul libertății de exprimare și a adevărului. În această ordine de idei devine și mai clar că unele concepte geopolitice și teorii ale lumii globale nu mai rezistă în fața paradigmei informaționale a geopoliticii moderne, care tot mai mult pune stăpânire pe lume.

Cunoaștere și informații

Dintotdeauna succesul evoluției civilizațiilor a fost determinat de informație. Cunoștințele acumulate la o anumită perioadă a dezvoltării social-politice, economice și culturale au servit drept punct de pornire pentru un nou ciclu evoluțional al dezvoltării sociale a umanității. Adunarea, stocarea, prelucrarea și securizarea informațiilor, din partea celor investiți cu putere în societate, conform afirmațiilor savanților, „a început în urmă cu peste zece mii de ani". În acest caz, ne referim la primul protocol de securitate a informațiilor realizat de mesopotamieni, devenit ulterior, la o altă scară, standard internațional. Tot așa au procedat în contextul protejării/securizării cunoștințelor/informațiilor și peruvienii, apoi egiptenii, în urmă, respectiv, cu șase și cinci mii de ani. „De asemenea, de mii de ani, informațiile secrete au fost ascunse privirilor curioase ori rău intenționate prin operațiunea de camuflare a lor, sau au fost codificate, criptate – pentru a le face accesibile doar persoanelor autorizate [2, p.6].

Cronologic vorbind, încă în 1597 scriitorul și omul de stat englez, Francis Bacon sublinia în lucrarea sa *Meditationes Sacrae* că „informația este putere". Această expresie, de secole face capul de afiș în contextul sublinierii virtuților ce revin informației. Abia „între 1922 şi 1935, fixând datele inevitabil un pic arbitrar, oamenii de ştiinţă şi inginerii introduc în propriile lor domenii de cercetare noţiunea de

„informaţie”. La început, este vorba mai degrabă de reînsuşirea unui cuvânt din limbajul curent ca *inteligenţa* la inginerul de telecomunicaţii Harry Nyquist în 1924, ori direct a cuvântului *informaţie* la Gilbert Newton Lewis în 1930 sau la Ronald Aylmer Fisher începând cu anul 1922”[3]. R.Fisher este cel care a căutat pentru prima dată un fundament privind folosirea noţiunii de *informaţie,* plasând-o în cadrul teoriei sale a estimării statistice, fondată pe noţiunea de verosimilitudine. Ulterior, definirea noţiunii de *informaţie* şi a conceptului ştiinţific devine o chestiune centrală, în teoriile comunicării ale fizicianului maghiar Dennis Gabor [4] și ale matematicianului american Claude Shannon, care în lucrarea sa fundamentală *O teorie matematică a comunicării*, editată în 1948, „gândește informația ca un set de mesaje posibile” și pentru prima dată introduce modelul *calitativ* și *cantitativ* al comunicării ca proces statistic, care stă la baza teoriei informației, pornind de la afirmația că „Problema fundamentală a comunicării este aceea de a se reproduce, la un moment dat, exact sau aproximativ, un mesaj selectat la un alt punct”.

Oricum, luând în calcul faptul că la baza cunoașterii se află examinarea analitică a informațiilor, admitem că Francis Bacon a avut în calcul informațiile, când a afirmat că „cunoașterea în sine este putere”. Prin ani, percepția despre informație ca putere a cunoscut afirmare în timpul celui de al doilea război mondial, când s-a formalizat și a crescut semnificativ numărul serviciilor de informații, când în toate țările s-au înființat agenții și departamente complet noi pentru a face față amenințărilor. Dar informația include o mare diversitate de sensuri în contexte diferite, de la cele zilnice până la cele tehnice. Procesul obținerii, prelucrării și analizei informațiilor este o preocupare majoră pentru societatea actuală, cu ajutorul unor domenii precum tehnologia informației, sisteme de informații, și știința informației [5].

Acum, în era informațională, cât nu ar părea de paradoxal, tot mai mult ne convingem că expesia: *știm prea puține despre multe*, devine și actuală, și adevărată, deoarece tehnologiile performante permit azi culegerea, stocarea si prelucrarea rapidă a unor cantități tot mai mai mari de date, care prin structurare devin elemente purtătoare de informații. Cantitatea de informație, diseminată în mediul social a crescut enorm, indivizii nemaiavând nici timp și nici capacitate de a-i valorifica potențialul. În acest caz în ajutorul celor interesați vine mass-media, care sunt cele care selectează, ordonează, stabilesc proprietățile informațiilor și le diseminează în rândul maselor.

Informația și media

O societate civilizată/democratică, la orice stadiu de dezvoltare și indiferent de procedeele tehnologice pe care le aplică, nu poate îngrădi/stăvili dorința omului de a fi bine informat, de a comunica și de a-și exprima emoțiile în procesul de creație. Oricum, fie că vorbim despre „puternice fluxuri de informație”[6, p.3] pe teme (geo)politice, social-economice sau de publicitatea produselor culturale sau a ceea ce ține de interesul consumerist al publicului, toate raportate azi la diseminarea informației/culturii media, accentuăm faptul că pentru a se face „văzute și auzite”, pentru a „ajunge” la oameni aceste segmente au neapărat nevoie de media.

Conceptul *media* comportă mai multe semnificații. Fiecare dintre semnificații se focalizează pe anumite aspecte prioritare, fără a le mai lua în seamă pe celelalte. Întâi de toate, media sunt mijloc de informare și comunicare, adică își asumă funcția de a transmite/difuza informații prin utilizarea unei anumite tehnologii la subiecții de comunicare. Media este „tehnică utilizată de un individ sau de un grup pentru a comunica unui alt individ sau unui alt grup, altfel decât față în față, la o distanță mai mică sau mai mare, expresia gândirii, oricare ar fi forma și finalitatea acestei expresii”[7, p.200].

Cercetătorii și dicționarele de specialitate atestă că „cuvântul *media* oscilează între o definiție cu sens

restrâns și una cu sens larg, pentru că trimite adesea la relații distincte, dar nu mereu aflate în legătură: *o tehnică*, cum este presa scrisă, televiziunea sau discul digital; *o utilizare*, adică în același timp o finalitate și un conținut care îi corespunde (informația, propaganda, divertismentul și educația); *un public*, potențial sau efectiv, mai mult sau mai puțin extins, ceea ce permite distincția între „mass-media" și media de grup sau media personale"[7, p.201].În viziunea savantului canadian M.McLuhan, dar și a altor oameni de știință, media a cunoscut mai multe etape de dezvoltare - de la orală la cea scrisă, apoi – la cea tipărită, iar de la aceasta -la audiovizuală. Astăzi, la activitatea de mediatizare a mesajelor participă plenar și tehnologiile, care dau naștere la noi tehnici.

Astfel, din cele expuse, putem accentua că rămâne actuală concluzia cercetătorului V.Moraru: „Mediatizarea politicii - mod de existență al mass-mediei", autorul explicând că „termenul *mediatizare* , în cele mai multe cazuri, înclină spre înțelegerea acestuia ca o acoperire mediatică a realității, ca prezentare în paginile mass-mediei a acestei realități"[8, p.155].Respectiv, luând în calcul tema ce o dezbatem în acest articol, putem vorbi și despre activitatea de mediatizare a problematicii geopolitice, ghidându-ne în continuare de remarca judicioasă a lui V.Moraru, că „devine știre" doar ceea ce corespunde din punct de vedere funcțional exigențelor reproductive ale sistemului social-economic căruia îi aparțin mass-media antrenate în procesul de producere și difuzare a informației"[8, p.137].

Astăzi conținuturile media acoperă întreg spectrul relațiilor unei persoane cu societatea și cu toate celelalte subsisteme ale ei [9].Acum alături de presa tipărită, radio și televiziune a căpătat teren fertil de afirmare internetul. În afară de faptul că internetul se prezintă ca un instrument important de pregătire și distribuire a informației, el servește și ca o bogată și multilaterală bază de date, de ziare, reviste și articole, canale de radio și televiziune, multimedia, asigurând accesul la o audiență globală. „În noua eră care se profileaza la orizont: era multimedia, fluxul taifunic de informaţii atribuie o putere aproape nemărginită celui care se află în posesia lor"[3].

Capitalul strategic al secolului

La ora actuală ritmul dezvoltării lumii la scară națională și globală este determinat de nivelul dezvoltării tehnologiilor informaționale și comunicaționale. Modalitățile din trecut, în baza cărora o țară putea aduna bogăție națională în baza acumulării de capital, a războaielor, soldate cu pierderea de vieți omenești și în urma extinderii teritoriilor sale, astăzi tot mai mult sunt adumbrite de potențialul informațional ca vistierie națională.

Nu întâmplăror luptele geopolitice care se dau între statele mari și dezvoltate ale lumii nu urmăresc scopul de a cuceri noi teritorii, ci de a menține superioritatea informațională în spațiul lor de interese geostrategice și geoeconomice. Rivalitatea geopolitică dintre state tot mai mult trece de pe câmpul bătăliilor cu vărsări de sânge și distrugere/năruire a avuțiilor naționale, pe cel al confruntării informaționale, preponderent în spațiul virtual, în lupta pentru a pune stăpânire pe mentalitatea și comportamentul oamenilor. Confruntările informaționale developează și unele probleme, din care fac parte: suprainformarea și dezinformarea, mass-media și internetul fiind canale prin care se influențează, orientează și dirijează opinia publică, și interesele despre evenimente, deoarece „informarea nu poate exista fără dezinformare - și, întotdeauna, în sensul unei simplificări moralizatoare"[10, p.63].

Toate acestea creează noi probleme și dau un nou conținut și un nou sens dezvoltării civilizației informaționale la nivel mondial, care, la rândul ei, accelerează procesele de globalizare a lumii. Spre deosebire de resursele naturale și alte tipuri de resurse, cele informaționale nu scad în timp. În sfera

producerii și distribuirii lor astăzi lucrează jumătate din toți angajații în câmpul muncii de pe glob.

Pentru moment, tot mai evident este faptulcă fără dezvoltarea infrastructurii informaționale, a canalelor mass-media și a internetului ca instrumente de bază de diseminare a informațiilor nu este posibilă integrarea economiei naționale în spațiul economic global. Valorificând aceste avantaje informația se îmbogățește cu noi proprietăți. Considerată altădată sursă de putere politică internă și externă a statului, deoarece a fost mereu nu numai o sursă de informare, ci și de propagandă, dezinformare și manipulare a opiniei publice, ea devine o condiție a supraviețuirii omului și societății în contextul unei noi ordini mondiale globalizată tehnologic și economic. Pe această cale informația devine și ea o categorie a economiei, impunându-se ca cea mai importantă și de preț marfă contemporană. Procesul producerii și diseminării informațiilor, avantajat de noile tehnologii care se dezvoltă vertiginos la etapa actuală, a făcut ca acest fenomen intelectual să se transforme în principalul capital strategic al secolului nostru.

Paradigma informațională a geopoliticii

Conceptul în cauză are o explicație foarte vagă chiar și în literatura de specialitate, unde *paradigma* înseamnă „un fel de adevăr sau axiomă", pasibilă de a fi luată ca bază de cercetare de către oamenii de știință într-un anumit domeniu de cunoaștere.

Într-o înțelegere mai complexă, o paradigmă este un sistem de *mijloace, metode și judecăți.* Urmând acestei logici, savantul ThomasS. Kuhn stabilește „cadrul în care se desfășoară cercetarea, înțelegerea și studiul suplimentar al informațiilor". Tot el identifică mai multe etape în dezvoltarea teoriei sale:(a) *pre-paradigmatică* (diverse supoziții/gânduri greu de demonstrat/dovedit); (b) *de cristalizare/înfiripare a cunoștințelor incipiente* (literatură, care relevă secvențial nuanțele unei anumite teorii); (c) *știință normală* (căutarea de noi dovezi ale unei paradigme, perfecționarea cunoștințelor anterioare); (d) *stiință extraordinară* (dezamăgire în vechea paradigmă și propunerea de noi adevăruri)[11].

La rândul său, filozoful francez Michel Foucault considera paradigmele formațiuni discursive speciale - un conglomerat de norme, reguli și valori, care creează o atitudine de gândire; metode istorice de înțelegere rațională a realității, „subordonând orice cercetător tiraniei schemelor de gândire a priori" [12]. Astfel, paradigmele permit oamenilor de știință să abordeze fenomenele ce au loc în realitate, subordonându-le viziunillor și intereselor intuite de căutare a adevărului prin aplicarea unei metodologii ce ar permite extragerea unor concluzii/raționamente utile dezvoltării unui sau altui domeniu de cercetare.

În acest context prezintă interes și o astfel de paradigmă cum ar fi cea informațională a geopoliticii. În linii mari, paradigma geopolitică, care are menirea de a oferi o bază și o viziune pentru relațiile spațiale dintre state din lumea modernă, suferă schimbări la fiecare etapă a istoriei politice. Astfel, la anumite etape,în geopolitică au dominat mai multe paradigme majore: *național-statală, ideologică*, *civilizațională* ș.a. Fiecare din ele au explicat, reflectat/interpretat fidel fenomenele geopolitice prin ani. Dar atunci când nu au mai putut ține pasul cu amploarea proceselor politice și sociale de pe mapamond, nefiind în stare să le descrie și să le explice cu suportul vechii teorii științifice, au cedat locul una alteia.Noua paradigmă geopolitică este inspirată de ideea informației ca factor principal de manifestare a ei cu toate caracteristicile și proprietățile ce schimbă metodele de gestionare a timpului și spațiului, dar și a dinamicii (geo)politice. Astăzi devine tot mai dificil să determinăm rolul și modul de manifestare a mass-mediei în contextul geopolitic, deoarece în acest spațiu sunt implicate plenar/masiv noile tehnologii comunicaționale - internetul și multimedia. Din acreste considerente realitatea impune/solicită cu prisosință elaborarea și acceptarea noii paradigme în geopolitică - a informaților/

informațională. După noi, *paradigma informațională a geopoliticii* nu este dictată de un moft speculativ-teoretic, ci de necesitățile practice, (geo) politice pentru a examina și a explica noua ordine mondială dominată plenar de cea mai mare și convenabilă bogăție politică și economică contemporană - informația.

Noua paradigmă a geopoliticii se impune în această lume globalizată nu numai pentru a gestiona fluxul de informații, dar și pentru a soluționa problemele geopolitice pe care le provoacă atât mediile tradiționale, cât și noile media. De altfel, informația și geopolitica, care au început să fie stiduate intens în secolul XX, converg într-un punct esențial. Ambele sunt înfrățite cu strategia, pe care încă Napoleon a definit-o ca arta folosirii timpului și spațiului. Informația prin definiție este strategică, iar geopolitica este cea care asigură legătura dintre geografie și strategie. Astfel, geopolitica se bazează pe faptul că politica internațională, cu variabilile ei de la pace la război, de asemenea se desfășoară într-un mediu determinat de spațiu și timp. Conform opiniei specialiștilor, anume în baza stabilirii relațiilor cauzale între spațiu (geografic) și puterea politică internațională, sunt astăzi elaborate strategiile geopolitice, altele, decât cele care au fost caracteristice pentru lumea bipolară. În aceste împrejurări altele devin acum și rolul/sarcinile ce stau la baza sistemului mediatic tehnologizat.

Astfel, a fost necesar să se sfârșească Războiului rece și să ia amploare dezvoltarea noilor tehnologii, ca să fie redescoperită superioritatea paradigmei informaționale a geopoliticii, strâns legată de globalizarea, de modernizarea raportului de forțe politice și militare pe mapamond, de schimburile economiceși social-culturale, dar și de apariția de noi tensiuni și amenințări în spațiul real și cel virtual.

Este evident că în prezent, în condițiile globalizării și tehnologizării societății globale, nici o activitate/acțiune politică externă nu poate fi întreprinsă fără a lua în considerare factorii geopolitici. Nedumerire stârnește însă faptul că de multe ori clasa politică de la noi exploatează conceptele geopolitice în scopul unor justificări ideologice mai degrabă decât pentru fundamentarea politicii externe a statului. Chiar dacă tradițional la baza geopoliticii stau realități obiective, care rezultă din caracteristicile geografice ale statului, rolul hotărâtor în determinarea și implementarea politicii externe pro-europene (alta nu a fost elaborată de statul nostru!) revine actorilor politici, dar nu în ultimul rând și mass-mediei. Nu negăm afirmația lui N.Spykman, că „timp cât realitățile geografice rămân neschimbate, politica externă a statului își păstrează dependența de ele", chiar dacă structura politică și economică a statului suferă schimbări cardinale [13, p.37].Dar urmează să luăm aminte că astăzi realiteatea e alta. Ne aflăm în epoca fundamentalismului digital și a informației, a unor mass-media fără frontiere, care au un rol dominant asupra geopoliticii contemporane și problematicii relațiilor externe ale statului.

Actualmente, tehnologiile comunicaționale și informaționale au de spus un cuvânt determinant în privința elaborării metodelor de dominare geopolitică. În acest context sunt reduse substanțial nu numai configurația timpului și a spațiului frontierelor politice dintre state, dar și posibilitățile de a influența prin mass-media opinia publică nu numai în hotarele naționale, ci chiar regionale/continentale. În opinia experților domeniului, paradigma informațională în geopolitică urmează să soluționeze trei obiective principale în înțelegerea dinamicii geopolitice a lumii moderne:

1) să clasifice și să interpreteze transformările geopolitice care au loc în lume, astfel, încât să putem percepe/intui evoluția lor de perspectivă;

2) să explice motivele transformărilor geopolitice globale în derulare și să prevadă când, unde și cum vor evolua evenimentele viitoare;

3) să ofere o înțelegere conceptuală holistică referitor la modul în care și cum ar trebui să se dezvolte dinamica geopolitică a lumii moderne[14].

Dacă, în linii mari, acestea sunt sarcinile de bază ale paradigmei informaționale a geopoliticii, putem observa că materializarea lor devine imposibilă fără noile tehnologii și mass-media, care au acumulată o bogată experiență în informarea publicului și interpretarea evenimentelor și a proceselor ce au loc la nivel local și regional, iar în acest sens și în relațiile Republicii Moldova cu țările vecine – România și Ucraina. Desigur, activitatea mediatică și a noilor tehnologii poate fi orientată atât în plan pozitiv (informarea veridică a cetățenilor, comentarea și explicarea echidistantă a fenomenelor și evenimentelor lumii reale sau pentru apărare, în cazul expansiunii informaționale și a situațiilor de criză), cât și în plan negativ/distructiv (propagandă, dezinformare și manipulare a opiniei publice, implementarea de războaie informaționale-psihologice, răspândirea urii și panicii în rândul maselor sau în raporturile dintre state). Contracararea eficientă a noilor provocări este posibilă numai dacă statul și instituțiile media vor duce o politică externă realistă și echilibrată, vizând interesele geopolitice ale țării, apărând spațiul informațional și securitatea națională.

În promovarea intereselor sale naționale statul Republica Moldova, dar și mass-media trebuie să țină seama că, geopolitic, interesele ei „se dovedesc a fi cu precădere de caracter regional şi subregional din cauza că potenţialul ei politic şi economic este limitat şi, deci, nu poate pretinde la roluri şi funcţii globale pe arena mondială. În plus, ea se află într-o zonă „gri" de insecuritate şi instabilitate politico-militară şi etnoconfesională, fapt care solicită aprofundarea eforturilor pentru consolidarea poziţiilor sale" [15, p.203].

Geopolitica mass-media

Geopolitica la ora actuală găsește tot mai mult teren fertil în presa scrisă, audiovizual, dar și în Internet. În perspectiva dezvoltării accelerate a tehnologiilor din ultimii ani, procesele geopolitice de pe mapamond devin subiecte privilegiate în mass-media, dominând, mai cu seamă, în emisiunile televizate. Aceasta se întâmplă și datorită interesului pe care populația îl manifestă față de evenimentele care au loc în diferite părți ale globului. Exemplul pandemiei de coronavirus, care în câteva săptămâni a alarmat întreaga planetă, nu fără ajutorul mass-mediei, este mai mult decât grăitor în acest sens. Panicați de pericolul care le amenință viața, oamenii au exercitat presiune atât asupra structurilor puterii, cât și asupra mass-mediei în scopul aflării adevărului adevărat despre apariția virusului-ucigaş, despre care mass-media, dar şi internetul fac să circulă diverse supoziții cum că „a fost elaborat în condiții de laborator" şi apoi „a fost scăpat de sub control", că „în această afacere sunt implicați conducători ai unor state", care au „interese politice"/ „economice" sau care „au dorit să semene panică în lume" etc. Straniu, dar acest fenomen necontrolabil, care a afectat întreaga omenire, a devenit și paradoxal, în condițiile când având la dispoziție nenumărate surse de informare, consumatorul media crede că știe/ cunoaște totul despre el și, totodată aproape nimic.

Astfel, acceptăm ideea că evenimentele geopolitice sunt nu numai reprezentate în mass-media, dar de multe ori sunt accelerate ori provocate de media. Uneori din întâmplare/greșeală, alteori din anumite interese/ ambiții ale actorilor (geo)politici aceste fenomene au început să se manifeste pregnant în spațiul geopolitic al țărilor Europei de est după destrămarea URSS și democratizarea societății. *Perestroika*, inițiată de M.Gorbacov, derivată din dereglările survenite în structura administrativă-de comandă și ideologică a sistemului socialist-comunist, a provocat un interes sporit atât în rândul populației din țările socialiste căt și ai lumii occidentale, curioasă de a înțelege schimbările survenite în URSS. Acest fapt impulsionat, la nivel mondial, într-o lume supusă globalizării „revenirea în actualitate " a geopoliticii [16, p.2], care pe durata Războiului rece, cu excepția SUA, fusese marginalizată din motive preponderent ideologice. Renașterea geopoliticii ca disciplină, a condus la extinderea ariei

preocupărilor ei privind observarea și investigarea/cercetarea proceselor/evenimentelor social-politic, geografic, economic și cultural, care au devenit bază pentru presa scrisă, audiovizual, dar și pentru internet și multimedia în activitatea de reflectare/interpretare a realității.

După noi, în această ordine de idei, putem vorbi despre *geopolitica media*, tot așa cum astăzi avem încetățenită în mediul cercetării științifice, dar și al activității practice, îmbinarea de cuvinte *cultura media,* care a fostintrodusă pentru a desemna un tip special de cultură - cel al societății informaționale. În context, de notat că în condițiile actuale ale evoluției noilor tehnologii comunicaționale, geopolitica este și ea dominată tot mai mult de paradigma informațională a societății.

Geopolitica media, ca și cultura media este strâns legată de comunicare. Cercetătorii comunicării internaționale, iar în acest context și ai comunicării geopolitice, enunță părerea că aceasta se desfășoară simultan pe mai multe niveluri: (a) comunicarea interumană**;** (b) comunicarea de la stat/guvern la stat/guvern şi de la stat/guvern către opinia publică aparţinând altei ţări**;** (c) comunicare prin intermediul mijloacelor tehnice de diseminare a informaţiilor de la cele devenite deja clasice cum ar fi emisiunile de radio şi televiziune până la cele mai moderne – internetul [17, p.75].

Referindu-se la geopolitică media, cercetătorul francez Ph.Boulanger [18]**,** remarcă faptul că ea se bazează pe patru criterii:

-infrastructura/de comunicații, dezvoltarea cărora a condus la costuri mai mici, la îmbunătățirea calității serviciilor și a conexiunilor internaționale;

- produsele media, prioritar cele de televiziune și radio (dar și cele Internet - *M.L.),* care s-au diversificat și au crescut atât de mult în lume, încât este dificil azi de inventariat/controlat și de cartografiat;

- agențiile globale de publicitate/de presă în plină ascensiune, care în procesul studierii publicului-țintă și a geografiei spațiului fac posibilă nu numai abordarea dinamicii influenței la diferite scări geografice, ci și determinarea unei geografii sociale și culturale a comportamentelor, gusturilor, ierarhiilor sociale și utilizărilor.

- fluxurile de informații, care odată cu extinderea rețelelor/tipurilor de telecomunicații au repercusiuni geopolitice în mai multe domenii (politic și diplomatic, economice, militare etc.).

Și în acest caz, se observă că atât cultura media, cât și geopolitica media fac apel la aceleași suporturi pentru diseminarea informațiilor/materialelor, pe care inițial le simplifică/redactează pentru a le face cât mai accesibile publicului larg, tot așa cum procedează – subliniem - în această ordine de idei, și cultura media, în interesul de a promova o cultură medie, pe înțelesul unui auditoriu de nivel mediu, interesat de (geo)politică.

Reieșind din diverse definiții ale geopoliticii, care sunt centrate pe ideea de „rivalitate de putere", putem concluziona că *geopolitica media*are obiectivul de a studia/investiga și de a înțelege tensiunile și rivalitățile dintre actorii media și de a descrie/reflecta/explica aceste lupte în presa scrisă și audiovizual cu scopul de a influența publicul.

Geopolitica mass-media și public diplomacy

Comunicarea mediatică este sursa de bază a schimbului de informații în societatea actuală. Orice activitate umană, individuală, colectivă, presupune informaţii emise, primite sau analizate. „Comunicarea este parte a acţiunii şi a reflecţiei aşa cum moneda este parte a economiei" [19, p.26].

Comunicarea geopolitică include și ea atât mijloacele cât şi metodele prin care actorii aduc la cunoștința maselor scopurile, atitudinile şi ideile. În contextul comunicării internaţionale, geopolitica media se realizeazăcu suportul mijloacelor tehnice de diseminare a informaţiilor de la cele clasice, cum ar fi emisiunile de radio şi televiziune, până la cele

mai moderne – internetul [20, p.11]. Apariţia comunicaţiilor prin satelit a făcut ca, astăzi, posturile de radio şi de televiziune chiar dacă sunt intitulate naţionale sau regionale să disemineze informaţia pe spaţii regionale/continentale sau în toată lumea.

Pe acest palier comunicarea este influenţată, în opinia experților, de cel puţin trei factori: interesul naţional; cultura jurnalistică statornicită în interiorul unei naţiuni şi politica editorială a principalilor vectori de transport a informaţiilor [17, p.77]. Însă, la noi atât statul, cât și mass-media acordă prea puțină atenție acestor factori.Se vorbește despre o unică Concepție și despre o unică Strategie în domeniul securității informaționale într-un *spațiu informațional unitar*, dar în același timp se trece cu vederea faptul că avem un spațiu informațional dispersat și regionalizat.

Mai mult: un studiu privind evaluarea influenței ruse asupra opțiunilor geopolitice ale cetățenilor demonsrează că în „Republica Moldova subiectul orientării externe determină în mare măsură viața politică și rezultatele alegerilor pe parcursul multor ani. Împărțirea alegătorilor în două grupuri generice pro-europeni și pro-ruși este recunoscută în țară și peste hotarele ei. Politicienii joacă pe preferințele geopolitice ale alegătorilor. Dezbaterea politică internă este dominată ani la rând de subiecte geopolitice"[21, p.2].

Dacă până nu demult comunicarea în mediul internaţional, inclusiv cea care viza problematica geopolitică se încadra „în diplomaţie şi se desfăşura potrivit regulilor şi cutumelor impuse de-a lungul veacurilor", care domina celelalte forme: negocierile bi- și multilaterale dintre lideri; discuțiile și dezbaterile; discursurile, luările de poziție ai actorilor politici, acum sfera diplomaţiei „cu întregul său aparat tehnic şi tehnologiile aferente"[17, p.82] nu numai că s-a lărgit prin apariţia a ceea ce specialiştii numesc *public diplomacy,* ci s-a şi diversificat ca formă şi conţinut.

După un material informativ a lui Edmund Gullion, cel care în 1965 a întrodus în circuitul științific termenul *diplomaţie publică*, aceasta avea menirea de a descrie aspecte ale relațiilor internaționale, care se manifestă în afara interacţiunii dintre structurile de stat, cuprinzând „dimensiuni ale relaţiilor internaţionale, dincolo de diplomaţia tradiţională", cum sunt „formarea de către guverne a opiniei publice din alte ţări; interacţiunea dintre grupuri de interese private din diferite ţări; informarea populaţiei privind afacerile internaţionale şi influenţa acestora asupra politicii interne; comunicarea între cei a căror funcţie este comunicarea, precum diplomaţii şi jurnaliştii străini; procesul comunicării interculturale" [22, p.5]. O analiză detaliată a mai multor definiții despre diplomația publică ne conduce la ideea că ele toate presupun o strânsă colaborare cu mass-media, prevăzând în calitate de sarcini de bază diseminarea informației, schimburile culturale și educația, „comunicarea guvernului unei ţări cu publicul străin, în încercarea de a explica acestuia ideile şi idealurile naţiunii respective", instituţiile şi cultura acesteia, cât şi interesele naţionale şi politicile actuale [23].

Diplomaţia publică, aşa cum este percepută în mod tradiţional, include susţinerea guvernamentală a programelor în domeniul cultural, educaţional şi informaţional, schimburilor de cetăţeni, emisiunilor orientate spre informarea şi influenţarea audienţei străine, fiind „o caracteristică inerentă a societăţilor democratice", pentru a recruta popoarele lumii într-o cauză comună" [24, p.72].

La termenul respectiv s-a recurs deoarece activităţile pe care le îndeplinea până atunci diplomaţia publică erau atribuite unei noţiuni ce reuşise să-și dea arama pe faţă – propaganda. Necesitatea de a delimita acești termeni rezidă în următoarele: diplomaţia publică operează cu fapte cunoscute, reale, în timp ce propaganda se bazează pe o îmbinare abilă a falsurilor cu faptele adevărate.

Pe această cale diplomaţia publică a devenit o componentă indispensabilă a politicii externe a statelor, dar şi un subiect important pe agenda purtătorilor de cuvânt ai liderilor politici şi a organizaţiilor internaţionale în relațiile lor cu instituțiile mass-media în scopul de a prezenta pe înțelesul publicului larg evenimentele din realitatea lumii globale.

Ce-i drept, după sfârșitul Războiului rece, odată cu destrămarea URSS, atât politicienii, cât și mass-media americană considerau că diplomația populară își îndeplinise misiunea. Însă după atacurile din 11 septembrie 2001, oficialii de laWashington au reformulat fundamentele diplomaţiei publice, au alocat noi resurse în acest scop și au extins semnificativ statele de personal implicate în acest proces, care în opinia noastră rămâne una din cele mai accesibile căi de informare și dialog mediatic în relații cu publicul despre viața politică internațională. De pe aceste poziții au tratat diplomația publică i țările continentului nostru în procesele de exstindere-aderare la comunitatea UE în anii 2000-2007. În timpul negocierii tratatelor de aderare, statele-candidat au exploatat din plin mecanismele diplomaţiei publice, care prin suportul mass-mediei au asigurat un dialog sincer și multe aspectual cu concetățenii despre acest proces de importanță epocală pentru viitorul lor.

Diplomația publică, instrument important al influențarii comportamentului opiniei publice din afara granițelor unei țări, astăzi, sub impactul globalizării, când relațiile interstatale cunosc un profund proces de redimensionare, având ca suport (diplomația) mass-media, participă activ la înlăturarea monopolului statului asupra reflectării/interpretării problematicii vieţii internaționale. Astfel, dacă până acum rolul principal în desfășurarea activității de diplomație publică revenea cetățenilor/indivizilor unui stat, noile tehnologii informaționale și comunicaționale au promovat în prim-plan audiovizualul, internetul și multimedia în comunicarea directă cu cetățenii altor țări.

Anume cu și prin intermediul mass-mediei diplomația publică se transformă/devine un proces complex de comunicare bidirecțională, ce cuprinde atât o dimensiune internă, cât și una externă. În această ordine de idei, rămânem de acord cu Hans Tuch, că diplomația publică este un proces de comunicare a guvernului unei anumite țări cu publicul străin, în încercarea de a explica acestuia ideile și idealurile națiunii respective, instituțiile și cultura acesteia, ca de altfel și interesele naționale și politicile actuale [23].

De la ”Public diplomacy” la ”Geopolitica populară”

Statutul puterii internaționale a unui stat rămâne strâns legat de comunicarea diplomatică. Dintre multiplele forme ale comunicării politice interstatale aceasta este considerată cea mai importantă. Dar comunicarea diplomatică se găseşte mereu sub o dublă presiune: a opiniei publice din societătea contemporană şi cea a interesului/raţiunii de stat. „Pe de o parte aceasta impune diplomaţiei o cât mai mare transparenţă a actului de comunicare şi deci acces la conţinutul mesajelor care o însoţesc, iar pe de alta, nevoia de confidenţialitate impusă de păstrarea secretelor de stat” [17, pp.85-86] din care motive dialogul deschis, multiaspectual și imparțial cu masele îl preia *diplomația publică*. Aceasta, în strânsă colaborare cu mass-media ca instrument în slujba statului sau a actorilor non-statali, multiplică canalele de comunicare, dar şi capacitatea lor de a „traversa” graniţele politice fără „aprobarea” guvernelor. Astăzi, în comparaţie cu posturile de radio, de televiziune și cu presa scrisă, care sunt controlate de proprietari, internetul creează o comunicare directă nelimitată [25, p. 202].

Noile tehnologii comunicaționale și folosirea lor nu numai în scopuri de informare, dar și de propagandă, dezinformare și manipulare a opiniei publice au schimbat substanțial mediul internațional. „Media a condus la apariţia unei noi dimensiuni a acestuia pe care

specialiştii au denumit-o *popular geopolitics,* care se deosebeşte de geopolitica practică produs al institutelor de cercetare şi analiză, dar şi de cea academică” [17, p.93]. Pe măsura dezvoltării tehnologiilor, interacţiunea dintre mass-media și geopolitica populară creste, relațiiile devenind din ce în ce mai complexe. Apreciind acest fenomen, J.Dittmer sublinia că dacă dorim „să înțelegem identitatea națională și ordinea globală, trebuie să apelăm la geopolitica populară” [26].

Geopolitica populară este o parte integrantă a geopoliticii critice. Aceasta de la urmă studiază rolul și influența aspectelor geografice și a factorilor determinanți asupra (geo) politicii globale și internaționale, prioritar fiind concentrată pe documente, discursuri și lucrări textuale, predispusă să studieze proprietățile narative și caracteristicile lingvistice ale acestora. La rândul ei, geopolitica populară în opinia noastră, are în centrul atenției descrierea/comentarea pe înțelesul maselor largi a reprezentărilor și problematicii geopolitice, studiază diverse produse culturale, inclusiv audiovizuale, oferă informații despre o serie de locații și agenți ai geopoliticii de peste hotare: editori de cărți, reviste populare, reporteri de ziare, regizori de filme și desene animate, care sunt aduse la cunoștință opiniei publice prin intermediul mass-mediei. În acestă ordine de idei, geopolitica populară devine o formă/ capătă însușirile de discurs geopolitic mediatic pe teme actuale/curente.

La moment geopolitica populară colaborează activ și cu analiza academic /„de elită” a geopoliticii pentru „înțelegerile populare ale modului în care funcționează lumea” [27]**,** care își găsesc o reflectare multe aspectuală în mass-media. Rămâne să subliniem că oamenii de știință mai evidențiază încă un domeniu de colaborare a geopoliticii populare: „noile media asociate cu internetul” [28]. În așa mod geopolitica populară și mass-media cuprinde în raza lor de analiză și reflectare toate segmentele domeniului vieții internaționale, înclusiv și a problematicii geopolitice.

Generalizând, subliniem faptul că informaţia şi cunoaşterea mediatizată au devenit vectorii evoluției omenirii. În acest sens, paradigma informațională modelează percepţiile oamenilor despre evoluţiile geopolitice dintr-o regiune sau alta a lumii. Contribuie la înţelegerea de către aceştia a transformărilor din mediul internaţional şi le modelează atitudinea şi convingerile.

Mass-media, inclusiv și geopolitica media, antrenată în câmpul rivalităților de putere, dar și al cooperării în diverse domenii, în procesul vehiculării către ţintă a informaţiei se transformă din martor al evenimentelor în actor şi catalizator al acestora. Cu suportul tehnologiilor moderne ea schimbă atât mediul internațional cât și modul ei de activitate/ manifestare în acest mediu, dezvoltând și consolidând relațiile de colaborare cu comunicarea geopolitică și îmbogățindu-se pe această cale cu noi forme de reflectare a problematicii din domeniul vizat:*geopolitica media;public diplomacy,popular geopolitics.* Sub influența practicilor internaționale privind reflectarea mediatică a problematicii geopolitice, își diversifică și îmbogățește activitatea și mass-media din Republica Moldova.

Fenomenul globalizării media, sprijinit activ de paradigma informațională a geopoliticii, dă naștere la o serie de noi provocări și probleme ce țin de dreptul de autor/proprietate intelectuală, de accesul la informaţie, de libertatea exprimării şi de apariţia a noi riscuri legate de promovarea de către presa scrisă, audiovizual și internet a știrilor false cu scopul dezinformării și manipulării opiniei publice. În condițiile afirmării tot mai mult a ideii de guvernare mondială a mass-mediei/informației și în legătură cu apariția pe piața informațională a noi actori, considerăm că e necesară o colaborarea activă a țării noastre cu statele din regiune - România și Ucraina în privința reglementării juridice a activității interstatale a mass-mediei în condițiile unei socități suprasaturate informațional și cu circulație fără oprelişti

a informației. La acest capitol „situația Republicii Moldova nu are echivalent în lume. Nu vom găsi nici o altă țară în care toată agenda de politică externă în spațiul televizat este dominată de un stat străin. Televiziunile ruse au o popularitate ridicată și în alte țări din spațiul ex-sovietic, totuși, nici în Belarus, nici în Armenia sau Kirghizia posturile retransmise din Rusia nu dețin poziție dominantă [21, p.19]. De asemenea, se impun de a fi elaborate prevederi actuale/ eficiente vizând apărarea dreptului de autor și îngrădirea difuzării știrilor /materialelor false. Pasul acesta este necesar de a fi făcut cât mai operativ, deoarece realitatea adună tot mai multe probleme, depășind posibilitățile noastre de reacție, într-o lume, în care ritmul ei este dictat tot mai mult de informație.

Bibliografie

1. BUNDUCHI, I. (coord.). Securitatea informațională din perspectiva mediatică: Studiu național. – Chișinău: Fundația Soros-Moldova, 2016. – Acces: https://www.soros.md/files/publications/documents/Studiu_Securitatea%20informationala%20din%20perspectiva%20mediatica_2016.pdf

2. OPREA, D. Protecția și securitatea informațiilor. Ed.a II-a. Iași: Polirom, 2007. 448 p. ISBN: 978-973-46-0927-7.

3. MUNTEANU, D. Puterea informației într-o societate liberă. [On-line]: d_muntean_ro@yahoo.com (Accesat la 20.02.20).

4. GABOR, D. Sa ieșim din epoca risipei. București: Politica 1983. 332 p.

5. SFETCU, N. Cunoaștere și Informații. Drobeta Turnu Severin: MultiMedia Publishing, 2019. 189 p. ISBN 978-606-033-166-7.

6. МИХАЛКОВИЧ, В.И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. Москва: Наука, 1986. 224 p.

7. Dicționar de media. București: Univers Enciclopedic, 2005. ISBN: 973-637-081-X.

8. MORARU, V. Mass-media vs politica. Chișinău: CEP USM, 2001. 206 p. ISBN 9975-70-025-X.

9. Социология журналистики. Под ред. Е.П. Прохорова и др. Москва: МГУ, 1981. 232 p.

10. VOLKOFF, V. Tratat de dezinformare. București: Antet 2006. 256 p. ISBN 973-9241-87-5 .

11. KUHN, T. Structura revoluțiilor științifice. București: Humanitas, 2008. 280 p. ISBN 978-973-502-030-9.

12. FOUCAULT, M. Cuvintele și lucrurile. București: Editura Rao, 2008. 544 c. ISBN: 978-973-103- 576-5; М.Фуко Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996, 208 c. ISBN 966-521-002-5.

13. АЧКАСОВ, В.А., ЛАНЦОВ, С.А. Мировая политика и международные отношения. Москва: Аспект Пресс, 2011. 480 р. ISBN 978 -5-7567-0618 -5.

14. ВАСИЛЕНКО, И.А. Геополитика в информационном обществе:новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство În: Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки, 2005, N 6, pp.4-11.

15. JUC, V. Edificarea relaţiilor internaţionale postrăzboi rece: aspecte teoretico-metodologice şi replieri geostrategice. Chișinău: Sirius, 2011. 248 p. ISBN 978-99-75-422-5-3.

16. LASSERRE, F., GONON, E. Manuel de géopolitique, enjeux de pouvoir sur des territoires. Paris: Armand Colin, 2008. 478 p. ISBN 978-2200269456.

17. HLIHOR, C., CĂPĂȚÂNĂ, E. Comunicarea în conflictele și crizele internaționale. București: Comunicare.ro, 2007. 284 p.

18. BOULANGER, Ph. Pour une géopolitique des médias. În: La revue européenne des médias, 2013, N 26-27, pp.72-79.

19. ZEMOR, P. Comunicarea publică. Iaşi:Institutul European, 2003. 150 p. ISBN 9736112381.

20. HAMELINK, C. The Politics of World Communications: Disempowerment and Self Empowerment. London and New Jersey: Zea Books, 1995. 352 p. ISBN-13: 978-0803978225.

21. PAȘA, V., CANTARJI, V., STERPU, I. Conținutul spațiului informațional televizat din Republica Moldova și felul în care aceasta modelează comportamentele electorale. Cu o evaluare a influenței ruse asupra opțiunilor geopolitice. [On-line]: https://watchdog.md/wp-content/uploads/2018/02/Studiu-WATCHDOG_propaganda-ru-sa-la-TV-2018.pdf. (Accesat la 10.03. 2020).

22. DIZARDW, Jr. Digital Diplomacy: U.S. Foreign Policy in the Information Age. New York: Prager, 2001. 232 p. ISBN-13: 978-0275972288.
23. TUCH, H. Communicating with the world: U.S, Public diplomacy overseas. New York: St Marin's Press, 1990. 244 p. ISBN 978-0312048099.
24. NYE, J.S. Soft Power: The Means To Success In World Politics. New York: Public Affairs, 2005. 191 p. ISBN-13: 978-1586483067.
25. JOSEPH, S. Nye jr. Descifrarea conflictelor internaţionale. Teorie şi istorie. Filipestii de Târg: Antet, 2005. 247 p. ISBN 973-636-161-6.
26. DITTMER, J. Captain America's Empire: Reflections on identity, culture popular and geopolitics post-9/11. În: Annals of the Association of American Geographers, 2005, Vol. 95, N 3, pp.626–643.
27. SAUNDERS, R. Undead spaces: Fear, globalisation, and the popular geopolitics of zombiism. Geopolitics, 2012, Vol. 17, N 1, pp.80-104.
28. DITTMER, J., DODDS, K. Popular geopolitics past and future: fandom, identities and audiences.În: Geopolitics, 2008, Vol. 13,N 3, pp.437-457.

CZU 378:070(478)(091)
DOI 10.5281/zenodo.3980625

ВЫСШЕЕ ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОЛДАВСКОЙ ССР: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Жеоржета СТЕПАНОВ
Доктор-хабилитат наук о коммуникации, профессор
Молдавский Государственный Университет, Факультет журналистики и наук о коммуникации,
Департамент теории и практики печати, Республика Молдова
e-mail: *garseni@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0002-7884-8453

Высшее журналистское образование в Молдавской Советской Социалистической Республике (МССР) было инициировано в '60-х годах прошлого столетия, как специальность на Филологическом Факультете Кишиневского Государственного Университета (КГУ). Оно было задумано и разработано в большей степени как процесс идеологической подготовки, нежели как процесс профессионального обучения кадров. Несмотря на это, высшее журналистское образование того периода сыграло существенную роль в формировании специфики не только молдавского современного дидактического процесса по журналистскому профилю, но и всей современной молдавской журналистики в целом.

Данная статья была разработана в рамках исследовательского проекта «Университетское академическое наследие Молдавской ССР: исследование и усвоение передовых практик. (Государственная программа 2020-2023 г.г.)».

Ключевые слова: *высшее журналистское образование, Молдавская Советская Социалистическая Республика (МССР), учебный процесс, учебный план, университетские курсы, студенты.*

ÎNVĂȚĂMÂNTUL SUPERIOR DE PROFIL JURNALISTIC ÎN RSS MOLDOVENEASCĂ: ASPECTE ISTORICE

În Republica Sovietică Socialistă Moldovenească (RSSM), învățământul superior de profil jurnalistic s-a prefigurat la Chișinău, în anii '60 ai secolului al XX-lea, în cadrul Facultății de Filologie a Universității de Stat din Chișinău, fiind conceput mai degrabă ca un proces de instruire ideologică decât ca unul de formare profesională. În pofida acestui fapt, învățământul superior de profil jurnalistic din acea perioadă a avut un rol esențial în proiecția ulterioară a conceptului de instruire universitară pe principii noi, democratice, or, anume în anii 1966-1991, a fost conceptualizat procesul didactic de profil jurnalistic și a fost constituit corpul profesoral. Aceste procese au avut un rol decisiv în proiectarea profilului identitar al învățământului superior de profil jurnalistic din RSSM, care a determinat specificitatea învățământului universitar modern de profil jurnalistic din Republica Moldova.

Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului de cercetare „Moştenirea academică universitară a RSS Moldoveneşti: cercetarea şi învăţarea celor mai bune practici. (Programul de stat pentru anii 2020-2023)”.

Cuvinte-cheie*: învățământ superior de profil jurnalistic, Republica Sovietică Socialistă Moldovenească (RSSM), proces de studii, plan de învățământ, cursuri universitare, studenți.*

JOURNALISTIC HIGHER EDUCATION IN MOLDOVAN SSR: HISTORICAL ASPECTS

The journalistic higher education in the Moldovan Soviet Socialist Republic (MSSR) was initiated in the '60s of the last century, as a specialty at the Philological Faculty in Chisinau State University (KSU). It was more created and developed as a process of ideological education than as a process of professional training of the workforce. Despite this, the journalistic higher education of that period played an important role in the specifics' formation of not only the Moldovan modern didactic process in journalism, but also in the modern Moldovan journalism per general.

This article was developed as part of the research project "University Academic Heritage of the Moldavian SSR: Research and Learning Best Practices (State Program 2020-2023)".

Keywords: *journalistic higher education, Moldovan Soviet Socialist Republic (MSSR), studying proccess, curriculum, university courses, students.*

ENSEIGNEMENT SUPÉRIEUR EN JOURNALISME EN RSS DE MOLDAVIE: ASPECTS HISTORIQUES

L'enseignement supérieur en journalisme dans la République Socialiste Soviétique de Moldavie (MSSR) a été initié dans les années '60-s du dernier siècle, comme une spécialité à la Faculté de Philologie de l'Université d'État de Chisinau. Il a été conçu et développé plus comme un processus de formation idéologique que comme un processus de formation professionnelle du personnel. Malgré cela, l'enseignement supérieur en journalisme de cette période a joué un rôle important dans la formation de la spécificité non seulement du processus didactique moldave moderne de profil journalistique, mais aussi de l'ensemble du journalisme moldave moderne, en général.

Cet article a été élaboré dans le cadre du projet de recherche "Patrimoine académique universitaire de la RSS de Moldavie: recherche et apprentissage des meilleures pratiques. (Programme d'État 2020-2023)".

Mots-clés: *enseignement supérieur en journalisme, République Socialiste Soviétique de Moldavie (RSSM), processus d'étude, plan d'étude, cours universitaires, étudiants.*

Высшее образование в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) было задумано не только как процесс приобретения профессии и формирования молодых специалистов, но и как идеологической процесс, который должен был способствовать формированию «нового человека – homo soveticus». Впоследствии, высшие учебные заведения стали считаться не только кузницей кадров, но и действенным механизмом формирования этого «нового человека». В советское время, «…миссия высших учебных заведений состояла в формировании советских специалистов с высшим образованием, которые, ассимилировав марксистско-ленинскую теорию, были бы сплочены и прочно связаны с народными массами и могли бы играть важную и ответственную роль в борьбе нашего народа за построение коммунистического общества» [1, с.478].

В том контексте, создание высшего образования в области журналистики в Молдавской ССР не было исключением, ибо его цели были ориентированы, прежде всего, на формирование идеологов – лидеров мнений, которые поддерживали бы и продвигали в массы политику Коммунистической Партии Советского Союза (КПСС), для воплощения в жизнь стратегических целей советского режима.

Объектом исследования стала эволюция высшего молдавского журналистского образования, а *предметом* исследования – этап становления и развития высшего журналистского образования в Молдавской ССР (1966-1991).

Задача исследования: 1) уточнить условия появления и рамки развития высшего молдавского журналистского образования; 2) идентифицировать специфику эволюции высшего

журналистского образования в Молдавской ССР (1966-1991).

Гипотеза: высшее журналистское образование в МССР было задумано и разработано в большей степени как процесс идеологической подготовки, нежели как процесс профессионального обучения кадров, но, вопреки этому, оно сыграло существенную роль в формировании специфики, в частности, молдавского современного дидактического процесса по журналистскому профилю, а в целом, и всей современной молдавской журналистики.

Степень исследования проблемы. Проблема становления и развития высшего журналистского образования в Молдавской ССР (1966-1991) до сегодняшнего дня ещё не была исследована. В молдавской научной среде до сих пор не было разработано ни одной научной работы, которая рассматривала, хотя бы косвенно, определенные аспекты этого вопроса. Социально-экономические и политические изменения, произошедшие в 90-х гг. прошлого столетия, привели к возникновению новых феноменов, в том числе медийных, которые привлекли внимание научных деятелей, став для них приоритетными на протяжении последних двух десятилетий.

Методологическая, теоретическая основа исследования составляет: системный подход взаимодействия разных взаимозависимых и взаимообусловленных факторов. Для анализа эволюции высшего журналистского образования в Молдавской ССР (1966-1991) были использованы исторический, функциональный, структурный, институциональный и социокультурный подходы.

Изложение основного материала. Молдавское высшее журналистское образование берет свое начало в 1960-х годах 20-го века в Кишиневском государственном университете на Филологическом факультете. С точки зрения институциональной организации, эволюцию данного высшего образования можно разделить на три основных этапа, а именно:

- 1966-1969 гг. – организация дидактического процесса на базе специализации по журналистскому профилю, в рамках Филологического факультета;
- 1969-1980 гг. – организация учебного процесса на базе специальности *Журналистика*, на том же факультете;
- 1980 - 1991 гг. – организация учебного процесса на базе специальности *Журналистика* в рамках Факультета *Журналистики*.

Решение об открытии специализации журналистского профиля в 1966 году на Филологическом факультете КГУ, было определено конъюнктурой времени. Хотя инициирование образования журналистского профиля аргументировалось дефицитом профессиональных журналистов, вызванным увеличением в ’50-’60-х годах прошлого века числа местных периодических изданий, а также расширением зоны вещания молдавских радиостанций, на самом деле, оно было создано из стратегическихсоображений и было ориентированно на формирование нового советского коллективного менталитета.

Таким образом, в 1966 году, в КГУ, на специальность *Журналистика* были зачислены 25 студентов. В том же году из учащихся II курса Филологического факультета была создана академическая группа, студенты которой, отказавшись от ранее выбранной специальности, должны были продолжить обучение на специальности*Журналистика*.

Университетская подготовка кадров для средств массовой информации на базе специализации в рамках Филологического факультета существовала три года, так как в 1969 году старый формат образования был пересмотрен и изменен в пользу концепции обучения на базе специальности. В том же году, на том же факультете была

создана Секция *Журналистика* и, соответственно, первая кафедра *Журналистики,* которая обеспечивала преподавание специализированных учебных дисциплин. Но несмотря на это, университетское образование журналистского профиля того периода не имело ни самостоятельной концепции, ни ярко-выраженной идентичности, так как находилось под сильным влиянием филологической специальности, как с функциональной, так и с концептуально-методической точки зрения. Первые выпускники специальности *Журналистика* получили квалификацию «филолог, учитель молдавского языка и литературы, журналист». Университетское образование по специальности *Журналистика* существовало в МССР 13 лет и в конце ’70-х годов прошлого столетия в КГУ действовали уже три профильные кафедры по журналистике: кафедра теории и практики советской и партийной печати; кафедра истории печати, телевидения и радиовещания и кафедра редактирования и издательской деятельности.

Первый факультет *Журналистики* в МССР был основан 24 марта 1980 года, в том же КГУ. Данное событие было широко освещено в печати того времени, включая всесоюзную газету «Правда», являющуюся печатным органом КПСС, что указывает на значение и важность, которую советское руководство придавало университетскому образованию гуманитарного профиля, в целом, и журналистскому образованию, в частности. Это происходило, потому что в рамках данного вида образования готовились идеологические кадры, которые впоследствии сформировали бы критическую массу людей, безоговорочно поддерживающую все решения Коммунистической партии. Например, согласно образовательной политике того времени, целью журналистского образования была, кроме всего прочего, подготовка профессиональных кадров, способных «правильно» освещать решения КПСС, агитировать, пропагандировать советский образ жизни и организовывать массы. Ведь «в функциональные обязанности журналистов того времени входило:

- продвижение официальной идеологии Компартии;
- распространение и объяснение решений, принятых на советских форумах;
- организация и мобилизация масс для осуществления решений власти;
- борьба со старыми устоями и продвижение новых, советских ценностей;
- воспитание и перевоспитание масс в соответствии с коммунистическими принципами жизни» [2, с.69].

По указанию вышестоящих всесоюзных партийных органов, основание факультета журналистики в Кишиневе было поддержано Центральным комитетом (ЦК)Коммунистической Партии Молдовы (КПМ), а также важнейшими средствами массовой информации и пропаганды МССР, в числе которых: газеты «Социалистическая Молдавия» – пресс-орган КПМ и «Tinerimea Moldovei» (Молодежь Молдавии) – печатный орган комсомольцев Молдавии; Государственный комитет по телевидению и радиовещанию, Союз журналистов Молдавии, Государственный комитет по издательству, полиграфии и книжной торговле, Издательство ЦК и др.

Обучение на факультете *Журналистики* проводилось на двух языках – румынском и русском. В отличие от других специальностей, где количество групп, в которых преподавание велось на русском языке, было обычно в разы больше чем групп с обучением на румынском языке, на специальность *Журналистика* набирали равное количество групп. Число студентов, ежегодно поступивших на первый курс, было примерно одинаковым, потому что «прием в высшие учебные заведения в МССР строго контролировался Министерством народного образования. Количество студентов, которые

должны были быть зачислены на обучение, пересматривалось ежегодно по каждой специальности в отдельности»[3]. С момента своего основания факультет принимал 50 студентов каждый год: 25 в группу с румынским языком обучения и 25 – собучением на русском языке.

Ситуация изменилась в 1987 году, когда набор первокурсников на специальность *Журналистика* увеличился на 50%. составив 75 человек. Из них, 50 студентов учились на румынском языке и 25 – на русском.

Выводы. В МССР, высшее образование гуманитарного профиля, в том числе и образование в области журналистики, подвергалось жесткой цензуре, ибо было направленно на формирование нового человека социалистического типа и на созидание коммунистического общества. Однако важность этого периода для развития национального высшего образования журналистского профиля, в частности, и для развития современного медиасектора в Республике Молдова, в целом, нельзя игнорировать, поскольку именно действия, предпринятые в то время, способствовали образованию идентичности современной молдавской образовательной системы журналистского профиля.

Практическое значение полученных результатов заключается в возможности использования данного материала для совершенствования исторического контекста развития университетского образования журналистского профиля в советское время и для уточнения социально-политических рамок, в которых оно развивалось. Результаты исследований так же могут быть использованы в качестве дидактического материала для университетских дисциплин, связанных с историей журналистики.

Библиография

1. ROTARU, L. Politica sovietică în domeniul învățământului superior din RSS Moldovenească. В: Panorama comunismului în Moldova Sovietică. Context, surse, interpretări. Coord. Corobca L. Iași: Polirom, 2019. c.477-492.
2. STEPANOV, G. Introducere în studiul jurnalismului. Studiu. Chișinău: CEP USM, 2012. 198 p.
3. DOLGHI, A. Politica statului sovietic privind componenţa naţională a corpului didactico-ştiinţific şi studenţesc la facultăţile de istorie din RSSM (1944-1965). In: Revista de etnologie şi culturologie. Volumul XVIII. pp.90-96. Доступно: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/90_96_Politica%20Statului%20Sovietic%20privind%20componenta%20nationala%20%20a%20corpului%20didactico-stiintific%20si%20studentesc%20la%20facultatile%20de%20istorie%20%20din%20RSSM%20%281944%E2%80%931965%29.pdf (посещено 09.011.2019).

CZU 070+659.3
DOI 10.5281/zenodo.3980633

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ЖАНРЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

Мариана ТОАКЭ
Доктор наук о коммуникации, преподаватель
Молдавский Государственный Университет, Факультет журналистики и наук о коммуникации,
Департамент теории и практики печати, Республика Молдова
e-mail: *marianatoaca@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0002-0977-8885

Проблема журналистских жанров, используемых в печатных СМИ, актуальна и очень важна. Эстетический аспект и структура номера газеты, ее влияние на читателя и эффективность редакционной деятельности зависят, в том числе, от разнообразия журналистских жанров, в которых отражается реальность. Газетное издание может представлять собой сложный и законченный медиапродукт только в том случае, если периодическое издание гармонично сочетает в себе различные виды медиапродукции. Наличие разнообразных журналистских жанров в газете является доказательством глубины медийного подхода и концептуализации каждого издания в отдельности.

Ключевые слова: *печатные СМИ, информационные жанры, аналитические жанры, газеты*

GENURILE JURNALISTICE ÎN PRESA SCRISĂ

Problema genurilor jurnalistice utilizate în presa scrisă este relevantă și foarte importantă. Aspectul estetic și structura numărului de ziar, impactul său asupra cititorului și eficiența editorială depind, printre altele, de varietatea genurilor jurnalistice în care se reflectă realitatea. Publicația de ziar poate fi un produs media final, complex și complet, numai dacă ediția periodică combină armonios diverse tipuri de producție media. Prezența diverselor genuri jurnalistice în ziar este o dovadă a profunzimii abordării și a conceptualizării mass-media și a fiecărei ediții în parte.

Cuvinte-cheie: *presa scrisă, genuri informative, genuri analitice, ziare*

JOURNALISTIC GENRES IN THE PRINT MEDIA

The problem of journalistic genres used in print media is relevant and very important. The aesthetic appearance and the structure of the newspaper issue, its impact on the reader and editorial efficiency depend, inter alia, on the variety of journalistic genres in which reality is reflected. The newspaper publication can be a final, complex and complete media product only if periodicals harmoniously combine various types of media production. Availability of various journalistic genres in the newspaper is proof of the depth of the media approach and conceptualization of each edition separately.

Keywords: *print media, news genres, analytical genres, newspapers*

GENRES JOURNALISTIQUES DANS LA PRESSE ÉCRITE

Le problème des genres journalistiques utilisés dans la presse écrite est pertinent et très important. L'aspect esthétique et la structure du journal, son influence sur le lecteur et l'efficacité éditoriale dépendent notamment de la diversité des genres journalistiques dans lesquels se reflète la réalité. Une publication de journal ne peut pas être un produit multimédia

final, complexe et fini que si la publication périodique combine harmonieusement les différents types de production. La diversité des genres journalistiques dans le journal est la preuve de la profondeur de l'approche médiatique et de la conceptualisation de chaque publication.
***Mots-clés**: presse écrite, genres d'actualités, genres analytiques, journaux*

Печатная пресса, как и все другие элементы системы СМИ, вводит в обращение медийные продукты, которые вносят в повестку дня новые темы и информируют общественность обо всем, что происходит в социокультурной среде, а также продукты, которые выносят на обсуждение и анализируют явления действительности. Чтобы отразить реальность, печатная пресса использует широкий спектр форм выражения, специфичных как для информационной, так и для аналитической журналистики.

Информационная журналистика в категории новостей, интервью, репортажей направлена на достижение нескольких целей, таких как: передача фактов, репортажи о событиях, распространение информации, которая рассказывает о людях, сообщает о происшествиях, проблемах и т.д.

Информационные тексты в прессе представляют собой приоритетную область общественного интереса, их основной целью является оперативная и объективная информация аудитории о последних событиях. В информационных текстах, независимо от того, в каком виде они реализованы, не ставится акцент на мнении, оценочном суждении, эмоции, настроении и т.д. Эту цель, однако, трудно достичь, так как процесс фильтрации и иерархизации информации с целью включения ее в текст предполагает определенные оценочные суждения. Их влияние также усиливается процессом размещения текста на газетной странице, что затрудняет достижение цели журналиста. Журналист должен соблюдать объективность, являющуюся проблемой профессиональной морали и честности, за счет сбалансированного отношения к реальности в целом, к каждому событию в отдельности и ко всем участникам, вовлеченным в описываемое событие.

Информационные тексты неотъемлемо присущи печатной прессе. Информация, в том числе, утилитарного и предупреждающего характера привлекает читателей. Полезность таких текстов бесспорна: они затрагивают пунктуальные данные, практически необходимые для повседневной жизни, оказывают непосредственное влияние на аудиторию потому что улучшают и оптимизируют повседневную деятельность человека, предоставляя ему сведения о культурных программах, погодных условиях, общественных услугах, ценах, расписаниях экзаменов, графиках общественного транспорта и т. д. Этот тип информации сигнализирует о возможностях, помогает людям получать информационные инструменты, с помощью которых можно ориентироваться и контролировать окружающую среду, организовывая свою повседневную жизнь. Не менее важна информация для предотвращения различных аномалий, таких как: эпидемии, наводнения, пожары, оползни, землетрясения, засуха, дорожные происшествия, технические взрывы, утечки газа, радиоактивные выбросы, заражение водой или почвой и т. п. Зачастую информационные тексты являются отправной точкой для реализации аналитических суждений и комментариев в рамках журналистики мнений / аналитической журналистики.

Аналитическая журналистика, в отличие от информационной журналистики, не ограничивается элементарным изложением фактов и простым отражением реальности. Она преследует несколько целей, в том числе: развитие и объяснение идей, ответы на вопросы, высказывание мнений, утверж-

дение позиций, критика решений, формирование отношений, активизация действий и т. д. В видении экспертов, аналитические жанры отличаются детальной проработкой причинно-следственных связей, оценочных отношений предмета, основательностью аргументации [1, с. 158].

По мнению румынского исследователя Д. Попа, одна из целей журналистики, основанной на мнениях и комментариях, заключается в том, чтобы направлять аудиторию: «... газета может определять реакцию общественности и даже создавать новые программы, на макросоциальном уровне она может предлагать лидеров, она может быть фактором перемен. Обязанность газеты состоит в том, чтобы фактически улучшить жизнь общества, и это не может быть достигнуто только путем конструктивной критики, но также и путем рассмотрения альтернатив, путем предложения решений. Правильное продвижение этих направлений может обеспечить публикации особое уважение в обществе» [2, с. 2]. Подобная цель является основной для печатных СМИ, поскольку она подтверждает статус газеты как института, формирующего общественное мнение. В то же время благодаря этой цели можно поддерживать или даже расширять интерес общественности к средствам массовой информации, а также усилить связь между газетой и ее читателями.

В категорию аналитической публицистики входят: статья (редакционная, аналитическая, передовая), комментарий, обозрение, и т.д. - жанры, в которых по природе вещей обычно присутствует субъективный элемент. Тем не менее, независимо от того, какое жизненно-важное явление подвергается исследованию, журналистика мнений и комментариев может быть эффективной, только если она осмысливает проблемы так, чтобы это было нацелено на уровень восприятия аудитории. Автор аналитических статей «должен осмыслить общепризнанные ценности сообщества, частью которого он является, и усилить их посредством публикации» [3, с. 3]. Это условие, которое заслуживает пристального внимания редакционной политики.

Читатели запрашивают и ожидают аналитические тексты в газетах, поскольку они обеспечивают распространение фактов, проблем и последствий. Они дают объяснение того, что происходит сейчас или что произойдет в будущем, предлагая обоснованные выводы. Аналитический дискурс в прессе представляет собой исследование сторон и участников, вовлеченных в проблему, обсуждение возможных рисков и преимуществ для различных социальных категорий. Известно, что цель анализа состоит в том, чтобы обеспечить путем тщательного изучения всех определяющих факторов новые значения и видения вещей.

Специфическим для журналистского мнения и комментариев в прессе является также тот факт, что он содержит элементы, которые приносят новую информацию, которая является результатом либо собственного расследования журналиста, либо опросов общественного мнения, либо исследований, проведенных экспертами. Элемент новизны используется для демонстрации апробированной практики, для аргументации выявленной тенденции или для объяснения определенного явления.

Проблема журналистских жанров, используемых в печатных СМИ, актуальна и очень важна. Однако, эстетический аспект понятия и структура номера газеты, ее влияние на читателя и эффективность редакционной деятельности зависят, в том числе, от разнообразия журналистских жанров, в которых отражается реальность [4, с. 65]. Газетное издание может представлять собой конечный, сложный и законченный медиапродукт, только если периодическое издание гармонично сочетает в себе различные виды рекламы. Наличие разнообразных журналистских жанров в газете

является доказательством глубины медийного подхода и концептуализации каждого издания в отдельности.

Важно определить типы медиапродукции как жанр и осмыслить характер корреляции между информационной и аналитической журналистикой, потому что она показывает значение периодических изданий в социокультурной реальности, к которой они принадлежат, и в то же время объясняет их цели и приоритеты, роль в процессе использования потенциала информационного массива, функции и роли.

Форма выражения медиа-продукта так же важна, как и информация, составляющая его содержание. Выбор журналистского жанра определяется характером и масштабом события.

События и ситуации новизны, которые происходят или произошли недавно, требуют форм выражения, с помощью которых осуществляется информационная журналистика: заметки, интервью, репортажи.

Сложные события внушительных размеров, расширенных во времени и пространстве, как правило, требуют, чтобы к их интерпретации обращались через аналитические жанры.

Как считают специалисты, творческий потенциал аналитической журналистики позволяет не только констатировать факты, события, явления, но и исследовать причины происходящего, прогнозировать перспективу, что является стратегическим фактором информационного обеспечения современного общества [5, с. 49].

В общенациональной прессе Республики Молдова наиболее часто встречающиеся формы журналистских работ попадают в категорию мнений и-комментариев, а в местной прессе намечается тенденция подходить к проблемам региона через информативные жанры, которые журналисты «дополняют» элементами анализа и синтеза.

Библиография

1. ПЛОНИШ, В. Теория и практика массовой информации. СПб.: ИВЭСЭП, 2005.
2. POPA, D. Mass media astăzi. Iaşi: Institutul european, 2002.
3. Там же.
4. ХУДЯКОВА, Эл. Жанровая палитра районной газеты. В: Городская и районная печать на новом этапе перестройки и борьбы за ускорение социально-экономического развития общества. Кишинёв, 1988, с. 65-70.
5. БЕЛЯКОВА, Л. Эвристический потенциал аналитической журналистики современной медиаиндустрии. В: Знак: проблемное поле медиаобразования, 2013, № 1 (11), с. 44-49.

MOLDOSCOPIE

Publicaţie periodică ştiinţifico-practică

Tipul B

Anul 24 (2020), nr. 2 (89)

Bun de tipar 29.06.2020. Formatul 60x80 $^{1}/_{12}$.
Coli de tipar 20,0. Coli editoriale 16,6.
Tirajul 200 ex.

Centrul Editorial-Poligrafic al USM
str. Al. Mateevici, 60, Chişinău, MD 2009